

Ермолов А. П.

**Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й
Западной армии, в Отечественную
войну 1812 года**

Ермолов А. П.. Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 года. - М.: Директ-Медиа, 2010. - 149 стр.

ISBN: 9785998911644

Книга включает записки видного военного и государственного деятеля генерала Алексея Петровича Ермолова, содержащие ценные сведения о военных кампаниях 1805-1807 гг., об Отечественной войне 1812 г. В них даны живые описания наиболее крупных сражений, яркие характеристики М. И. Кутузова, П. И. Багратиона, М. Б. Барклая де Толли, М. И. Платова, П. Х. Витгенштейна и др. В данное издание вошли также Записки 1816-1826 гг., когда Ермолов был командующим Кавказским корпусом и главнокомандующим в Грузии во время Кавказской войны.

Содержание

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА ЕРМОЛОВА, НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО ШТАБА
1-Й ЗАПАДНОЙ АРМИИ, В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1812 ГОДА

4

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА ЕРМОЛОВА, НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО ШТАБА 1-Й ЗАПАДНОЙ АРМИИ, В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1812 ГОДА

Настал 1812 год, памятный каждому русскому, тяжкий потерями, знаменитый блистательною славою в роды родов!

В начале марта месяца гвардия выступила из С.-Петербурга. Чрез несколько дней получил я повеление быть командующим гвардейскою пехотною дивизиею¹. Назначение, которому могли завидовать и люди самого знатного происхождения и несравненно старшие в чине. Долго не решаюсь я верить чудесному обороту положения моего. К чему однако же не приучает счастье? Я начинал даже верить, что я того достоин, хотя, впрочем, весьма многим позволяю я с тем не согласоваться. Скорое возвышение мало известного человека непременно порождает зависть, но самолюбие умеет истолковать ее выгодным для себя образом, и то же почти сделал я, не без оскорбления, однако же, справедливости.

Дивизионным начальником прихожу я на маневры в Вильну. Все находят гвардию превосходною по ее устройству, и часть похвалы, принадлежавшей ей по справедливости, уделяется мне, без малейшего на то права с моей стороны.

После краткого пребывания в Вильне гвардия возвратилась на свои квартиры в город Свенцяны.

Французы в больших силах находились близ наших границ. Слухи о войне не были положительны; к нападению по-видимому никаких не принималось мер, равно и с нашей стороны не было особенных распоряжений к возбранению перехода границ. Ближайшие из окружающих государя допускали мысль о возвращении графа Нарбонна, адъютанта Наполеона, присланного с поручениями, который в разговорах своих ловким весьма образом дал некоторые на то надежды. Были особы, совершенно в том уверенные.

В тот самый день, когда государю императору дан был праздник знатнейшими сановниками и составляющими его свиту (*la maison de l'empereur*), в загородном гулянье близ Вильны (в Закрете), среди великолепия и роскошных увеселений, приехал из Ковно чиновник с известием, о котором немедленно доведено до сведения государя. Не могло укрыться смятение между окружающими, и дало повод к

заклучениям о причине внезапного прибытия, а вскоре затем разгласила молва, что французы перешли Неман недалеко от Ковно, что город занят ими, и казаки на передовой страже отступают, разменявшись выстрелами. Исчез обоюдный страх, долгое время в нерешимости удерживавший, и мы огромным неприятеля ополчением, ступившим на нашу землю, прежде Вильну и вскоре всю Литву, едва сопротивляясь, уступили!

В Вильне должен был генерал-адъютант Балашов с письмом от государя к Наполеону дожидаться его прибытия.

Государь прибыл к гвардии, и ей приказано расположиться при Свенцянах лагерем.

1-й Западной армии, сильнейшей числом войск, назначен главнокомандующий генерал от инфантерии военный министр Барклай де Толли, главная его квартира в Вильне.

Составляющие ее корпуса находятся под командою: 1-й пехотный корпус генерал-лейтенанта графа Витгенштейна. Корпусная его квартира в местечке Кейданах. 2-й корпус генерал-лейтенанта Багговута в Вилкомире. 3-й корпус генерал-лейтенанта Тучкова 1-го (Николая Алексеевича) в городе Троках. 4-й корпус генерал-адъютанта графа Шувалова в городе Лиде. 5-й корпус великого князя Константина Павловича в городе Видзах. 6-й корпус генерала от инфантерии Дохтурова в местечке Слониме.

Кавалерийские корпуса: 1-й генерал-адъютанта Уварова. 2-й генерал-адъютанта барона Корфа. 3-й генерал-майора графа фон дер Палена (Петра Петровича). Донское войско под начальством атамана генерала от кавалерии Платова в городе Гродно и Белостокской области.

2-й Западной армии главнокомандующий генерал от инфантерии князь Багратион. Главная его квартира в местечке Пружанах.

3-я Западная армия под начальством генерала от кавалерии Тормасова. Главная его квартира в Дубне.

Молдавская армия, предводительствуемая адмиралом Чичаговым, находилась большею частию в Валахии, где оставалась до заключения мира с Оттоманскою Портою, коего прелиминарные пункты были уже подписаны.

Первые две армии расположены были по европейской нашей границе и должны были противостоять вторжению армий, лично предводимых

Наполеоном; но столько несоразмерны были силы, и так на большом пространстве рассеяны наши войска, что единственное средство было отступление без потери времени.

Известны были огромные приуготовления Наполеона к войне, с поспешностию делаемые. Могуущественно было влияние его на Рейнский союз, и после блистательных успехов его в последнюю войну против австрийцев не мог он ожидать, чтобы император Франциск I дерзнул поднять на него оружие, и даже сама Пруссия, долго льстившая соединением с нами, должна была склониться на его сторону.

Война России совокупно с Пруссией против Наполеона в 1806-1807 годах, конченная Тильзитским миром, грозила разрушением Пруссии. Могуущественное посредничество государя сохранило ее, но при всем том взяты в обеспечение некоторые из главных крепостей и заняты французскими гарнизонами, ограничено количество войск, которое не должна превосходить прусская армия.

Россия тщетно старалась избежать войны; должна была наконец принять сильные против нее меры.

Мнения насчет образа войны были различны. Не смея взять на себя разбора о степени основательности их, я скажу только то, что мне случалось слышать.

Военный министр предпочитал войну наступательную. Некоторые находили полезным занять Варшавское герцогство и, вступивши в Пруссию, дать королю благовидную причину присоединиться к нам, средство усилить армию и далее действовать сообразно с обстоятельствами. Если бы превосходные силы неприятеля заставили перейти в войну оборонительную, Пруссия представляет местность особенно для того удобную, средства, продовольствие изобильные, и война производилась бы вне границ наших, где приобретенные от Польши области не допускают большой степени к ним доверенности.

Несравненно большие могли предстоять выгоды, если бы годом ранее, заняв герцогство Варшавское, вступили мы в союз с королем прусским. Польская армия, с невероятною деятельностью формированная, не более имела тогда пятидесяти тысяч человек и не дерзнула бы противостать нам или могла быть уничтожена; французские войска в Германии под начальством маршала Даву не были многочисленны и, в надежде на

содействие Пруссии, на большом пространстве рассыпанные, не приспели бы к спасению ее. Гарнизоны по крепостям, из них составленные, были малолюдны и некоторые из крепостей совсем не заняты. Жестокая война с Гишпаниею, гибельная для французских ополчений, требовала беспрерывно значительных подкреплений, и только за год до начала войны с нами (1811) допустила заняться составлением громадных армий [-] французской и Рейнского союза. Члены сего понуждаемы были к чрезвычайным усилиям, к отяготительным издержкам, которые не могли поощрять к добровольному соучастию. Австрия, видя в руках наших Варшавское герцогство, Пруссию, подъявшую оружие, вероятно не осталась бы в виновном бездействии, и тогда, смирив всеобщего врага, можно бы дать мир утомленной бедствиями Европе, исхитить царей из порабощения и страх, вселенный в них Наполеоном, обратить ему в ужас и отмщение. Преткнулись бы шаги его на той земле, где каждый из них провождал к победам и торжествам. Предположив, что Австрия, не смея решиться соединить оружие свое с нашим, будет упорствовать в сохранении нейтралитета, и тогда Наполеон в борьбе с армиями, нашею и прусскою, и понуждаемый сверх того разбросать немалое число войск для наблюдения за крепостями и для удержания в повиновении занятых областей, лежащих в тылу армии, мог почитать вступление в наши границы небезопасным и способы его не довольно для того благонадежными.

В настоящее время (1812) казалось все приуготовленным со стороны нашей к войне наступательной: войска приближены к границам, магазины огромные заложены в Белостокской области. Гродненской и Виленской губерниях, почти на крайней черте наших пределов. В то самое время однако же, не отвергая возможности отвратить войну переговорами и демонстрациею), ожидали даже вторичного приезда присланного Наполеоном графа Нарбонна, но полученные наконец достоверные сведения о чрезвычайных силах, сосредоточиваемых в близком расстоянии от границ, решили отступление наших армий.

Некто бывшей прусской службы генерал Фуль, теперь в нашей генерал-лейтенантом, снискавший доверенность, которой весьма легко предаемся мы в отношении к иноплеменникам, готовы будучи почитать способности их всегда превосходными, между разными соображениями и проектами предложил, как многие утверждают, мысль о приуготовлении укрепленного лагеря на реке Двине близ местечка Дриссы. Направление,

на котором устроен сей лагерь, при первом взгляде сообщает понятие о воинских соображениях господина Фуля. Ему же приписывают возражение против сближения 1-й армии со 2-ю армиею в том предположении, чтобы могла она действовать во фланге неприятеля, когда он устремится на нашу 1-ю армию.

Не только не смею верить, но готов даже возражать против неосновательного предположения, будто военный министр одобрял устройство укрепленного при Дриссе лагеря, и что еще менее вероятно, будто не казалось ему нелепым действие двух разобщенных армий на большом одна от другой расстоянии, и когда притом действующая во фланг армия не имела полных пятидесяти тысяч человек.

Если бы Наполеон сам направлял наши движения, конечно не мог бы изобрести для себя выгоднейших.

Генерал от кавалерии барон Беннингсен, бывший главнокомандующий в последнюю войну с французами в Пруссии, всемерно старался склонить на сближение армий, так чтобы от нас зависело или стать на прямейшей дороге, идущей на Смоленск, или избрать такое положение, которое бы препятствовало неприятелю отклонить нас от оной; но при всей настойчивости успел только согласить на перемещение 2-й армии из окрестностей Луцка, что на Волыни, в местечко Пружаны.

Войска наши, приближенные к границе, охватывая большое пространство, могли казаться Наполеону готовыми возбранить переправу чрез Неман, и конечно трудно было предположить, чтобы такое размещение их сделано было для удобнейшего отступления, которое раздробление сделает необходимо затруднительным, подвергая опасности быть разрезанным по частям.

Наполеон, с главными силами перешедши Неман от Ковно, направлением их обнаружил намерение корпуса ваши не допустить соединиться, в чем, конечно, успел бы частию, если бы мог скорее совершить переправу, не будучи принужденным дожидаться с войсками. Имея между поляков много людей приверженных, без сомнения извещен был обстоятельно о расположении войск наших², быть может и о намерении оставить Литву.

6-й корпус, для содержания сообщения между обеими армиями расположенный довольно далеко, присоединился не по причине принятых

со стороны нашей мер, но единственно по медленности переправы неприятеля. Отряд гусар из окрестностей Гродно догнал 6-й корпус на пути его, потому что им командовал генерал-майор граф Пален, прошедший в продолжение трех дней почти двести верст ³.

Войско Донское под начальством самого атамана генерала Платова, расположенное близ Гродно, будучи назначено действовать вместе с 1-ю армиею, при всей свойственной ему быстроте, не могло к ней присоединиться, и движением корпуса маршала Даву отброшенное, должно было обратиться к армии князя Багратиона. В команде атамана Платова находился отряд генерал-майора Дорохова из одного гусарского и двух егерских полков.

Таким образом, 1-я армия, хотя слабо преследуемая, защищаясь на каждом шагу, взяла направление на славный по слухам при Дриссе лагерь ⁴. Арриергард имел при селении Давгелишки довольно горячую схватку. Далее неприятель являлся в малых силах и более наблюдал, нежели преследовал. За отсутствием атамана только три донских казачьих полка находились при армии, а потому в арриергарде употреблена была легкая гвардейская кавалерийская дивизия.

Наконец армия вступила в лагерь. Авангард остановился не в далеком расстоянии, 1-й корпус перешел на правый берег Двины и стал у местечка Друи, авангард от него по направлению к Опсе. Также перешел и 6-й корпус, стал у городка Дриссы, авангард от него у местечка Дисны. Следование армии было так быстро, что далеко позади оставила она неприятеля и должна была посылать партии отыскивать, где он. Узнали, что в Бельмонте главная квартира Наполеона при небольших силах, но что главные направляются на Дисну по левую сторону нашего лагеря.

Главкомандующий, обозревая лагерь, нашел, что он устроен на число войск гораздо превосходнейшее, нежели с каким прибыла армия. Генерал барон Беннингсен осмотрел в подробности и заметил, что многие части укреплений не имели достаточной между собою связи, и потому слаба была взаимная их оборона; к некоторым из них доступ неприятелю удобен, сообщение между наших войск затруднительно. Были места близ лагеря, где неприятель мог скрывать свои движения и сосредоточивать силы. Профили укреплений вообще слабы. Три мостовые укрепления чрезмерно стеснены, профили так худо соображены, что с ближайшего возвышения

видно в них движение каждого человека. Все описанные недостатки не изображают еще всех грубых погрешностей, ощутительных для каждого, понимающего это дело. Лагерь требовал немало времени для построения, трудов и издержек, и сверх того к нему проложены военные дороги.

Здесь у места упомянуть о прочих укреплениях, прежде войны предпринятых. В Риге мостовое укрепление распространено и прибавлены некоторые вновь; крепость приведена в оборонительное состояние.

Крепость Динабургская на реке Двине строилась более года, сделано мостовое необширное укрепление, пороховой погреб и караульня. Линии самой крепости едва были означены. По обыкновенному порядку отчеты в издержанных суммах даны исправные; иноземец, давший проект и управлявший работами, признан за человека с превосходными дарованиями, и прежде всяких заслуг дан ему чин. Укрепление сие в продолжение войны два или три дня противостояло небольшим неприятельским партиям легких войск, после чего орудия и снаряды были потоплены и мост сожжен.

На правом берегу реки Березины против города Борисова устроено укрепление, дабы не допустить неприятеля овладеть мостом, впоследствии у неприятеля взятое нашими войсками.

Крепость Бобруйская на реке Березине, хотя непродолжительное время строившаяся, в такое же однако приведена состояние, что требовала бы осады, для произведения которой не доставало средств у неприятеля, и он ограничился обложением.

При Киевской крепости, на горе, называемой Зверинецкою, вновь построена небольшая крепостца, при работах которой находился я сам с отрядом войск от резервной армии, и потому знаю все безобразные ее недостатки. От старой крепости в 400 саженьях расстояния мало вспомоществует ей собою и даже сообщения довольно свободного не имеет; не представляет собой даже и той пользы, что далеко удерживает неприятеля от крайностей, ибо овладевши ею неприятель чувствительного вреда крепости нанести не может⁵.

Сила описанных крепостей по-видимому не заключается в них собственно, но в отдалении способов неприятеля для предпринятая осад.

Сему обязаны мы целостию Риги, сохранением Бобруйска и можем

принимать их за твердыни непреодолимые.

Во время пребывания 1-й армии в укрепленном лагере неприятель собирался на левом нашем крыле, направляясь на Дисну. Маршал Даву поспешал к Минску с сильным корпусом, но только еще голова одного приближалась к городу. Князь Багратион мог бы предупредить Даву в Минске, и если бы даже встретился с его войсками, то конечно с одними передовыми, как то известно сделалось после; надобно было, и он должен был решиться атаковать, предполагая даже понести некоторую потерю, чтобы овладеть дорогою на Смоленск. Изменила князю Багратиону всегдашняя его предприимчивость. К тому же скорость движения его умедливали худые от Несвижа дороги и переправа чрез Неман у местечка Николаева. Также получая о неприятеле вести преувеличенные, он возвратился к Несвижу и чрез Слуцк пошел на Бобруйск. За ним последовали войска в команде короля вестфальского и князь Понятовский с польскою конницею. С сего времени на соединение обеих армий отняты были все надежды. Государь император изволил сообщить мне полученное им известие и не скрыл, сколько горестно оно было для его сердца, но утешительно мне было видеть, что можно надеяться на его твердость.

Определено отступление 1-й армии из укрепленного лагеря. Июля 1-го дня возложена на меня должность начальника главного штаба армии. От назначения сего употребил я все средства уклониться, представляя самому государю, что я не приуготавливал себя к многотрудной сей должности, что достаточных для того сведений не имею и что обстоятельства, в которых находится армия, требуют более опытного офицера и более известного армии. Конечно, нетрудно было во множестве генералов найти несравненно меня способнейших, но или надобны они были в своих местах, или, видя умножающиеся трудности, сами принять должности не соглашались.

Я просил графа Аракчеева употребить за меня его могущественное ходатайство. Он, подтвердивши, сколько трудна предлагаемая мне должность, не только не ободрил меня в принятии оной, напротив, нашел благо-рассудительным намерение мое избавиться от нее, говоря, что при военном министре она несравненно затруднительнее, нежели при всяком другом. Известно было, что он поставлял на вид государю одного из

старших генерал-лейтенантов Тучкова 1-го (Николая Алексеевича), основательно полагаясь на опытность его, приобретенную долговременным служением⁶. Государь, сказавши мне, что граф Аракчеев докладывал ему по просьбе моей, сделал мне вопрос: "Кто из генералов, по мнению моему, более, способен?" - "Первый встретившийся, конечно, не менее меня годен", - отвечал я. Окончанием разговора была решительная его воля, чтобы я вступил в должность. "Если некоторое время буду я терпим в этом звании, то единственно по великодушию и постоянным ко мне милостям Вашего величества", - сказал я и одну принес просьбу: не лишить меня надежды возвратиться к командованию гвардейскою дивизиею, от которой показывался я в командировке. Мне это обещано.

Итак, в звании начальника главного штаба армии состоял при главнокомандующем, который был вместе и военным министром, имел я случай знать о многих обстоятельствах, не до одного укрепления армии касающихся, а потому все, описываемое мною, почерпнуто или из самых источников или основано на точных сведениях, не подверженных сомнению. В должности прежде меня находился генерал-лейтенант маркиз Паулуччи, и после шести дней удален из армии к другому назначению по настоянию недовольного им главнокомандующего. Первый помощник мой по делам службы, исправляющий должность дежурного генерала, флигель-адъютант полковник Кикин, бывший при введении нового образа управления по изданному незадолго положению о большой действующей армии, не желая служить с моим предместником, сказался больным, и в должность его вступил комендант главной квартиры полковник Ставраков. Если возможно понимать смысл следующих слов "сие судеб преисполненное имя", то, кажется, более всех может оно ему приличествовать, ибо судьба преследовала им всех бывших главнокомандующих. Суворов превыше своих современников один смел взять его по собственной воле, прочие не могли от него избавиться. Он находился при нем в Италии при графе Буксгевдене, а потом при бароне Беннингсене в Пруссии, перенёсся в Финляндию ко всем переменившимся главным начальникам, а теперь не избег от него генерал Барклай де Толли! За что же, по крайней мере, терпят его в должности дежурного генерала? Я прошу переменить его, главнокомандующий находит его весьма способным. Сколько ни стараюсь уговорить полковника Кикина, не

соглашается избавить меня от Ставракова!

В должности генерал-квартирмейстера находился полковник Толь, офицер отличных дарований, способный со временем оказать большие заслуги; но смирять надобно чрезмерное его самолюбие, и начальник его не должен быть слабым, дабы он не сделался излишне сильным. Он при полезных способностях, по роду служебных его занятий, соображение имеет быстрое, трудолюбив и деятелен, но столько привязан к своему мнению, что иногда вопреки здравому смыслу не признает самых здравых возражений, отвергая возможность иметь не только превосходные способности, ниже допускает равные.

Июля 2-го дня армия перешла за Двину и расположилась у Дриссы. Слишком ощутительно было неудобство иметь в тылу реку, какова Двина, ибо армия, двигаясь без малейших препятствий, не в одно время и не теснимая неприятелем, не избегла однако же некоторых замешательств. Половина мостов сохранена для арриергарда генерал-адъютанта барона Корфа.

1-й корпус расположился против правого фланга бывшего лагеря, отряд от него у Друи и наблюдательные посты у Динабурга. 6-й корпус приблизился к Дисне, дабы подкрепить авангард графа Палена на левом берегу Двины, открывающий неприятеля отражаемыми вдаль разъездами.

Государь поручил флигель-адъютанту графу Потоцкому в случае надобности истребить против Дисны переправу, и он, пылая усердием исполнить поручение, сообщил пламень и провиянтскому магазину довольно значительному, тогда как французы были не ближе 70 верст расстояния и с такою возвратился поспешностью, что не заметил, как жители растащили запасы, которые довольствовались после и авангард 6-го корпуса и самый корпус.

Вероятно подвигу своему он успел дать хорошую наружность; но мне неизвестно, было ли особое описание его (memoire). После того не было уже моста, но за рекою был авангард графа Палена, усиленный дивизиею пехоты от 4-го корпуса, и должен был оставаться долее, дабы под закрытием его армия могла отступить к Полоцку.

Июля 4-го числа армия двинулась и в три дня пришла к Полоцку. Оставленный в прежнем расположении арриергард генерал-майора барона Корфа, не видав неприятеля, перешел на правый берег Двины.

4-й корпус графа Витгенштейна из 24 тысяч человек, расположенный близ Друи, имел повеление, в случае действия против него превосходных сил, отступать к Пскову, прикрывая Петербург. Если бы неприятель не помышлял о нем, то довольно робости столицы, чтобы предпринять меры к рассеянию страха. Подобные маневры можно по справедливости назвать придворными. Неприятель показал небольшую часть легких войск, занял отрядом местечко Друю и в небольших силах приблизился к Динабургу. Граф Витгенштейн донес главнокомандующему, что он намерен усилить расположенный против Друи отряд и удерживать Динабург. Начальник штаба 1-го корпуса генерал-майор Довре уведомил меня, что для усиления отряда назначается десять батальонов пехоты с приличным числом артиллерии и конницы, которой и без того было весьма недостаточно. Главнокомандующий позволил мне сказать мое мнение и подтвердил возражение мое против раздробления сил. Странно намерение, зная движение неприятеля на левый фланг, защищать Динабург отдаленный и к обороне не приуроченный, когда впереди его невозможно маневрировать.

В сие время корпус прусских войск генерала Йорка вступил в Курляндию, занял Митаву, и легкие его войска появились у предместия Риги. К нему присоединились войска других наций, составляя вообще до сорока тысяч человек под начальством маршала Макдональда.

3-я западная армия генерала Тормасова была около Бреста Литовского против корпуса саксонских войск в команде французского генерала Ренье, вступившего в границы наши совокупно с австрийскими войсками под начальством генерала князя Шварценберга, который находился еще в некотором расстоянии.

Отряд генерал-лейтенанта Эртеля около четырнадцати тысяч человек стоял в бездействии в Мозыре; слабое от него отделение у города Пинска. Проходя служение в должности полицейских и в них достигнув чина генерал-лейтенанта и других наград, он упражнял полицейские свои способности в утеснении жителей в окрестностях Мозыря.

Армия Молдавская под начальством адмирала Чичагова по заключении мира с Оттоманскою Портою начинала оставлять пределы Валахии, но дальний путь, ей предлежащий, отдалял ее на долгое время от содействия прочим армиям, и передовые ее войска едва еще приближались к Днестру.

Из Полоцка государь император отправился в Москву, сопровождаемый графом Аракчеевым, министром полиции генералом Балашовым и государственным секретарем Шишковым. При нем были генерал-адъютант князь Трубецкой и флигель-адъютант Чернышев. Все прочие, особе государя принадлежащие чиновники, остались при армии. Остался и генерал Фуль с горьким в сердце чувством, что он не столько уже необходим государю, с отчаянием в душе, что лагерь при Дриссе найден бесполезным и усмотрены его недостатки. Ни раб-почитатель его, флигель-адъютант полковник пруссак Вольцоген, ни генерал-адъютант граф Ожаровский, им в ремесле военном просвещаемый, не проповедовали его славы. Умолкли мудрые его предложения продолжать отступление даже за Волгу; уже не внемлют благодетельным попечениям его о России. Судьба казнит неблагодарность вашу, россияне; вы не узрите берегов Волги!⁷

Отъезд государя произвел на войска неприятное впечатление. Появляясь каждый день веселым и сохранявшим спокойную наружность, не только не было мысли об опасности, но никому не представлялись обстоятельства худыми, и каждый оживлялся его присутствием. Но оно не менее нужно было и внутри России. Надобно было унылый дух возбудить к бодрости или постепенно приуготовить к перенесению больших бедствий. Москва, в сердце коей двести лет тишины и благоденствия, целый век величия и славы, закрыли прежних несчастий глубокие раны, ожидала утешения. Москва! Когда сретала (встречала. - Сост.) ты царя своего без восхищения? Где более являема была ему сынов его приверженность? Отъезд был необходим! Сетующу войску обещано скорое его возвращение, и все возвратилось к прежнему порядку, или, по крайней мере, не увеличился беспорядок.

При выступлении из Полоцка известно уже было, что неприятель в силах показался у Дисны и следовал вверх по левому берегу Двины. Арриергард графа Палена перешел уже на правый берег и защищал переправу до вечера того дня. 6-й корпус, и при нем одна дивизия от 4-го пехотного корпуса, занимали на ночлеге средину расстояния между арриергардом и армиею.

Следование армии продолжалось к Витебску.

6-й корпус в одном марше назад. Граф Пален, отправивши к армии

довольно большое количество провианта, оставил берег Двины. Неприятель, переправившись у Дисны, на другой день начал преследование небольшими силами. В подкрепление графу Палену обращен кавалерийский корпус барона Корфа и несколько егерей. Много уже неприятельских войск усмотрено на левом берегу против Полоцка, но арриергард наш прошел благовременно сей пункт.

В Полоцке погрозил я кандалами комиссионеру 7-го класса Юзвицкому, который отправлялся с суммою денег уплатить за купленный будто им у евреев провиант на том берегу, где неприятель, и откуда никто не помышлял перевезть его на нашу сторону, хотя в армии чувствуем уже был недостаток. Благоразумны были распоряжения генерал-интенданта Канкрин, который во время пребывания армии в укрепленном лагере, заготовил большое весьма количество печеного хлеба, но много из него принужден был оставить, потому что время отступления армии было не определено, и невозможно было собрать средств, перевозке соразмерных⁸.

Г. Канкрин, человек отлично умный, далек, однако же, той расторопности, которую люди ловкие в изворотах провиантской промышленности находят необходимою для искусного прикрытия казенного ущерба. Не решусь однако же предположить, чтобы могло укрыться от него, если кто другой отличается знанием сего ремесла, как и предугадать трудно, всегда ли он будет упреком для других.

В Полоцке также на прочном основании утвердилась вражда между великим князем Константином Павловичем и главнокомандующим. Опоздавший выступить в назначенное время командир конной гвардии полковник Арсеньев был им арестован. Довольно сего, чтобы возродить вражду; слишком много, чтобы усилить давно существующую. Великий князь воспылил гневом, ледовитый Барклай де Толли не охладил горячности.

В Полоцке по отъезде государя случилось мне обедать вместе с оставшеюся свитою, и я заметил разность в тоне, какую перемену в обращении! Государь увез с собою все величие и оставил каждого при собственных средствах. Люди, осужденные быть придворными, умеете снискать уважение собственными достоинствами, или, заимствуя блеск другого, умеете отражать его! Не мое дело толковать смысл сказанного одним из древних писателей:

...exeat aula qui vult esse pius⁹.

Неужели думать надобно, что много было сходства между придворными людьми всех времен! С нами вместе обедал и генерал Фуль. Готическую свою важность, вывеску общего ко всем неуважения переменявший на придворную вежливость. Он кланялся прежде, не ожидая приносимых ему в дань поклонов. Исчезло рабственное к нему почтение, были уже приметившие в нем признаки сумасшествия, а Виллие уверял, что испытанные средства не восстановили ума в полной мере; воля государя присвоила и не бывалый (ум. - Сост.)!

Армия прибыла к переправе при Будилове. Проходя, небольшой отряд оставила против Бешенковичей для обеспечения следования 6-го корпуса и далеко отстающего арриергарда графа Палена, равномерно и для прикрытия производившейся перевозки хлеба с другого берега. Неприятель не близко еще был от сего места, по причине трудной и весьма гористой дороги по левому берегу, и сверх того река к стороне его делает большой изгиб, что сокращало путь нам, а местоположение совершенно ровное скорости движения способствовало.

Между тем корпус французского войска маршала Даву, прошедши Борисов, овладел Могилевым и занял Оршу небольшим отрядом войск.

Армия князя Багратиона в следовании от Несвижа к Бобруйску имела схватки в арриергарде.

Атаману генералу Платову представился первому случай 27 и 28 июля при местечке Мире и после при местечке Романове доказать польской коннице, что в нас сохранилась прежняя поверхность над поляками, казакам предоставлена честь возобновить в сердцах их сие чувство.

Со времени уничтожения Польши, с 1794 года, исчезло имя ее с лица земли и не существовало поляков. В 1807 году заключенный с Францией мир в Тильзите произвел на свет герцогство Варшавское, вместе с надеждою распространить его, в случае несогласия между соседственными державами. Наполеон исчислил меру страха, коим господствовал он над сердцами царствующих его современников: понесенные каждым из них в войнах огромные потери, блистательные и постоянные оружия его успехи, страх тот более и более распространившиеся, и дал надежду возрождения Польше. Воспламенились умы, и в короткое время все употреблены усилия надежде сей дать вид

правдоподобия! В 1809 году Варшава уже союзница наша против Австрии, и мы в пользу ее, вопреки пользе собственной, исторгаем часть Галиции. В нынешней войне она уже против нас в общем союзе Европы и содействует Австрии. Мы умножили силы ее и вооружили против себя; для пользы ее попеременно вонзаем меч в сердце один другого, и судьба к ослеплению нашему прибавляет сетование, что недовольно глубоко наносимые раны! Неужели не исполнится мера наказания Бога мстителя?

Князь Багратион, проходя Бобруйск, оставил в крепости больных из всей армии и от скорости движения усталых в большом количестве; из числа гарнизона присоединил к армии шесть батальонов пехоты; командующего в оной артиллерии генерал-майора Игнатьева утвердил в звании военного губернатора. В окрестности начали появляться неприятельские отряды, но до того генерал Игнатьев, удерживая народ в послушании и порядке, не отягощая его, собрал возможные пособия для снабжения крепости, и его распорядительности обязаны, что проходившая армия немалые получила вспоможения. Крепость не подверглась опасности, ибо неприятель, не имея средств предпринять осады, должен был ограничиться обложением. Итак, осталось неразрешенною проблемою, мог ли генерал Игнатьев быть более упорным, окруженный крепостным валом, нежели в Сражении при Аустерлице, где быть таковым он не находил надобности? Судьба отсрочила испытание до другого времени.

Армия князя Багратиона следовала от Бобруйска на Быхов; преследовавший ее вестфальский король с своим корпусом и польские войска или утомленные продолжительным походом, или неудобные к равной скорости, далеко отставши, потеряли ее из виду. Она беспрепятственно продолжала свой путь.

Корпус генерал-лейтенанта Раевского атаковал при селении Дашковке часть войск маршала Даву, овладевшего Могилевым. В начале сражения силы неприятеля слабые, в продолжение умножились значительно; напротив, войска Раевского ослабевали, но в нем та же была неустрашимость и твердость, и он, шедши в голове колонны, ударил на неприятеля. Самый упорный бой происходил на левом крыле, где не мог неприятель остановить 26-ю пехотную дивизию, которую генерал-майор Паскевич с неимоверною решительностию, неустрашимо, при всем удобстве местности, провел чрез частый лес и угрожал уже конечности

неприятельского фланга, но должен был уступить несоразмерным силам. Действие генерала Раевского, заслоняя совершенно движение армии, представляло князю Багратиону удобство, которым не помыслил он легко воспользоваться и, сделав беспрепятственно ускоренный переход, выиграть расстояние для избежания преследования.

Но вместо того армия расположилась на ночлег на той позиции, которую генерал Раевский¹⁰ занял после сражения. Маршал Даву, приняв корпус Раевского за авангард и вслед за сим ожидая армии и генерального сражения, отошел к главным своим силам в Могилев, где и остался, приуготовляясь к обороне. В сем положении долгое время удерживал его атаман Платов, появившийся с своими войсками у самых окопов Могилева. Князь Багратион, отправляя его на соединение с 1-ю армиею, дал ему сие направление. Грубая ошибка Даву была причиною соединения наших армий; иначе никогда, ниже за Москвою, невозможно было ожидать того, и надежда, в крайности не оставляющая, исчезала!

Если бы кто из наших генералов впал в подобную погрешность, его строго осудило бы общее мнение. Маршал Даву, более 10 лет под руководством великого полководца служащий, сотрудник его в знаменитых сражениях, украшавший неоднократно лаврами корону своего владыки, лавры себе снискавший и имя побед в прозвание, сделал то, чего избежали бы конечно многие из нас. Князю Багратиону оставалось единственное средство пробиваться, дабы соединиться с 1-ю армиею. Цель Даву - не допускать к тому, и он должен был стоять упорно, зная, что князь Багратион преследуем весьма сильными войсками. Конечно, ничего славного не ожидал Даву от короля вестфальского, но предполагать не мог, что он даже ходить не умеет и выпустит из виду неприятеля.

Убедитесь посвятившие себя военному ремеслу, а паче звания генерала достигшие, изумитесь, что навык один (routine) достоинства военного человека не заменяет, не подчинен правилам, управляем случайностию. Конечно, частое повторение одних и тех же происшествий или сходство в главных обстоятельствах дает некоторую удобность с большею ловкостию и приличием приноравливать или, так сказать, прикладывать употребление прежде в подобных случаях меры; но сколько маловажной надо быть разнице, чтобы приноравливание необходимо подверглось важнейшим изменениям! Убедитесь в истине сего, достигшие звания генерала!

Наполеон в маршалах своих имел отличнейших исполнителей его воли; в присутствии его не было места их ошибкам или они мгновенно им исправляемы были. Даву собственные распоряжения его изобличают.

В Будилове представил я главнокомандующему мысль мою перейти на левый берег Двины; основывал ее на том расчете, что неприятель проходил по берегу реки путем трудным и неудобным, что только кавалерия неприятельская усмотрена была против Полоцка, но главные силы и артиллерия были назади и от нас не менее как в трех переходах. Переправившись, следовать поспешно на Оршу, заставить маршала Даву развлечь силы его, в то время когда все его внимание обращено было на движение 2-й армии, и тем способствовать князю Багратиону соединиться с 1-ю армиею. Уничтожить расположенный в Орше неприятельский отряд, и перейдя на левый берег Днепра, закрыть собою Смоленск. Отправить туда прямою из Витебска дорогою все обозы и тягости, дабы не препятствовали армии в быстром ее движении. Все сие можно было совершить, не подвергаясь ни малейшей опасности, по отдалению их; уверен будучи, что не имею права на полную главнокомандующего, и я получил приказание возвратить два кавалерийские корпуса, прошедшие вперед, и две понтонные роты для устройства моста при Будилове¹¹.

Все приуготовлялось к переправе, и пришедшим нам успех предстоял верный. Не прошло часу после отданных приказаний, главнокомандующий переменил намерение. Я примечал, кто мог отклонить его, и не подозреваю другого, кроме флигель-адъютанта Вольцогена. Сей тяжелый немецкий педант пользовался большим его уважением. Разумея, что теряются выгоды, которые редко дарует счастье и дорого иногда стоит упущение их; уверен будучи, что не имею права на полную главнокомандующего ко мне доверенность, собственно по летам моим, с которыми опытность несовместима, я склонил некоторых из корпусных командиров представить ему о том собственные убеждения, но он остался непреклонным, и армия продолжала путь к Витебску. В Будилове оставлен сильный пост: ему приказано поступить в арьергард, когда он приблизится. Генерал-адъютант граф Орлов-Денисов послан за Двину с лейб-казахским полком для наблюдения за неприятелем: ему приказано сведения о приближении его доставлять прямо в Витебск и отступать по той стороне реки.

Армия пришла в Витебск, 6-й корпус оставался в большом марше, при

селении Старом. Арриергард выгодно расположился, прикрытый речкою и озерами. Пост из Бешенковичей присоединен. Действия преследующего неприятеля были незначительны. Между тем французская конница на левом берегу Двины показалась на равной высоте с арриергардом, но пехота была в малом еще количестве.

Армия два уже дня покойно пребывала в Витебске, полагая, что граф Орлов-Денисов [за] благовременно предупредит о приближении неприятеля; но вероятно нехорошо расставлены были передовые посты и нерадиво делались разъезды, так что в трех верстах от нашего лагеря усмотрена неприятельская партия. Это побудило главнокомандующего послать навстречу неприятелю несколько полков конных при одном корпусе пехоты. Я предложил генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого, который отличился в последнюю войну храбростию и упорством в сражении. Надобен был генерал, который дождался бы сил неприятельских и они бы его не уstraшили. Таков точно Остерман, и он пошел с 4-м корпусом.

Дано приказание 6-му корпусу расположиться против города. Мост чрез Двину был цел и еще устроен понтонный. Арриергард приблизился, чтобы не быть отрезанным с левого берега.

Граф Остерман встретил в двенадцати верстах часть передовых неприятельских постов и преследовал их до Островны. Здесь предстали ему силы несоразмерные, и дело началось весьма жаркое. Неприятель наступал решительно. Войска наши, роптавшие на продолжительное отступление, с жадностию воспользовались случаем сразиться; отдаление подкреплений, казалось, удвояло их мужество. Лесистые и скрытые места препятствовали неприятелю развернуть его силы; кавалерия действовала частями, но по малочисленности нашей они совершенно были в пользу нашу. Граф Остерман, имея против себя всегда свежие войска, должен был наконец уступить некоторое расстояние, и ночь прекратила сражение. Неосмотрительностию командира двух эскадронов лейб-гусарского полка потеряно шесть орудий конной артиллерии¹². Урон был значителен с обеих сторон. В подкрепление графу Остерману послан с 3-й пехотною дивизиею генерал-лейтенант Коновницын¹³. В другой день рано поутру, заняв выгодную позицию, с свойственною ему неустрашимостию, он удержал ее долгое весьма время, ни шагу неприятелю не уступая. Граф Остерман, ему

содействуя, составлял резерв; прибыла кирасирская дивизия, но по свойству местоположения не была употреблена. Артиллерия постоянно оказывала большие услуги. Главнокомандующий, желая иметь точные сведения, приказал мне отправиться на место боя. Вскоре после прислан генерал-лейтенант Тучков 1-й с гренадерскою дивизией, и положение наше было твердо! В два дня времени неприятель сражался с главными своими силами, которых чувствуемо было присутствие по стремительности атак их. Ни храбрость войск, ни самого генерала Коновницына бесстрашие не могли удержать их. Опрокинутые стрелки наши быстро отходили толпами. Генерал Коновницын, негодуя, что команду над войсками принял генерал Тучков, не заботился о восстановлении порядка, последний не внимал важности обстоятельств и потребной деятельности не оказывал. Я сделал им представление о необходимости вывести войска из замешательства и обратить к устройству. Они отдали кирасир, прибывших с генерал-адъютантом Уваровым, и другие излишние войска, производившие тесноту, и сделали то, по крайней мере, что отступление могло быть не бегством. Невозможно оспаривать, что, продолжая с успехом начатое дело, приятно самому его кончить, но непростительно до того простираť зависть и самолюбие, чтобы допустить беспорядок, с намерением обратить его на счет начальника. В настоящем случае это было слишком очевидно!

Пославши генерала Коновницына с дивизиею к графу Остерману, главнокомандующий приказал 6-му корпусу и арриергарду графа Палена присоединиться к армии; сообщение с правым берегом прервано, мост разрушен и понтоны сняты.

В тот же день утром осматривал главнокомандующий занимаемую для армии позицию полковником Толем. Я сопровождал его и удивлен был, что он не обратил внимания на множество недостатков, которые заключала в себе позиция. Местоположение по большей части покрыто было до того густым кустарником, что квартиры, не видя один другого, откликались на сигналы; позади трудный переход чрез глубокий ров; сделать спуски не доставало времени. Главною целию было закрыть город. Я возразил против неудобств позиции, объяснив следующее мое мнение. Дать генеральное сражение опасно, будучи отдаленными от средств пополнить потери. Еще не уничтожена совершенно надежда соединиться с 2-ю армиею - главным предметом с некоторого времени, нашего отступления.

При неудаче большая часть войск должна проходить чрез город, остальная - необходимо чрез ров. Если решено принять сражение, то лучше несравненно устроить армию по другую сторону города, имея во власти своей кратчайшую на Смоленск дорогу. Уступивши Витебск, мы прибавим одним городом более ко многим потерянным губерниям, и легче пожертвовать им, нежели другими удобствами, которых сохранение гораздо важнее. Главнокомандующий изъявил согласие, но готовился дать сражение и приказал избрать место за городом на дороге к Смоленску.

Сражение при местечке Островне началось с наступлением вечера и, возвратясь уже ночью, я донес обо всем главнокомандующему, а от него узнал о приуготовлении новой позиции. Я осмотрел ее с началом дня, когда в нее вступили уже войска. Нашел, что она также лесистая, также трудные между войск сообщения, обширная и требует гораздо большего числа сил. На правом фланге два корпуса - графа Остермана и Багговута - отрезаны глубоким оврагом, чрез который и в отсутствие неприятеля с трудом перевозили артиллерию. На левом фланге были высоты, на которых устроенные батареи могли действовать в продолжение наших линий; переменить боевой порядок невозможно, не затрудняя отступления. Предположив атаку правого крыла, надобно было подкрепить его, а с поспешностию совсем невозможно, разве без артиллерии.

Генералу графу Палену составлен особый авангард, с которым вступил он в дело, сменивши войска генерала Тучкова 1-го, графа Остермана и Уварова, недалеко уже от занятой армиею позиции. Долго в виду ее удерживал стремление неприятеля. Наконец, отступивши за речку Лучесу, искусно воспользовался крутыми ее берегами для защиты находящихся в нескольких местах бродов. Французская армия, заняв все против лежащие возвышения, казалось, развернулась для того, чтобы каждому из своих воинов дать зрелище искусного сопротивления с силами несравненно меньшими, показать пример порядка, словом, показать графа Палена и вразумить их, что если российская армия имеет ему подобных, то нужны им усилия необычайные, опыты возможного мужества! Не были вы свидетелями, достойные его сотоварищи: Раевский, равный ему непоколебимым хладнокровием и предусмотрительностью, граф Ламберт, подобный мужеством и распорядительностию, и ты, Меллер-Закомельский, в коем соединены лучшие их свойства, достоинства замечательные, по которому можно упрекнуть одною чрезмерною

скромностию.

Неприятель успел переправить часть войск, и видно было намерение его, отброся авангард к реке, заставить его отходить чрез город.

Приближалась та минута, в которую все усилия графа Палена могут сделаться тщетными. Не опрокинув авангарда, не мог неприятель сделать наблюдение позиции, занимаемой нашею армиею. Главнокомандующий послал в подкрепление несколько баталионов пехоты: приказал генерал-майору Шевичу с полками 1-го кавалерийского корпуса приблизиться к левому флангу авангарда, наблюдая пространство между им и армиею.

Внимательно рассмотрев невыгодное расположение армии, решился я представить главнокомандующему об оставлении позиции немедленно. Предложение всеконечно смелое, предприимчивость молодого человека, но расчет впрочем был с моей стороны: лучше предпринять отступление с некоторым сомнением, совершить его беспрепятственно, нежели принять сражение и, без сомнения, не иметь надежды на успех, а может быть подвергнуться совершенному поражению. В одном случае, по мнению моему, можно не отвергнуть сражения, если другая армия готова остановить торжествующего неприятеля и преодолеть его, обессиленного потерей. Мы были совсем в другом положении. Ближайшие к нам войска в Калуге - малые числом, слабые составом, и начальствовавший ими генерал от инфантерии Милорадович по единообразному одеянию называл их воинами. Если бы дождались мы неприятеля в позиции, вероятно, не с фронта начал бы он атаку, но частью войск занимая нас, перешел со всеми силами через реку Лучесу выше, где повсюду есть броды, и обратился бы на левое наше крыло - слабейший пункт, о котором сказал я выше. Невозможно предположить неудачи со стороны неприятеля, но и тогда беспрепятственно отходил он на дорогу к Борисову, усиливался всем корпусом маршала Даву и переходил к наступательным действиям.

Сей день сделал я первый над собой опыт и удостоверился, что крайность - лучшее побуждение к решительности, и что самая трудность предприятия в глазах исчезает. Надобно, чтобы то же убеждение, тот же дух руководил исполнителями. Нет времени размышлению, где одному действию место. Решит часто одна минута!

Главнокомандующий колебался согласиться на мое предложение. Ему как военному министру известно было во всем объеме положение наше и конечно требовало глубокого соображения! Генерал-квартирмейстер Толь, вопреки мнению многих, утверждал, что позиция соединяет все выгоды, что должно принять сражение. Генерал Тучков 1-й, видя необходимость отступления, об исполнении его рассуждал не без робости. Решительность не была его свойством: он предлагал отойти ночью¹⁴. Генерал-адъютант барон Корф был моего мнения, не смея утверждать его. Не ищет он стяжать славу мерою опасностей. Подобно мне и многим душа его доступна страху и ей сражение не пища. Простительно чувство боязни, когда опасность угрожает общему благу! Я боялся непреклонности главнокомандующего, боялся и его согласия. Наконец он дает мне повеление об отступлении. Пал жребий, и судьба исхитила у неприятеля лавр победы!

Был первый час пополудни, авангард в жесточайшем огне, между армиями близкое расстояние, и о присутствии Наполеона возвестили нас пленные.

О дерзость, божество, пред жертвенником которого человек не раз в жизни своей должен преклонить колена! Ты иногда спутница благоразумия, нередко оставляя его в удел робкому, провождаешь смелого к великим предприятиям; тебе в сей день принесена достойная жертва!

В нашем лагере всеобщее движение. Войска тремя колоннами совершают выступление: левая из 5-го и 6-го корпусов и большей части резервной артиллерии кратчайшею на Смоленск дорогою. В арриергарде ее был генерал-майор Шевич с полками 1-го кавалерийского корпуса, граф Остерман со 2-м и 4-м корпусами большою дорогою на Поречье; ему приказано подкрепить арриергард, если бы неприятель решительно преследовал его. Среднюю колонну составляли 3-й корпус и главная квартира; в арриергарде его 2-й кавалерийский корпус барона Корфа. Чрез полчаса времени лесистое местоположение скрыло все войска от глаз неприятеля. Все шли ускоренным шагом. Генерал-лейтенант Лавров, командующий пешей гвардиею, должен был пробудить летами усыпленную живость, чтобы явить нужное по обстоятельствам проворство. Таковы требования всех и каждого усилия!

Не скрою некоторого чувства гордости, что главнокомандующий,

опытный и чрезвычайно осторожный, нашел основательным предположение мое об отступлении.

Глаза мои не отрывались от авангарда и славного графа Палена. Отдаляющаяся армия, вверив ему свое спокойствие, не могла оградить его силами, неприятелю соразмерными, но поколебать мужества его ничто не в состоянии! Я скажу с Горацием: "Если разрушится вселенная, в развалинах своих погребет его неустрашенными". До пятого часу продолжалось сражение с равным упорством, и арриергард отошел на другую сторону города, оставя неприятеля, удивленного порядком, и город им занят не прежде следующего утра с большою осторожностью.

В самый день отступления от Витебска прибыл князя Багратиона адъютант князь Меншиков с известием о сражении при селении Дашковке, и что армия его идет беспрепятственно в соединение. Отправляя атамана Платова с его войском, князь Багратион приказал ему ускорить движение, и по расчету времени он должен был скоро прийти.

В одном переходе от Витебска арриергард имел сильное кавалерийское дело. Граф Пален, лично распоряжая действиями конницы, удержал успех на нашей стороне, и далее неприятель ограничился одним наблюдением за движением наших колонн.

Посланные от меня с письмом к атаману Платову Бугского казачьего полка один офицер и урядник привезли ответ. На возвратном пути не раз проезжали они вблизи неприятеля. Главнокомандующий наградил их чинами.

Маршал Даву, пропустя князя Багратиона, мог войсками своими, расположенными в Орше и Дубровне, занять временно Смоленск, воспрепятствовать составлению ополчения, приуготовляемого в нем, истребить запасные магазины и разорить город. Потеря магазина была бы нам чувствительна, ибо продовольствие армии производилось и недостаточное и неправильное. Главнокомандующий, имея сие в виду, 5-му и 6-му корпусам приказал следовать поспешнее, а атаману Платову заслонить их движение.

Из Витебска главнокомандующий дал поручение великому князю Константину Павловичу отправиться в Москву к государю. Неизвестно мне, но сомневаюсь, чтобы он сделал то по собственному побуждению. Великий князь весьма огорчен был, подозревая, что поручение не заключало в себе

такой важности, чтобы не могло быть исполнено другим. Я заметил многих, сожалевших об его отъезде, и к чести его, людей, непосредственно ему подчиненных. Командуя гвардейскою дивизиею, я в том же был отношении к его особе и не припомню случая ни малейшего неудовольствия или неприятностей.

Армия выступила в Поречье; 5-й и 6-й корпуса прибыли в Смоленск. Государь, проезжая сей город, поручил генерал-адъютанту барону Винценгероде составление ополчения. Часть небольшая оного, весьма худо вооруженная, с несколькими резервными эскадронами, формирования генерал-адъютанта барона Меллер-Закомельского, и запасною, бывшею в Смоленске артиллериею, составляла отряд под командою генерал-майора Оленина, вступившего пред тем в службу. Отряд, к которому прислан один полк от войска атамана Платова, расположился далее Красного у селения Ляд.

Неприятель с несколькими эскадронами ворвался в город Велиж, изрубил часть рекрут построенного на площади баталиона и, рассеявши прочих, захватил мост чрез реку Двину. Проходивши из Невеля с восемью баталионами рекрут штаб-офицер, имея сведения о близости французов, расставил в городе караулы, строго смотрел за исправностию их, всю ночь держал баталион под ружьем, а патроны уложены были в возах и ни одного на людях! Прочие все баталионы, бывши на правом берегу, уклонившись с дороги, избежали поражения.

Неприятель истребил один артиллерийский небольшой парк на 166 лошадях, по худому их состоянию отставший от прочих. Посланный за сим парком из Поречья артиллерии полковник Тишин едва спасся бегством¹⁵.

В Поречье генерал-провиантмейстер Лаба докладывал военному министру, что комиссионер, в похвальном намерении не допустить неприятеля воспользоваться магазином, сжег его. В нем находилось несколько тысяч четвертей овса и 64 тысячи пудов сена. Не восхитился министр восхваляемою расторопностию, а я испросил позволения его справиться по делам, как давно об учреждении магазина дано было повеление: нашлось, что от подписания бумаги две недели. Есть ли возможность в один пункт свезти такое большое количество запасов в том месте, где во множестве взяты обывательские подводы в пособие армии? Я осмелился сказать министру, что за столь наглое грабительство

достойно бы вместе с магазином сжечь самого комиссионера ¹⁶.

Поречье - первый старый русский город на пути нашего отступления, и расположение к нам жителей было другое. Прежде проходили мы губернии литовские, где дворянство, обольщенное мечтою восстановления Польши, возбуждало против нас слабые умы поселян, или губернии белорусские, где чрезмерно тягостная власть помещиков заставляла желать перемены. Здесь, в Смоленской губернии, готовы были видеть в нас избавителей. Невозможно было изъявлять ни более ненависти к врагам, ни живейшего усердия к преподанию нам всех способов, предлагая содействовать, ни собственности не жалея, ни жизни самой не щадя!

Поселяне приходили ко мне с вопросом: позволено ли им будет вооружиться против врагов и не подвергнуться ли за то ответственности? Главнокомандующий приказал издать воззвание к жителям Смоленской губернии, приглашая их противостоять неприятелю, когда дерзнет поругаться святыне, в жилища их внесет грабеж, в семейства бесчестие.

Из Поречья вышли мы ночью, избегая сильных жаров. Желая знать дух солдата и мысли о беспорядках и грабеже, которые начали размножаться посреди их в темноте, не узнаваемый ими я расспрашивал: солдат роптал на бесконечное отступление и в сражении ожидал найти конец ему; недоволен был главнокомандующим, виновным в глазах его, почему он не русский. Если успехи не довольно решительны, не совсем согласны с ожиданием, первое свойство, которое русский солдат приписывает начальнику иноземцу, есть измена, и он не избегает недоверчивости, негодования и самой ненависти. Одно средство примирения - победа! Несколько их дают неограниченную доверенность и любовь. Обстоятельства неблагоприятны были главнокомандующему, и не только не допускали побед, ниже малых успехов. В Поречье тогда оставалось мало очень жителей; в опустелых домах рассеянные солдаты производили грабеж и разбой. Я сам выгонял их и скажу, к сожалению, даже из церкви. Никого не встретил я из ближайших начальников их, которые должны были заметить их отлучку. В равнодушии сем к исполнению обязанностей надобно искать причин чрезвычайного уменьшения людей во фронте. В этом возможно упрекнуть не одних командиров полков.

На первом переходе от Поречья неожиданно возвратился великий князь Константин Павлович из Москвы. Получено известие от князя Багратиона,

что он приближается беспрепятственно к Смоленску и, если нужно, вступит одним днем после нас. Непонятно намерение, с каким сообщил мне главнокомандующий следующее рассуждение: "Как уже соединение армий не подвержено ни малейшему затруднению, полезнее, полагает он, действовать по особенному направлению, предоставив 2-й армии операционную линию на Москву. Продовольствия для двух армий будет недостаточно. В Торопце и по Волге большие заготовлены запасы, и Тверская губерния пожертвовала значительное количество провiantа, что потому, предполагает он, с 1-ю армиею и идти по направлению на Белый и вверх по Двине". Легко было найти возражение, но по недостатку во мне благоразумия, труднее было сделать его с покорностию. Я с горячностью сказал ему: "Государь от соединения армий ожидает успехов и восстановления дел наших. Соединения желают войска с нетерпением. К чему послужили 2-й армии перенесенные ею труды, преодоленные опасности, когда вы повергаете ее в то же положение, из которого вырвалась она сверх всякого ожидания? Движение ваше к Двине выгодно для неприятеля: он, соединивши силы, уничтожит слабую 2-ю армию, отдалит вас навсегда от полуденных областей, от содействия прочим армиям! Вы не смеете сего сделать; должны, соединясь с князем Багратионом, начертать общий план действий и тем исполнить волю и желание императора! Россия, успокоенная насчет участи армий, ни в чем упрекнуть не будет иметь права!" Главнокомандующий выслушал меня с великодушным терпением. Мне казалось, что я проникнул настоящую мысль его. Соединение с князем Багратионом не могло быть ему приятным; хотя по званию военного министра на него возложено начальство, но князь Багратион по старшинству в чине мог не желать повиноваться¹⁷. Это был первый пример в подобных обстоятельствах и конечно не мог служить ручательством за удобство распоряжений.

Власть - дар Божества бесценнейший! Кто из смертных не вкушал сладостного твоего упоения?

Кто, недостойный, не почитал тебя участником могущества Божия, его благодатью уделяемого? Но для чего ты украшаешь не одних, идущих путем чести? Для чего одаряешь исторгающих тебя беззаконием?

Главнокомандующий после разговора моего с ним не переменял расположения своего ко мне, или нелегко было то заметить, ибо ни

холоднее, ни менее обязательным в обращении быть никак невозможно.

Армия продолжала путь к Смоленску. Главнокомандующий отправился туда с последнего перехода. На другой день прибыла армия, и тотчас приступлено к заготовлению хлеба и сухарей. Магазины были скудны, из губерний не могли привозить вдруг большого количества припасов.

Итак в Смоленске, там, где в ребячестве жила я с моими родными, где служил в молодости моей, имел многих знакомых между дворянством, приветливым и гостеприимным. Теперь я в летах, прошедших время пылкой молодости, и если не по собственному убеждению, то, по мнению многих, человек довольно порядочный и занимаю видное в армии место. Удивительные и для меня самого едва ли постижимые перевероты!

На другой день по прибытии армии к Смоленску еще в 12-ти верстах от города находилась 2-я армия. Князь Багратион приехал к главнокомандующему, сопровождаемый несколькими генералами, большой свитой, пышным конвоем. Они встретились с возможным изъявлением вежливости, со всеми наружностями приязни, с холодностью и отдалением в сердце один от другого. Различные весьма свойства их, нередко ощутительна их противоположность. Оба они служили в одно время, довольно долго в небольших чинах и вместе достигли звания штаб-офицеров.

Барклая де Толли долгое время невидная служба, скрывая в неизвестности, подчиняла порядку постепенного возвышения, стесняла надежды, смиряла честолюбие. Не принадлежа превосходством дарований к числу людей необыкновенных, он излишне скромно ценил хорошие свои способности и потому не имел к самому себе доверия, могущего открыть пути, от обыкновенного порядка не зависящие. Он замечен был в чине генерал-майора, бывши шефом егерского полка, который превосходно был им приуготовлен к службе в военное время. Многих офицеров полка он не остановил на изучении одного фронтового мастерства, но сообщал им необходимые по званию сведения.

Князя Багратиона счастье в средних степенях сделало известным и на них его не остановило. Война в Италии дала ему быстрый ход; Суворов, гений, покровительствовавший ему, одарил его славой, собрал ему почести, обратившие на него общее внимание. Поощряемые способности внушили доверие к собственным силам.

Барклай де Толли, быстро достигнув чина полного генерала, совсем неожиданно звания военного министра, и вскоре соединя с ним власть главнокомандующего 1-ю Западною армиею, возбудил во многих зависть, приобрел недоброжелателей. Неловкий у двора, не расположил к себе людей, близких государю; холодною в обращении не снискал приязни равных, ни приверженности подчиненных. Приступивши в скором времени к некоторым по управлению переменам, изобличая тем недостатки прежних распоряжений, он вызвал злобу сильного своего предместника, который поставлял на вид малейшие из его погрешностей. Между приближенных к нему мало имел людей способных, и потому редко допуская разделять с ним труды его, все думал исполнить своею деятельностью. Вначале произошло медленное течение дел, впоследствии несогласное частей и времени несоразмеренное действие, и наконец запутанность неизбежная!

Князь Багратион, на те же высокие назначения возведенный (исключая должности военного министра), возвысился согласно с мнением и ожиданиями каждого. Конечно, имел завистников, но менее возбудил врагов. Ума тонкого и гибкого, он сделал при дворе сильные связи. Обязательный и приветливый в обращении, он удерживал равных в хороших отношениях, сохранил расположение прежних приятелей. Обогащенный воинской славой, допускал разделять труды свои, в настоящем виде представляя содействие каждого. Подчиненный награждался достойно, почитал за счастье служить с ним, всегда боготворил его. Никто из начальников не давал менее чувствовать власть свою; никогда подчиненный не повиновался с большею приятностию. Обхождение его очаровательное! Нетрудно воспользоваться его доверенностию, но только в делах, мало ему известных. Во всяком другом случае характер его самостоятельный. Недостаток познаний или слабая сторона способностей может быть замечаема только людьми, особенно приближенными к нему.

Барклай де Толли до возвышения в чины имел состояние весьма ограниченное, скорее даже скудное, должен был смирять желания, стеснять потребности. Такое состояние, конечно, не препятствует стремлению души благородной, не погашает ума высокие дарования; но бедность однако же дает способы явить их в приличнейшем виде. Удаляя от общества, она скрывает необходимо среди малого числа приятелей, не

допуская сделать обширные связи, требующие нередко взаимных услуг, иногда даже самых пожертвований. Семейная жизнь его не наполняла всего времени уединения: жена немолода, не обладает прелестями, которые могут долго удерживать в некотором очаровании, все другие чувства покоряя. Дети в младенчестве, хозяйства военный человек не имеет! Свободное время он употребил на полезные занятия, обогатил себя познаниями. По свойствам воздержан во всех отношениях, по состоянию неприхотлив, по привычке без ропота сносит недостатки. Ума образованного, положительного, терпелив в трудах, заботлив о вверенном ему деле; нетверд в намерениях, робок в ответственности; равнодушен в опасности, недоступен страху. Свойств души добрых, не чуждый снисходительности; внимателен к трудам других, но более людей, к нему приближенных. Сохраняет память претерпленных неудовольствий: не знаю, помнит ли оказанные благодеяния. Чувствителен к наружным изъявлениям уважения, недоверчив к истинным чувствам иного. Осторожен в обращении с подчиненными, не допускает свободного и непринужденного их обхождения, принимая его за несоблюдение чинопочитания. Боязлив пред государем, лишен дара объясняться. Боится потерять милости его, недавно пользуясь ими, свыше ожидания воспользовавшись. Словом, Барклай де Толли имеет недостатки, с большею частию людей неразлучные, достоинства же и способности, украшающие в настоящее время весьма немногих из знаменитейших наших генералов. Он употребляет их на службе с возможным усердием, с беспредельною приверженностью государю наилучшего верноподданного!

Князь Багратион с равным недостатком состояния брошен был случайно в общество молодых людей, в вихрь рассеянности. Живых свойств по природе, пылких наклонностей к страстям, нашел приятелей и сделал с ними тесные связи. Сходство свойств уничтожало неравенство состояния. Расточительность товарищей отдаляла от него всякого рода нужды, и он сделал привычку не покоряться расчетам умеренности. Связи сии облегчили ему пути по службе, но наставшая война, отдаляя его от приятелей, предоставив собственным средствам, препроводила в Италию под знамена Суворова. Война упорная требовала людей отважных и решительных, тяжкая трудами - людей, исполненных доброй воли. Суворов остановил на нем свое внимание, проник в него, отличил, возвысил! Современники князя Багратиона, исключая одного Милорадовича, не были

ему опасными. Сколько ни умеренны были требования Суворова, но ловкий их начальник, провожая их к общей цели, отдалил столкновение частных их выгод. Багратион возвратился из Италии в сиянии славы, в блеске почестей. Неприлично уже было ни возобновить прежние связи, ни допустить прежние вспомоществования: надобно было собственное состояние. Государь избрал ему жену прелестнейшую ¹⁸, состояние огромное, но в сердце жены не вложил он любви к нему, не сообщил ей постоянства! Нет семейного счастья, нет домашнего спокойствия! Уединение - не свойство Багратиона; искать средств в самом себе было уже поздно, рассеянность сделалась потребностью; ее усиливало непрерывное в службе обращение. С самых молодых лет без наставника, совершенно без состояния, князь Багратион не имел средств получить воспитание. Одаренный от природы счастливыми способностями, остался он без образования и определился в военную службу. Все понятия о военном ремесле извлекал он из опытов, все суждения о нем из происшествий, по мере сходства их между собою, не будучи руководим правилами и наукою и впадая в погрешности; нередко однако же мнение его было основательным. Неустрашим в сражении, равнодушен в опасности. Не всегда предприимчив, приступая к делу; решителен в продолжении его. Неутомим в трудах. Блюдет спокойствие подчиненных; в нужде требует полного употребления сил. Отличает достоинство, награждает соответственно. Нередко однако же преимущество на стороне тех, у кого сильные связи, могущественное у двора покровительство. Утонченной ловкости пред государем, увлекательно лестного обращения с приближенными к нему. Нравом кроток, несвоеобычлив, щедр до расточительности. Не скор на гнев, всегда готов на примирение. Не помнит зла, вечно помнит благодеяния. Короче сказать, добрые качества князя Багратиона могли встречаться во многих обыкновенных людях, но употреблять их к общей пользе и находить в том собственное наслаждение принадлежит его невыразимому добродушию! Если бы Багратион имел хотя ту же степень образованности, как Барклай де Толли, то едва ли бы сей последний имел место в сравнении с ним.

Наконец 2-я армия прибыла к Смоленску; совершенно соединение! Тебе благодарение, знаменитый Даву, столько пользам России послуживший!

Радость обеих армий была единственным между ними сходством. Первая армия, утомленная отступлением, начала роптать и допустила

беспорядки, признаки упадка дисциплины. Частные начальники охладели к главному, низшие чины колебались в доверенности к нему. Вторая армия явилась совершенно в другом духе! Звук неумолкающей музыки, шум не перестающих песней оживляли бодрость воинов. Исчез вид понесенных трудов, видна гордость преодоленных опасностей, готовность к превозможению новых. Начальник - друг подчиненных, они - сотрудники его верные!

По духу 2-й армии можно было думать, что пространство между Неманом и Днепром она не отступая оставила, но прошла торжествуя! Какие другие ополчения могут уподобиться вам, несравненные русские воины? Верность ваша не приобретается мерою золота, допущением беспорядков, терпимостию своевольтв. Не страшит вас строгая подчиненность, и воля государя творит [вас] героями! Когда пред рядами вашими станет подобный Суворову, чтобы изумилась вселенная!

Во время расположения армии в Смоленске войска Донские под командованием атамана Платова, подкрепленные одним гусарским и двумя егерскими полками, находились в 15 верстах по дороге на Рудню. Недалеко от него расположен авангард графа Палена. Полковник Крейц с драгунским полком по направлению на Катань. В селении Холме, по дороге к Поречью, генерал-майор Иловайский 4-й с казачьими полками и Елисаветградским гусарским полком непрерывным движением партий обеспечивал правое крыло армии, генерал-адъютант Винценгероде с Казанским драгунским полком и тремя казачьими наблюдал неприятеля со стороны Велижа. В городе Красном расположен отряд генерал-майора Оленина, посылая разъезды до селения Ляд. Армия оставалась в бездействии.

В Смоленске по званию моему имел я частые сношения с гражданским губернатором бароном Аш. В звании его невозможно было найти человека более бесполезного для армии; беспечность его до того простиралась, что, он, не зная о прибытии ее к Поречью, отправлял в Витебск обозы с хлебом для ее продовольствия. Я должен был заметить ему, что грозящая опасность губернии могла бы допустить большее со стороны его любопытство. Немного более пользы извлекла армия из губернского предводителя дворянства Лесли, и многие остались удивленными, что отличное заслугами и благородством смоленское дворянство выбрало его

своим представителем.

В Смоленске нашли мы начало составления земского ополчения: собранные толпы мужиков без всякого на лета их внимания, худо снабженные одеждою, совсем невооруженные. В начальники ополчения назначен генерал-лейтенант Лебедев, старый человек, совершенно неспособный, ожесточившийся против смерти и долголетием достигший сего звания. По распоряжению главнокомандующего отобранные от кавалерии негодные ружья обращены на ополчение¹⁹. Некоторые из начальников жалели о них; многим казалось странным, как можно расстаться с ними; никто не смел назвать их бесполезною ношею! Из конного ополчения составлена команда для исправления дорог и мостов; пешая милиция обращена на производство земляных при армии работ. В Смоленске в одно время получено известие о победах, одержанных графом Витгенштейном и генералом от кавалерии Тормасовым, и сим последним доставлены приобретенные знамена.

Наполеон, проходя Полоцк, оставил в нем корпус войск маршала Удино (Duc de Reggio), превосходящий силами войска под начальством графа Витгенштейна, расположенный против Дриссы. В то же время корпус маршала Макдональда вступил в Курляндию, и уже передовые войска его начали показываться около Крейцбурга. Положение делалось затруднительным: ни долее остаться у Дриссы, ни отойдя оставаться в бездействии, равно было невозможно, ибо неприятель, поставя его между двух огней, подвергал опасности неизбежной. Граф Витгенштейн решился предупредить соединение, вышел к селению Клястицы, лежащему на дороге от Полоцка к Себежу, и, закрывши себя от маршала Макдональда небольшим отрядом, с главными силами обратился на корпус маршала Удино.

Большое расстояние между неприятельскими корпусами, трудность от того в соглашении действий, внутреннее положение между ними давали графу Витгенштейну превосходство выгод. Удино вышел из Полоцка, но Макдональд не перешел Двины. Гора свалилась с плеч Витгенштейна! Приняв за решительное отступление движение к селению Клястицам, Удино не всеми преследовал силами и неосмотрительно; встретив наши силы в совокупности, не мог удержаться, побежал! Войска его, в отдалении разбросанные, поспевая в подкрепление частями, уничтожались! Потеряв

приобретенные при начале действия выгоды, понесши весьма большой урон, Удино возвратился в Полоцк. Граф Витгенштейн, преследовавши, остановил авангард в одном марше от Полоцка и возвратился в прежнюю позицию. Долгое время оставался Удино в бездействии. Макдональд ничего не предпринял, или не вверясь войскам прусским, составлявшим его корпус, и другим Рейнского союза, с малым числом при них французских войск, имея в виду наш десантный корпус, перевезенный из Финляндии, или приуготовляясь к осаде Риги, главному назначенному предмету его действий. Графу Витгенштейну принадлежит слава победы и самого предприятия, основанного на искусном соображении. Многие относят его на счет начальника корпусного штаба генерал-майора Довре. Суждение... внушаемое завистью. Я точного о том сведения не имею.

Генерал Торماسов напал на корпус саксонских войск под командою французского генерала Ренье, перешедший границы наши в Брест-Литовском, и, не допустивши его соединиться с австрийцами под начальством князя Шварценберга²⁰, встретил сопротивление упорное, но силы превосходные преодолел. Неприятель понес решительный урон и отступил в беспорядке с поспешностию. В руках наших оставил пленными одного генерала и более двух тысяч человек, восемь пушек и четыре знамени.

Во время четырехдневного пребывания армии в Смоленске употреблены все средства запастись хлебом. Главнокомандующий, пригласивши великого князя и главнейших из генералов, предоставил суждению их предстоящие действия армии. Общее всех мнение было атаковать. С особенным уважением замечено рассуждение Константина Павловича, скромно изложенное, с соображением основательным²¹. Главно-командующий всех других менее охотно дал согласие свое на атаку, ожидая точнейших известий о неприятеле от передовых войск. Достоверно знали, что небольшим количеством конницы занимают французы Поречье; в Велиже, равномерно как в Сураже, находятся в больших силах; против атамана Платова расположена кавалерия и начальствующий ею Мюрат, король неаполитанский, находился недалеко. Главная квартира Наполеона была в Витебске; при ней вся гвардия и парк многочисленной резервной артиллерии. Корпус маршала Даву медленно собирался при Орше; в Лядах сильный от него отряд. Все благоприятствовало предпринимаемой со стороны нашей атаке.

Рассеянные на большом пространстве неприятельские войска, обеспеченные нашим бездействием и в надежде продолжительного нашего отдохновения покоящиеся, способствовали успеху. Не тотчас неприятель мог быть извещен о нашем движении, и ему не менее трех дней надобно было на соединение сил, не говоря об отдаленнейших, тогда как передние были уже атакованы. Дано повеление к походу, и радость войск описать невозможно! С изумлением смотрит Смоленск на силы ополчений; шумит Днепр, гордясь согласным пути их течением!

Первая армия наступала двумя колоннами по направлению на Рудню чрез селение Приказ Выдра. С левой ее стороны, недалеко от Днепра, проходила вторая армия. Отряд из нескольких егерских полков от обеих армий в команде генерал-майора Розена занимал позицию у селения Катань и большие леса, прилежащие к нему. Равномерно как сей отряд, другой несколько меньший, с генерал-майором князем Шаховским, послан был [за]благовременно в селение Касплю. При выходе из Смоленска от 2-й армии послана в город Красный пехотная дивизия генерал-майора Неверовского в подкрепление отряда генерал-майора Оленина, и придан Харьковский драгунский полк. В дивизии, недавно из рекрут составленной, два полка переменены старыми. В Смоленске собраны хлебопеки от всех полков обеих армий. Оставлен один полк для удержания порядка; раненые и больные вывезены в Вязьму.

В расстоянии небольшого перехода от Рудни армии остановились. Главнокомандующий колебался идти вперед, князь Багратион требовал того настоятельно. Вместо быстрого движения в предприятии нашем лучшего ручательства за успех дан армиям день бесполезного отдыха, неприятелю лишний день для соединения сил! Он мог уже узнать о нашем приближении!

Атаман Платов, подкрепленный авангардом графа Палена, встретил при селении Лешне сильный отряд французской конницы, разбил его и преследовал до Рудни, которую неприятель оставил. В плен взято: один израненный полковник, несколько офицеров и 500 человек нижних чинов²². Полковник сообщил, что о приближении нашем они не имели известия и на то особенных распоряжений не сделано, равномерно в других корпусах никаких движений не происходит. Из взятых бумаг в квартире командовавшего генерала Себастиани видно было распоряжение для

передовых постов и наставление генералам, кто из них, для которой части войск и с какими силами должен служить подкреплением для сохранения общей связи. Еще обстоятельства благоприятствовали нам, если бы главнокомандующий тверд был в намерении. Поражение при Лешне, конечно, пробудило неприятеля, но близки были новые ему удары и кратко время для избежания их. Главнокомандующий не только отклонился от исполнения условленного плана, но и переменял его совершенно.

1-я армия отошла в селение Мощинки, в 18 верстах от Смоленска, на дороге в Поречье. Отряд князя Шаховского остался в Каспле. В подкрепление ему и для обеспечения сообщения его с армиею часть авангарда графа Палена расположена в селении Луце. Взятые от него обратно к армии пять егерских полков остановлены в деревне Лавровой. Войска атамана Платова, занявши левым крылом Иньково и закрывая отряд в Каспле, протянулись до селения Вороны.

2-я армия стала на месте первой; авангард ее впереди селения Гавриков, имея передовые посты левее Инькова, чрез Лешню на Катань и до Днепра. Отряд барона Розена упразднен, и место его занял сильный пост от авангарда. Чрез день 2-я армия, по причине худого качества воды, вредного для войск, и не менее по недостатку оной, возвратилась в Смоленск. Авангард ее под командою генерал-адъютанта Васильчикова остался в своем месте, и подкрепление ему корпус генерал-лейтенанта князя Горчакова.

В селении Мощинках 1-я армия находилась четыре дня без действия. Полки передовых постов ничего важного не открыли. Из отряда генерал-адъютанта барона Винценгероде посланные партии к Велижу донесли, что стоявший в окрестности 4-й корпус вице-короля италийского вышел и до самого Суража не было французских войск. Одна партия от атамана Платова ворвалась в Поречье, но была изгнана. Вскоре затем уведомили жители, что французы удалились из города.

Невозможно было постигнуть причины, которая заставляла главнокомандующего предпочитать действия армии со стороны Поречья. Ни одного из корпусов неприятельских нельзя было отбросить так, чтобы не мог он соединиться с другими. Неприятель, если бы в необходимости нашелся отступать, конечно, не избрал бы направления на Витебск или бы в нем не остановился, ибо дорога на Борисов представляет все выгоды.

Корпус маршала Даву, присоединяя к себе корпус вестфальских войск и польскую кавалерию князя Понятовского, идет навстречу главной армии, и она до такой усилится степени, что ей слишком достаточно средств и нашу опрокинуть армию, и значительную часть войск отправить кратчайшим путем для занятия Смоленска. Допуская самые грубые ошибки со стороны Наполеона (чего, кажется, ожидать безрассудно), сосредоточась у Витебска, он будет иметь не менее того числа войск, от которого наша армия весьма недалеко отступала. Допуская, что опрокинутый он будет брошен в те самые места, которыми шел вперед, то и в сем случае театра войны нельзя перенести в Литву, где неприятель оставил бы землю опустошенную и истребивши последние ее способы. Гораздо с большим правдоподобием предположить можно, что расположенный в Велиже корпус вице-короля италийского, оттуда вышедший уже, и другой, бывший в Сураже, отступая перед нашею армиею, и вели бы ее к Витебску, и Наполеон, присоединяя к своей гвардии войска, расположенные к стороне Рудни и Любавичей, перешел бы на левый берег Днепра, где селение Ляды занято уже было войсками от корпуса маршала Даву и был под стенами Смоленска, прежде нежели Барклай де Толли мог приспеть к нему. 2-я армия, одна не в состоянии будучи защищать город, должна была бы поспешно отступить к Дорогобужу. Возвращающаяся 1-я армия, отброшенная движением Наполеона, теряла бы возможность соединиться с князем Багратионом. Движение наше к Рудне не было известно неприятелю, как видно из показаний пленных; атака разбросанных войск и истребление немалого числа их легко могли совершиться, и армия, как то предположено было, должна была тотчас возвратиться в свою позицию около Смоленска. Я думаю, что главнокомандующий, отличающийся опытностию и благоразумною осторожностию, не сделал бы иначе и не был бы увлечен успехом с опасностию лишиться приобретенных выгод.

Не забуду я странного намерения твоего, Барклай де Толли; слышу упреки за отмену атаки на Рудню. За что терпел я от тебя упреки, Багратион, благодетель мой! При первой мысли о нападении на Рудню не я ли настаивал на исполнении ее, не я ли убеждал употребить возможную скорость? Я всеми средствами старался удерживать между вами, яко главными начальниками, доброе согласие, боясь малейшего охлаждения одного к другому. Скажу и то, что в сношениях и объяснениях ваших, чрез меня происходивших, нередко холодность и невежливость Барклая де

Толли представлял я пред тебя в тех видах, которые могли казаться приятными. Твои отзывы, иногда грубые и колкие, передавал ему в выражениях обязательных. Ты говаривал мне, что сверх ожидания нашел в Барклае де Толли много хорошего²³. Не раз он повторял мне, что он не думал, чтобы можно было, служа вместе с тобою, не встречать неудовольствия. Благодаря доверенности ко мне вас обоих я долго удержал бы вас в сем мнении, но причиною вражды между вами помощник твой граф Сен-При. Он с завистью смотрел на то, что я употребляем более, нежели он. Должность моя при главном начальнике и в то же время военном министре давала мне род некоего первенства над ним и занятиям моим более видную наружность. Он в суждении своем не первое дал место общей пользе; хотел, значит, более, нежели должно, более, нежели мог! Ты, почтенный благодетель мой, излишне уважал связи при дворе избалованного счастьем молодого человека и в доверенности к нему не всегда был осмотрительным!

Потерявши много времени напрасно, 1-я армия выступила из Можинок по той же дороге обратно к Рудне. Неизвестно, было ли намерение искать неприятеля, чтобы дать сражение, или дожидаться его прибытия, но довольно двинуться вперед, чтобы князь Багратион спешил присоединиться.

1-я армия прибыла к селению Гаврики, где стоял авангард генерал-адъютанта Васильчикова; войска 2-й армии были уже на втором переходе от Смоленска и должны были занять крыло позиции. Корпус генерал-лейтенанта Раевского в первый день не более 15 верст отошел от Смоленска, выступивши тремя часами позднее надлежащего. Впереди его приказано было идти 2-й гренадерской дивизии, но она не трогалась с места²⁴. Промедление сие было впоследствии важнейшею пользою, ибо генералу Раевскому предстояло совсем другое назначение.

В день прибытия армии к с. Гаврики атаман Платов сделал усиленный переход от с. Холма до с. Инькова; не остановясь у него, вышел вперед авангарда генерал-адъютанта Васильчикова, открыл Рудню, где не было уже неприятеля, который, по показанию жителей, выступил полторы сутки назад и у селения Расасни переправляется на левый берег Днепра. Передовые посты авангарда ничего о том не знали²⁵. Одна из партий, посланных атаманом Платовым, настигла последние войска, идущие к

Расасне; другая, по следам неприятеля, опустьясь по правому берегу речки Березины, его уже не застала. Остановясь сам в Рудне, атаман донес обо всем главнокомандующему и ожидал дальнейших приказаний.

В сие время князь Багратион получил рапорт генерала майора Неверовского, что 3-го числа июля неприятель в больших силах атаковал его в г. Красном, где он, упорно защищаясь, вытеснен, стремительно преследуем, потерпел большой урон, потерял несколько пушек и отступает к Смоленску. Офицер с рапортом был сутки в дороге, и потому можно было полагать, что неприятель уже в движении к Смоленску. Слышен был глухой звук выстрелов: ближайšie к Днепру передовые посты известили о сильной канонаде.

Г [нерал] -л [ейтенанту] Раевскому приказано идти с корпусом в подкрепление г[енерал]-м[айору] Неверовскому; 2-я армия немедленно последовала к Смоленску и вслед за нею 1-я армия. Атаман Платов, собравши партии, расположился у с. Приказ Выдра. Отряд г[ене-рал] -м [айора] князя Шаховского возвратился к армии; часть егерей и кавалерии отходила дорогою по берегу Днепра, наблюдая броды. Ротмистру Чеченскому, известному храбростию, приказал я, выбрав охотников из конвойной команды Бугского казачьего полка, отправиться на левый берег Днепра и осмотреть на марше силы неприятельские. Возвращаясь от селения Гаврики, склонил и флигель-адъютанта полковника Кикина вступить в должность дежурного генерала, оставленную им по болезни и неприятностям²⁶.

Прощай, Ставраков, плачевный дежурный генерал, комендант главной квартиры несравненный! Ты не будешь уже доставлять непрерывные упражнения моей деятельности, и благодаря полковнику Кикину я буду иметь минуты отдохновения! О лень, всегда мною чтимая! Прими меня, возвращающегося к тебе; клянусь вечным постоянством!

Г[енерал]-л[ейтенант] Раевский прибыл с корпусом к Смоленску и расположился в предместьях города. Г[енерал]-м[айору] Неверовскому, с отрядом бывшему только в семи верстах впереди, приказал присоединиться к своему корпусу. Если бы г[енерал]-л[ейтенанту] Раевскому не воспрепятствовала 2-я гренадерская дивизия выступить ранее, как то надлежало, он, сделавши большой переход, возвратился бы в Смоленск слишком поздно, и мог даже найти в нем французов.

Город Красный защищаем был авангардом генерал-майора Оленина, которому в подкрепление дана была 27-я пехотной дивизии егерская бригада флигель-адъютанта полковника Воейкова. Французы были уже в улицах и не раз изгнаны. Полки, никогда не выдавшие неприятеля, не знающие опасности, дрались отчаянно; но, уступая наконец возобновляемым усилиям, авангард отошел к отряду, стоящему на большой дороге в двух верстах за городом. Неприятель продолжал преследовать одною конницею весьма сильною с некоторым количеством орудий. Пехота не прежде появилась, как подходя уже к Смоленску. Генерал-майор Неверовский, офицер отлично храбрый, и его не утешали опасности, но весьма редко и в малых чинах бывши в действии, при способностях очень обыкновенных, нашелся в таком трудном положении, которое требовало, по крайней мере, навыку и сметливости. Если кто немного знает французскую конницу, поверит некоторой возможности удерживать порывы ее шестью тысячами пехоты, отступающей по волнистому местоположению, дорогою, обсаженною по бокам двумя рядами деревьев, и когда при ней батарейная рота. Генерал-майор Неверовский, имея один Харьковский драгунский полк, подверг его значительному урону. Не довольно связным действием пехоты и отправивши назад батарейную артиллерию, он дал возможность неприятельской коннице делать удачные атаки. Она, пользуясь многочисленностию своею, действовала в тылу его и овладела большею частию отосланной назад артиллерии в ее движении. Если бы генерал-майор Неверовский к знаниям своим военного ремесла присоединил искусство построения каре, прославившее многих в войнах против турок, оно, покоряя обыкновенному ходу дела, не допустило бы до бегства, и ты, Апушкин, батарейную роту свою не исчислял бы дробями. Со всем этим неприятель не мог не уважать неустрашимости генерал-майора Неверовского и, по счастью, пехота французская появилась пред ним в близком от Смоленска расстоянии, и он поступил в распоряжение генерал-лейтенанта Раевского.

4-го числа июля генерал-лейтенант Раевский с одним своим корпусом и 27-ю дивизиею дрался в продолжение целого дня и не только защитил город, но и, занявши предместья, не допустил овладеть ими при всех усилиях превосходного в числе неприятеля, при возможной со стороны его предприимчивости. Немногие из генералов решились бы на то, что

Раевскому не казалось исполнить трудным. Могло казаться удобнейшим, уступя Смоленск, защищать переправу через Днепр, ибо армия не могла в скором времени прийти на помощь. Защищаясь в крепости, надобно было разместить артиллерию по бастионам и в случае отступления опасаться потерять ее, имея к выходу одни ворота. Силы неприятеля очевидно умножались, но он не знал положения города и окрестностей и продолжал бесплодные усилия по большой дороге от Красного против Малаховских ворот. Если бы обратился он к левому флангу крепости, прилежавшему к реке, и взяв продолжение стены, учредил сильную против моста батарею, Раевский нашелся бы в затруднении действовать с большими силами, препятствуемый теснотою улиц, и войска подверглись бы ужасному истреблению [со стороны] артиллерии. Поздно вечером прибыла 2-я армия, не прежде ночи пришла 1-я армия, и обе расположились на правом берегу Днепра. Раевский до того не допустил овладеть ни одною частию предместий, не потерял ни одного шагу. На другой день сменивший его генерал Дохтуров с корпусом, присоединив 27-ю пехотную дивизию, долгое время удерживался в тех же предместиях, не допуская к стенам города. Раевский 5 числа присоединился к армии. В десять часов утра войска наши должны были войти в крепость и расположились под защитю зубцов стены у прикрытия батарей и составляли из себя резервы. Артиллерия в большом числе заняла земляные пред стенами бастионы. Незадолго пред тем присланный на подкрепление генерал-лейтенант Коновницын с 3-ю дивизиею занял часть города, лежащую направо. Ближайшие дома форштадта, простирающегося к Днепру, были еще в наших руках, и стрелки наши вне окружения стен. Превосходством сил неприятель в одно время обнял весь город, атаковал предместье с правого фланга, и со всех сторон загорелся ужасный пушечный и ружейный огонь; во многих частях города начались пожары. По распоряжениям генерал-лейтенанта Коновницына 3-я дивизия опрокинула неприятеля; им же направленный отряд генерал-майора Оленина немало способствовал отражению, и егерская бригада полковника Потемкина действовала отлично. Неприятель, усмотревши удобство местоположения, главнейшие силы направил на левое крыло и не раз уже был у самых Никольских ворот. Одно мгновение могло решить участь города, но неустрашимость генерал-майора Неверовского и присутствие генерал-майора графа Кутайсова, начальника артиллерии 1-й армии, направлявшего действие

батарей, всегда торжествовали над усилиями неприятеля. Устроенная на правом берегу батарея подполковника Нилуса много вредила его атакам. Постоянное стремление на один пункт, умножаемое количество артиллерии обнаружили намерения неприятеля и побудили послать в подкрепление левого крыла 4-ю дивизию принца Евгения Виртембергского. Полетели полки по следам молодого начальника, отличного храбростию, ими любимого! Главнокомандующий поручил мне осмотреть, в каком положении дела наши в городе. Сражение продолжалось с жесткостью; урон с нашей стороны чувствителен; урон неприятеля несравненно больший, ибо нас от действия артиллерии охраняли крепостные стены. За час до вечера неприятель был близко к стенам; часть предместья по левой стороне во власти его; единственный мост наш на Днепре осыпаясь ядрами; город во многих местах объят пламенем; вне стен не было уже ни одного из наших стрелков. Не пощадил Наполеон Польские войска в сем случае, и они, рабственно покорствуя его воле, понесли на себе главнейшую часть всей потери. С началом дня сильная часть войск неприятельских отправилась вверх по левому берегу Днепра по дороге на Ельню. За движением сим наблюдала 2-я армия, 5-го числа перешедшая на московскую дорогу, имевшая целью обеспечить переправу через Днепр, в 40 верстах отстоящую от Смоленска. Авангард ее под командою генерал-лейтенанта князя Горчакова расположен был в шести верстах от города; казачьи войска ее большею частию на левом берегу Днепра, не выпуская из глаз неприятеля; сообщение с 1-ю армиею содержали кавалерийские посты. Неприятель, прошедши 12 верст по дороге на Ельню, возвратился к городу, а потому 2-я армия имела ночлег поблизости.

Князь Багратион склонил главнокомандующего еще один день продолжать оборону города, переправиться за Днепр и атаковать неприятеля, и что он то же сделает с своей стороны. На вопрос главнокомандующего отвечал генерал-квартирмейстер полковник Толь, что надобно атаковать двумя колоннами из города. Удивило меня подобное предложение человека с его взглядом и понятиями. Я сделал замечание, что в городе весьма мало ворот и они с поворотами на башнях. Большое число войск скоро пройти их не может, равно как и устроиться в боевой порядок, не имея впереди свободного пространства и под огнем батарей, близко к стене придвинутых. Скоро ли может приспеть

сопровождающая атаки артиллерия, и как большое количество войск собрать без замешательства в тесных улицах города, среди развалин домов, разрушенных бомбами? Я предложил на рассуждение случай необходимого отступления, когда все неудобства и затруднения предстоят в гораздо большем размере. Военный министр нашел основательными мои замечания. Рассуждаемо было, что если необходимо нужно атаковать, то удобнее перейти за Днепр у самого города, с правой его стороны, устроив мосты под защитой батарей правого фланга крепости. Предместие не было еще оставлено нами; против него была одна только неприятельская батарея, и к ней удобный доступ садами, далеко простирающимися. В случае отступления, заняв монастыри и церкви в предместьи, можно не допустить натиска его на мосты. 2-я армия не должна переправиться за Днепр выше города и еще менее атаковать правый фланг неприятеля, как то предполагал князь Багратион. Легко было воспрепятствовать переправе армии, или, отбросивши атаку, разорвать сообщение с 1-ю армиею, уничтожить согласие в действиях войск и способы взаимного вспомоществования. Небольшими силами неприятель мог войска наши не выпускать из крепости и свои войска сосредоточить по произволу. Предоставленные мною рассуждения не воздержали меня от неблагоприятного в свою очередь поступка. Я поддерживал мнение гг. корпусных командиров еще один день продолжить защиту города. Желание их доведено до сведения чрез генерал-майора графа Кутайсова. Защита могла быть необходимою, если главнокомандующий намеревался атаковать непременно. Но собственно удержать за собою Смоленск в разрушении, в котором он находился, было совершенно бесполезно. Сильного гарнизона отделить армия не могла, а в городе и слабый не нашел бы средств к существованию. Итак решено главнокомандующим оставить Смоленск! Встретились затруднения собрать войска, по всему пространству города рассеянные, артиллерию, размещенную во всех его частях. Долго вечером продолжалось сражение; войска вышли из города ночью беспрепятственно, последние из полков пред рассветом и истребили мост. Вслед за ними неприятель вступил в город.

Несколько егерских полков расположились в предместий на правом берегу Днепра, защищая переправу. Сообщившийся от моста огонь охватил ближайшие дома. Воспользовавшийся замешательством неприятель под прикрытием своих батарей, перешедши вброд у моста,

занял предместье и мгновенно показался на горе у батареи, которая, его не ожидая, не была готова его встретить; но генерал-лейтенант Коновницын приказал ближайшим батальонам ударить в штыки, и неприятель опрокинут. Устроившиеся в порядок егеря преследовали бегущих в замешательстве, и многие из них потонули. В продолжение дня не прерывалась канонада и перестрелка. Сгоревшие по берегу дома, не закрывая уже егерей наших, подвергали их картечным выстрелам. По маловажности действия потеря наша была очень чувствительна. Неприятельская конница во многих местах испытывала броды, но важного ничего не предпринимала.

Я приказал вынести из города образ Смоленской Божией Матери, укрывая его от бесчинств и поругания святыни! Отслужен молебен, который произвел на войско полезное действие.

6-го числа августа сделано распоряжение об отступлении 1-й армии. Того же дня 2-я армия отошла к селению Пнева Слобода, где, переправясь чрез Днепр, должна была дожидаться 1-й армии. Оставленный на шестой версте от города под командою генерал-лейтенанта князя Горчакова авангард не прежде должен был оставить место, как по смене его войсками от 1-й армии, ибо он закрывал собою дорогу, на которую должна выйти одна его колонна. Генерал-майор Тучков (Павел Алексеевич) отправлен с отрядом занять его место. Трудный путь умедлил движение отряда, и он, вышедши на большую дорогу, на двенадцатой версте от города, не застал уже генерал-лейтенанта князя Горчакова, который отправился в соединение со 2-ю армиею, не давши о том знать и снявши посты, содержавшие сообщение между им и 1-ю армиею. Князь Багратион приказал ему отступить перед светом, чтобы не утомлять людей ночным переходом, но не иначе, как по смене его²⁷. Неприятель его не беспокоил; ему на диспозиции на то число видно было направление 1-й армии и что, если неприятель захватит тот пункт, где с большою дорогою соединяется проселочная дорога, по которой идут войска 1-й армии, ей не остается другого пути, ни даже обратного, ибо ее должен был преследовать неприятель. Все сии обстоятельства должны были объяснить генерал-лейтенанту князю Горчакову необходимость держаться в своем расположении, если бы даже то совсем не сходствовало с приказанием князя Багратиона. Генерал-майор Тучков, вышедши на большую дорогу, хотел подвинуться к Смоленску, чтобы закрыть собою важный пункт

соединения дорог, но не далее как в одной версте встретил неприятеля, и началась перестрелка. В таком положении он ожидал прибытия войск²⁸.

Главнокомандующий в полной уверенности, что движение армии совершенно закрыто отрядом генерал-майора Тучкова и что князь Горчаков конечно дождался его, приказал некоторым войскам отступить в 8 часов вечера; тем же, кои были на виду у неприятеля, тогда, как начнет быть темно. Генерал-адъютант барон Корф должен был, сняв до свету все посты, отступить с арриергардом от города.

Итак, оставили мы Смоленск, привлекли на него все роды бедствий, превратили в жилище ужаса и смерти. Казалось, упрекая нам, снедающим его пожаром, он, к стыду нашему, расточал им мрак, скрывающий наше отступление.

Разрушение Смоленска познакомило меня с новым совершенно для меня чувством, которого войны, вне пределов отечества выносимые, не сообщают. Не видел я опустошения земли собственной, не видел пылающих городов моего отечества. В первый раз жизни коснулся ушей моих стон соотчичей, в первый раскрылись глаза на ужас бедственного их положения. Великодушные почитаю я даром Божества, но едва ли бы дал я ему место прежде отмщения!

Началось седьмое число, происшествиями памятное! Главнокомандующий, полагая, что войска, отступившие с вечера, успели отдалиться, удивлен был, найдя на месте весь корпус генерал-лейтенанта Баговута. Проселочная дурная дорога, худые переправы, ночь необычайно темная затрудняли движение артиллерии, и войска едва подвигались вперед. Ночи оставалось уже непродолжительное время, и до рассвета едва возможно было удалиться из виду неприятельской армии. Не было сомнения, что французы станут сильно преследовать, и положение наше очевидно делалось опасным²⁹. Он приказал мне ехать, употребил даже просьбу, чтобы я старался всячески ускорить движение войск. Проехав версты три, понуждая вперед артиллерию, нашел я среди колонны пехоты два эскадрона Сумского гусарского полка, и офицер донес мне, что в трехстах шагах отсюда из занимаемого им поста он вытеснен французами и имеет раненых; что бывшие с ним егеря от авангарда князя Горчакова отошли прежде, нежели отряд генерал-майора Тучкова прошел сие место, и неприятель скоро появился. Поправить сего

было невозможно, темнота не позволяла видеть места и сил неприятеля; оставалось только спешить пройти это место, где и переправа около мельницы была неудобна. Я донес обо всем главнокомандующему и поехал далее. Начиная рассветать, когда войска, прошедши около десяти верст, остановились, потому что генерал-адъютант Уваров приказал 1-му кавалерийскому корпусу заpastись фуражом и выючить на лошадех сено. Самую вежливую послал я ему записку, а по званию моему предложил, не ожидая пехоты, идти на место, где наша проселочная дорога выходит на большую. Вскоре, услышавши пушечные выстрелы, приказал я пехоте следовать сколько возможно поспешнее. Не могли сыскать начальствовавшего всею колонною генерал-лейтенанта Тучкова (Николая Алексеевича), который весьма покойно ночевал в деревне; я объяснился с генерал-лейтенантом Коновницыным и был уверен, что по известной его неустойчивости и любви к порядку он все исполнил наилучшим образом. Если пушечные выстрелы были со стороны арриергарда, мы могли подвергнуться потере, но никаким другим следствиям; но ежели в действии отряд генерал-майора Тучкова, он может быть опрокинут, соединение дорог захвачено, мы атакованы на марше, и без потери артиллерии нет средства соединиться с другою колонною армии, которая отправлена прямо на переправу чрез Днепр у Пневой Слободы. Изяснив опасения мои главнокомандующему, я послал ему моего адъютанта. Для ускорения движения приказал я посадить людей на орудия и идти рысью. Вскоре главнокомандующий уведомил меня, что арриергард сильно преследуем, что занявши высоты, у дороги лежащие, отрезал его так, что часть кавалерии его должна была проскакать под выстрелами, и он принужденным нашелся возвратить 2-й корпус генерала Багговута, который вытеснил неприятеля из занимаемой им позиции и открыл путь арриергарду, но что сражение продолжается с упорством и что присутствие его там необходимо. Между тем генерал-лейтенант Уваров вышел с кавалерийским корпусом на большую дорогу, вслед за ним 1-я гренадерская и 3-я пехотная дивизии. На самом соединении дорог стоял Елисаветградский гусарский полк из отряда генерал-майора Тучкова, которого полагали в шести верстах впереди, на месте, где был авангард князя Горчакова. Командир полка донес, что отряд не далее версты впереди, и подтвердил, что, не дождавшись его, князь Горчаков отправился к армии, оставивши три полка донские под командою

генерал-майора Карпова, которым также приказано следовать к армии. Полки сии оставлены мною и, закрывая отряд наш, продолжали слабую перестрелку с неприятелем, который вперед не подавался. Пользуясь сим, генерал-майор Тучков выиграл небольшое расстояние. На представление мое о необходимости подкрепить его, генерал-лейтенант Тучков 1-й, согласясь, приказал полковнику Желтухину идти с полками лейб-гренадерским графа Аракчеева и полуротою батарейной артиллерии. Все прочие войска отошли на ночлег в шести верстах позади. Было десять часов утра, и со стороны Смоленска довольно спокойно, но сомнительно было, чтобы во весь день продолжалось спокойствие, ибо неприятелю явно было намерение наше выйти на большую дорогу, и что, не допустив нас к тому, он приобретал неисчислимыя выгоды. Еще не прибыл до того корпус генерал-лейтенанта графа Остермана, и много разбросано по дороге артиллерии; арриергард был в далеком расстоянии, и корпус генерал-лейтенанта Багговута, служивший ему опорой, вместе с ним. Итак, не взирая на все выгоды занимаемой нами позиции, необходимо было удерживать ее до соединения наших войск. Правый фланг ее простирался по холму, коего защита была существенно для нас важною, ибо он закрывал у подошвы его сходящиеся Дороги; имея его, удобно было подкреплять каждую часть войск всего боевого устройства. Центр покрывался густым кустарником по низкому и частию болотистому месту; к левому крылу несколько вперед выдавался необширный, но весьма густой лес, на оконечности которого пространное поле, для действия кавалерии удобное, склонялось назад к ручью очень тенистому. Надобно было занять поле и иметь на нем значительную артиллерию, дабы не допустить неприятельских батарей, которым представлялся тыл большей части нашей линии и к ней ведущая дорога. Генерал-майор Тучков дал знать, что замечено умощение неприятельских сил, и прислал схваченных двух виртембергских гусар, которые показали, что собранная конница ожидает прибытия пехоты, и тогда начнется атака. Донского войска генерал-майор Карпов известил, что посланные от него разъезды осмотрели французскую армию, переходящую на правый берег Днепра по нескольким устроенным мостам. По представлению моему генерал-лейтенанту Тучкову 1-му возвращены войска, отошедшие на ночлег, а главнокомандующему донес я об известиях и получил повеление вступить в сражение, и что он поспешит прибыть, устроив дела

арриергарда.

В реляции подробно изложены все обстоятельства сего сражения. Предоставив ее главнокомандующему, я получил приказание его представить ее прямо от себя светлости фельдмаршалу князю Кутузову³⁰.

Важные обстоятельства, сопровождавшие сие сражение, не лишили войск наших возможности кончить его с честью и выгодами, тогда как сами они находились в величайшей опасности. Особенное чувство удовольствия производит во мне воспоминание о сем происшествии; ибо главнокомандующий изъявил мне в сей день высокую степень доверенности и большую часть успеха обратил собственно на счет мой.

Реляция о сражении 7 числа августа при селении Заболотье или Валутине.

"По трехдневном защищении города Смоленска определено было отступление армии, 2-я армия прикрывала переправу чрез Днепр, большими силами неприятеля угрожаемую; авангард ее был в 6 верстах от Смоленска на Московской дороге, 1-я армия следовала двумя колоннами: первая под командою генерала от инфантерии Дохтурова из 5 и 6-го корпусов и арриергарда генерала от кавалерии Платова, проходила дорогою, от неприятеля отклонившеюся и безопасною. 2, 3 и 4-й корпуса и арриергард генерал-адъютанта барона Корфа должны были сделать фланговый марш для достижения большой Московской дороги путями трудными и гористыми, ход их умедлявшими. В продолжение сего авангард 2-й армии отошел, и на смену его заблаговременно посланный отряд генерал-майора Тучкова 3-го, состоящий из 20 и 21 егерских, Ревельского пехотного и Елисаветградского гусарского полков, встретил уже неприятеля на одиннадцатой версте от города.

Арриергард генерал-адъютанта барона Корфа в близком от Смоленска расстоянии был атакован большими неприятеля силами. Ваше высокопревосходительство, свидетель сего упорного сражения, должны были ввести в дело 2-й корпус генерал-лейтенанта Багговута; прочие корпуса продолжали путь свой. Я получил повеление вашего высокопревосходительства ускорить их движение. Важность обстоятельств того требовала: надобно было захватить соединение дорог. Невозможно было употребить довольно поспешности. Соединение было близко от Смоленска. Отряд генерал-майора Тучкова 3-го слаб против неприятеля.

Именем вашего высокопревосходительства приказал я 1-му кавалерийскому корпусу генерал-адъютанта Уварова поспешно занять соединение дорог, что было исполнено без замедления, 3-й корпус генерал-лейтенанта Тучкова 1-го, горящий желанием встретить неприятеля, пришел по свежим следам кавалерии. Генерал-майору Пассеку поручил я проводить артиллерию рысью, 4-й корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого пришел мало времени спустя. Я нашел отряд генерал-майора Тучкова 3-го в двух только верстах от соединения дорог, приказал часть пехоты отодвинуть вперед, подкрепил его бригадою полковника Желтухина из лейб-гренадерского и графа Аракчеева полков и 6-ю батарейными орудиями. Передовые посты были в перестрелке, но неприятель был слаб. 3-й и 4-й корпуса отошли на назначенный ночлег в 6 верстах расстояния. В два часа пополудни усилился огонь на передовых постах, и два дезертира объявили, что неприятель в числе двенадцати полков пехоты и конницы готов сделать нападение, коль скоро большие силы, переправляющиеся с левого берега Днепра, к ним придут. Командующий передовыми постами Войска Донского генерал-майор Карпов дал известие, что неприятель со многими силами переходит реку. Я известил о сем генерал-лейтенанта Тучкова 1-го и 3-му корпусу приказал идти поспешнее. Передовые посты уступили силам неприятеля, и к пятому часу должен был уже и 4-й корпус приблизиться. Я донес вашему высокопревосходительству, и вам угодно было приказать мне расположить войско в боевое устройство в ожидании вашего прибытия из арриергарда. Вскоре началось дело во всей силе. Неприятель употребил все усилия по большой почтовой дороге, но выгодное положение с нашей стороны и не приспевшая еще дотоле неприятельская артиллерия дали возможность удержаться. Неприятель умножил стрелков на левом фланге отряда генерал-майора Тучкова 3-го, но по распоряжению его употребленный 20-й егерский полк с генерал-майором князем Шаховским удержал его и дал время 3-й дивизии полкам Черниговскому, Муромскому и Селенгинскому приспеть и утвердиться.

Вскоре прибыла неприятельская артиллерия, и канонада с обеих сторон усилилась чрезвычайно. Ваше высокопревосходительство изволили прибыть к сражающимся войскам. Появилась неприятельская кавалерия и как туча возлегла на правом крыле своем. Всю бывшую при корпусе

кавалерию, кроме 1-го корпуса, надобно было по необходимости употребить на левом нашем крыле. Силы неприятеля были превосходны, местоположение в его пользу. Позади нашей кавалерии болотистый ручей, трудная переправа артиллерии. Но бригада под командою генерал-майора князя Гуриела, быстро вытеснившая неприятельскую пехоту из лесу, к которому принадлежала его кавалерия, сделала атаки его нерешительными, робкими; паче же Перновский полк с генерал-майором Чоглоковым, выстроенный в колонне, среди самого неприятеля, подкрепляя нашу кавалерию, удвоил ее силу. 24 орудия сделали ее непреодолимою. По силам неприятельской кавалерии, казалось, должно было одной лишь быть атаке и вместе с нею истреблению левого нашего крыла, но по храбрости войск наших каждая атака обращена была в бегство, как с потерей, равно со стыдом неприятеля. Кавалериею и казаками приказал я командовать генерал-адъютанту графу Орлову-Денисову. С обеих сторон повторенные атаки и отражения продолжались довольно долго. В сие время прибыла 17-я дивизия генерал-лейтенанта Олсуфьева, и утомленные в деле с арриергардом генерал-адъютанта барона Корфа полки употреблены были в подкрепление правого крыла, как пункта, от главных неприятеля атак удаленного. На центре усилились батареи неприятеля, но противостоявшие неустрашимо 3-й дивизии полки Черниговский, Муромский и Селенгинский, удержав место, отразили неприятеля, который, бросаясь на большую дорогу, привел в замешательство часть войск, оную прикрывавших. В должности дежурного генерала флигель-адъютант полковник Кикин, адъютант мой лейб-гвардии конной артиллерии поручик Граббе и состоящий при мне штаб-ротмистр Деюнкер, адъютант генерала Милорадовича, собрав рассеянных людей, бросились с барабанным боем в штыки и в короткое время очистили дорогу, восстановив тем связь между частями войск. Не успевший в намерении неприятель отклонил атаку и устремил последнее усилие на правое наше крыло. Батарея наша из четырех орудий была сбита, и я, не вверяя утомленным полкам 17-й дивизии восстановление прервавшегося порядка, лейб-гренадерский полк в присутствии вашего высокопревосходительства повел сам на батарею неприятельскую. Полковник Желтухин, действуя отлично, храбро, опрокинул все, что встретилось ему на пути. Я достигал уже батареи, но сильный картечный огонь, храброму сему полку пресекший путь, привел

его в расстройство. Атаки неприятеля однако же прекратились. Полк занял прежнее свое место, и с обеих сторон возгорелся сильный ружейный огонь. Екатеринославский гренадерский полк пришел в помощь, и полки 17-й дивизии участвовали больше стрелками. Генерал-майор Тучков 3-й, опрокинув сильную неприятельскую колонну и увлеченный успехом, во время, к ночи уже клонящееся, взят в плен. Генерал-лейтенант Коновницын, не взирая на сильный повсюду неприятельский огонь, оттеснил неприятеля на всех пунктах правого крыла на большое расстояние, место сражения и даже далее удержал за нами. Он учредил посты, отпустил артиллерию, снял войска с позиции в совершеннейшем порядке, и армия беспрепятственно отступила к Дорогобужу и соединилась со 2-ю армиею.

Списки об отличившихся чиновниках, господами начальниками на имя вашего высокопревосходительства препровожденные, имею честь представить, с моей стороны доверенность вашего высокопревосходительства стараясь заслужить справедливостию моего донесения".

В продолжение сражения были минуты, в которые невозможно было допускать уверенности в счастливом окончании оною. Я послал к великому князю записку, что необходимо ускорить движение к переправе чрез Днепр и тотчас перейти его, дабы сражающиеся войска не встретили препятствий при переправе, ибо надлежало ожидать, что неприятель будет нас преследовать стремительно.

Командующий арриергардом барон Корф, далеко еще не дошедши до большой дороги, заметил, что неприятель не только не понуждал его к скорейшему отступлению, напротив старался, занимая перестрелкою, его задерживать, в том вероятно предположении, что отбросит сражающиеся наши войска от пункта соединения дорог, и арриергард наш останется отрезанным. Не имели успеха сии соображения его, и арриергард прибыл к войскам.

8-го числа арриергардом командовал генерал-адъютант граф Строганов³¹ (Павел Александрович); 1-й кавалерийский корпус и гренадерские полки Павловский, С.-Петербургский и Таврический с достаточною артиллериею его составляли. Судя по силам, употребленным в сражении, по кратковременности его, нельзя было потерю неприятеля полагать

чрезвычайною, но таковою утверждали ее все, доставшиеся нам пленные офицеры. Итак, неприятель ограничился одним за нами наблюдением. Большую часть дня я оставался с арриергардом, страшась и за слабость его состава и сомневаясь в искусстве начальствующего им. Невдалеке назад главнокомандующий приказал на случай подкрепления иметь готовые войска.

Медленно отступающий арриергард я оставил далеко, и поздно уже возвратясь к армии, удивлен был, найдя ее еще не переправившеюся за Днепр, ибо опоздавший со своею колонною генерал Дохтуров занимал переправу. Можно почесть весьма счастливым случаем, что неприятель не пришел к переправе в одно время с нами, чему, по положению места, трудно было препятствовать, или не иначе, как с чувствительным весьма уроном.

9-го числа вся 1-я армия, соединясь за Днепром, пришла к селению Усвятъе. Днем прежде 2-я армия расположилась недалеко от Дорогобужа. В состав арриергарда поступили многие егерские полки и кавалерия. Им командовал генерал-майор барон Розен, состоя в полном распоряжении генерала от кавалерии Платова, которому приказано оставаться у самой переправы долее, дабы собрались люди усталые. Сильные партии должны отправиться вверх по Днепру, наблюдая, чтобы не беспокоил неприятель отправленные из Смоленска обозы и транспорты чрез Духовщину на Дорогобуж. Все прочие тяжести и все раненые отправлены из Духовщины в Вязьму и были вне опасности.

10-го числа войска имели растаг. Арриергард был далеко. Главнокомандующий вместе с великим князем и князем Багратионом, сопровождаемые всеми корпусными командирами и многими из генералов, осматривали выбранную полковником Толем для армии позицию. Главнокомандующий заметил ему, что на правом фланге находится высота, с которой удобно действовать на протяжении первой линии и что надлежит избежать сего недостатка. На предложение его занять высоту редуту ему указано на озерцо между высотой и конечностью линии, препятствующее давать подкрепление редуту и даже способствовать ему действием батарей, расположенных ниже его. Если устроить обширное укрепление, на оборону его обращенная часть войск будет свидетелем сражения, участия в нем не принимая. Вытесненная, может лишиться

средств отступления. Полковник Толь отвечал, что лучшей позиции быть не может и что он не понимает, чего от него требуют, давая разуметь, что он знает свое дело. Главнокомандующий выслушал его с неимоверною холодностию, но князь Багратион напомнил ему, что, отвечая начальнику и сверх того в присутствии брата государя, дерзость весьма неуместна и что за то надлежало слишком снисходительному главнокомандующему надеть на него солдатскую суму, и что он, мальчишка, должен бы чувствовать, что многие не менее его знакомы с предметом. Найден также левый фланг позиции весьма порочным, и потому войска, не занимая позиции, перешли на ночлег, не доходя Дорогобужа, а полковнику Толю приказано расположить их на другой день подле города. Между тем село Усвятье заняла пехота арриергарда. Передовые посты были уже недалеко и теснимы неприятелем. Отряд генерал-адъютанта Васильчикова, оставшийся на левом фланге прежней позиции, вступил в дело, и корпус генерал-лейтенанта Раевского готов был ему в помощь, но кончилось незначущею перестрелкою, и далее ничего не предпринял неприятель. Арриергард атамана Платова остался в с. Усвятье и отряд генерал-адъютанта Васильчикова на прежнем месте - на левом крыле.

Атаман Платов сказывал мне о показании взятого в плен унтер-офицера польских войск, что будучи у своего полковника на ординарцах, видел он два дни сряду приезжавшего в лагерь польский под Смоленском нашего офицера в больших серебряных эполетах, который говорил о числе наших войск и весьма невыгодно о наших генералах. Разговорились мы с генералом Платовым о других, не совсем благонадежных и совершенно бесполезных людях, осаждавших главную квартиру и между прочими о флигель-адъютанте полковнике Вольцогене, к которому замечена была особенная привязанность главнокомандующего. Атаман Платов в веселом расположении ума, довольно смешными в своем роде шутками говорил мне: "Вот, брат, как надобно поступать. Дай мысль поручить ему обозрение французской армии и направь его на меня, а там уже мое дело, как разлучить немцев. Я дам ему провожатых, которые так покажут ему французов, что в другой раз он их не увидит". Атаман Платов утверждал, что знает других, достойных равной почести. "Не мешало бы, - сказал он, - если бы князь Багратион прислал к нему г. Жамбара, служащего при начальнике Главного штаба графе Сен-При, в распоряжения которого он много вмешивается". Много посмеявшись с атаманом Платовым, я говорил

ему, что есть такие чувствительные люди, которых может оскорбить подобная шутка, и филантропы сии, облакаясь наружностью человеколюбия, сострадания, выставляют себя защитниками прав человека.

Обе армии находились у Дорогобужа. Отряд 2-й армии на правом берегу Днепра против города сменен корпусом генерал-лейтенанта Багговута. Полки кавалерийские в команде генерал-майора графа Сиверса замещены драгунским полком полковника Крейца и частью казаков. Позиция занята была стесненная и обращенная в противную сторону. Главнокомандующим отмечена грубая ошибка полковника Толя: не доставало места для расположения войск, при других ее недостатках. Ему сделан жесточайший выговор, исправить ошибки поручено другому. Последствий от того не было, и намерение ожидать неприятеля вскоре отменено. Полковник Толь, отличные имеющий познания своего дела, не мог впасть в подобную ошибку иначе, как расстроен будучи строгим замечанием князя Багратиона за неприличные, излишне смелые, ответы главнокомандующему, военному министру. Чрезмерное самолюбие его поражено было присутствием многих весьма свидетелей.

1-я армия осталась до вечера; 2-я армия тотчас начала выступать и потянулась вверх по левому берегу реки Осьмы, дабы занять идущую от стороны Ельни дорогу и не дать неприятелю воспользоваться ею, также и для удобнейшего движения обеих армий. Князь Багратион имел неосторожность приказать арриергарду своей армии следовать за нею. Командующий оным генерал-адъютант Васильчиков, отходя, оставил однако же небольшой отряд конницы с генерал-майором Панчулидзевым (Черниговского драгунского полка) для удержания связи с главным арриергардом атамана Платова и чтобы скрыть отступательное движение наших войск. Генерал-майор Панчулидзева отошел, не известя атамана Платова. Неприятель занял его место на фланге нашего арриергарда и небольшою частью конницы наблюдал его движение. Она, обманувшись дорогою, обошла генерал-майора князя Панчулидзева, совсем того не желая, и нашлась между им и армиею. Встретившись внезапно и не без опасения, открыли один другому путь свободный не сделавши выстрела.

Во время пребывания армии при Дорогобуже неприятель в некоторых силах, далеко оставя наш арриергард, прошедши по дороге, называемой

старую Смоленскую, в трех верстах от города расположился на левом нашем крыле. Беспечная охранением арриергарда наша армия не знала о столько близком присутствии неприятеля, но и он ничего предпринять не смел против сил наших в совокупности. Сие происшествие может служить наставлением, что если арриергарды в близком расстоянии один от другого, они все должны быть подчинены одному начальнику для содержания общей между ними связи. Бывают случаи, что по мере обширности цепи в состав ее входящие разного рода войска имеют своих частных начальников, которые не согласуют своих действий с общим распоряжением. Из самого опыта усмотрев сии неудобства, начальство удалило их введением полезных изменений.

При отступлении армии от Дорогобужа арриергард атамана Платова имел горячее с неприятелем дело. Пехота наша, состоявшая из егерей, получила новое право на уважение неприятеля, и дан ему урок быть осмотрительным. После многих неудачных усилий, понесши приметный урон, неприятель остановился. Арриергард удержался в позиции и отступил, когда армия уже довольно удалилась. Наконец прошел чрез Дорогобуж не более двух верст, давши армии достигнуть селения Семлева. Никогда армия не бывала в таком отдалении, и для того предположено остановиться два дня для отдохновения утомленным войскам и нужно было починить обувь солдатам. Было также в виду, чтобы спасающиеся жители из городов и селений, обозами своими затруднявшие движение армии, могли отойти далее. В первый день отдохновения атаман Платов прислал занимать лагерь для арриергарда, донося, что стремительно атакующий его неприятель допустил его остановиться в восьми верстах, а в ночи он придет в селение Семлево. Причина столько скорого отступления заключалась в том, что пехота арриергарда не была употреблена в продолжение дня, и неприятеля должна была удерживать одна застава (так была названа) из двухсот казаков при одном есауле. Места были довольно лесистые, и несколько стрелков достаточно, разгоняя казаков, беспрепятственно открывать себе путь.

1-я армия должна была оставить Семлево; равномерно отошла и 2-я армия, на одной с нею высоте по левую сторону находившаяся. Атаман Платов не раз уже был замечаем нерадиво исполняющим свои обязанности, а князь Багратион сказал мне, что когда находился он с ним в отступлении из Литвы, он изыскивал³² способ возбуждать его к

предприимчивости и деятельности чрезвычайной, проведая непреодолимое его желание быть графом. Мне причиною недеятельности его казалось простое незнание распоряжаться разного рода регулярным войском, особенно в действиях продолжительного времени. Быть начальником казаков решительным и смелым не то, что быть генералом, от которого требуется другой род распорядительности в связи с искусством непременно. Атаман Платов, принадлежа к числу людей весьма умных и отлично проницательных, не мог не видеть, что война 1812 года в свойствах своих не сравнивается с теми, в которых он более многих других оказал способностей.

От генерала от инфантерии Милорадовича получено известие, что с войсками, сформированными им в городе Калуге в числе шестнадцати тысяч человек, большею частию пехоты, поспешает прибыть к армии. Сняв ранцы и с пособием подвод, пехота проходила не менее сорока верст в сутки. Войска сии нужны были для пополнения убыли в полках, особенно в кавалерии, беспрерывно употребляемой в арриергарде.

Атаману Платову приказано удерживать неприятеля сколько возможно, не оставляя пехоты без действия. Генерал-лейтенанту Багговуту³³, идущему с корпусом на правом фланге армии, предписано наблюдать идущего за ним в больших силах неприятеля; его арриергарду иметь связь с передовыми войсками атамана Платова с левой стороны; с правой - с донскими полками генерал-майора Краснова, также преследуемыми особенною частию войск по направлению от Духовщины. От сих полков должен быть сильный пост в селе Покрове, где пересекаются дороги из Дорогобужа в Сычевку и из Вязьмы в Белый.

Отправлен отряд из двух драгунских полков, двух гренадерских баталионов и четырех орудий конной артиллерии в команде генерал-майора Шевича³⁴, которому приказано, пройдя Вязьму, выйти на дорогу к Духовщине и подкрепить генерал-майора Краснова, дабы дать время обозам и тяжестям 1-й армии пройти Вязьму, куда проникнув небольшая партия могла бы произвести замешательство.

Отряду генерал-адъютанта барона Винценгероде, весьма легкому по его составу, предоставлено действовать на фланге неприятеля и по возможности угрожать его тылу. Из расположения его между Духовщиною и Белым, в случае если усилится неприятель, он должен отступить к

Сычевке и давать о себе известие чрез генерал-майора Краснова.

Инженер-генерал-лейтенант Трузсон и обеих армий генерал-квартирмейстеры отправлены в Вязьму для изыскания позиции армиям и укрепления оной.

Все вообще распоряжения принимали вид важных приуготовлений. Начальнику артиллерии приказано иметь запасные парки ближе к армии.

Главкомандующему при рапорте моем представил я в подлиннике рапорт полковника Толя, просившего увольнения от должности генерал-квартирмейстера, чувствуя будто бы себя неспособным отправлять оную. Я объяснил при том, что имею его под начальством, я свидетелем был трудов его, усердия и деятельности; в сражениях же он являл опыты предусмотрительности. Должность его не поручена никому другому, и он продолжал отправлять ее. Впрочем непродолжительно было снисхождение главнокомандующего к просьбе моей, и он получил приказание выехать из армии, и отправился в Москву, где оставался без всякой должности.

Благовременно сделал я распоряжения, чтобы раненые, находившиеся в Вязьме, были все вывезены далее. По настоятельности главного по медицинской части инспектора Виллие должен я был также дать направление раненым 2-й армии, избегая столкновения на одной дороге. Москве, столице уstraшенной, горестно было бы зрелище нескольких тысяч страждущих³⁵.

Атаман Платов доставил взятого в плен французского полковника, посланного вице-королем италиянским к неаполитанскому королю Мюрату в село Семлево, из которого намеревался он вытеснить наш арриергард. Пехота наша дралась упорно, неприятель с большим уроном оставил село Семлево в наших руках. Часть успеха принадлежит генерал-майору барону Розену, которому атаман Платов предоставил полное действие.

Инженер-генерал-лейтенант Трузсон не нашел позиции, которая бы закрывала Вязьму. По превосходству сил неприятель мог, обходя фланг армии, угрожать дороге на Гжатск.

Главкомандующий, пробывши один день в Вязьме, переехал в село Федоровское в десяти верстах от города.

Раненых отправлено большое количество; оставалось еще 1600

человек, но благодаря деятельности дежурного генерала Кикина, которому много вспомоществовал Ставраков, комендант главной квартиры, ни один из них не достался неприятелю. Успели даже увезти сто тысяч аршин холста, который один купец предложил на госпиталь, и 70 пудов разных лекарств из вольной аптеки. Заметить надобно, что неприятель приближался, и купец, для оказания великодушия защитникам отечества, ожидал сигнала французской пушки. Главнокомандующий занимал прекрасный дом богатого откупщика; в погребе у него было столового хорошего вина более нежели на 20 т[ысяч] рублей, и ни за какую цену нельзя было достать одной бутылки. Откупщик опасался выказать, где оно было закопано. Впоследствии расторопные французы дали свет сокрытым сокровищам на сожаление бережливому откупщику и конечно не менее всем уездным собственникам.

Позиция при селе Федоровском имела немалые выгоды и уже воздвигнуты некоторые укрепления. Недостаток воды - малейший порок ее. Озеро на левом крыле армии заключалось в берегах болотистых и топких, с трудом доступных. Полковник Манфреди, по части путей сообщения при армии, сделал насыпь, входящую в озеро, но по причине отдаления была она для людей затруднительна. Неприятель, приблизясь к позиции, мог овладеть водоемом, в чем воспрепятствовать ему невозможно было. Итак, армия продолжала отступление.

Около селения Царево-Займище усмотрена весьма выгодная позиция, и главнокомандующий определил дать сражение. Начались работы инженеров, и армия заняла боевое расположение. Места открытые препятствовали неприятелю скрывать его движения. В руках наших возвышения, давая большое превосходство действию нашей артиллерии, затрудняли приближение неприятеля; отступление было удобно.

Много раз армия наша, приуготовляемая к сражению, перестала уже верить возможности оною, хотя желала его нетерпеливо; но приостановленное движение армии, ускоряемые работы показывали, что намерение главнокомандующего решительно, и все возвратились в надежде видеть конец отступления.

Получено известие о назначении генерала от инфантерии князя Голенищева-Кутузова главнокомандующим всеми действующими армиями и о скором прибытии его из С.-Петербурга³⁶. Почти вслед за известием

приехал в Царево-Займище князь Кутузов и принял начальство над 1-ю и 2-ю Западными армиями. Если единоначалие не могло совершенно прекратить несогласие между командующими армиями, по крайней мере оно было уже безвредно и продолжалось под лучшими формами. Но возродило оно ощутительным образом в каждом из подчиненных надежду на прекращение отступления, большую степень порядка и успехи. Несправедливо было бы упрекать генерала Барклая де Толли отступлением. При Смоленске видно было превосходство сил неприятельских и точнейшие полученные сведения делали его необходимым.

Князь Кутузов на пути своем к армии приказал Московскому ополчению следовать в соединение с армиею.

Главкомандующий, справедливо недовольный беспорядочным командованием атамана Платова арриергардом, уволив его от того, позволил отправиться из армии, и он находился в Москве, когда князь Кутузов дал ему повеление возвратиться к донским казакам в армии. Арриергард поручен генерал-лейтенанту Коновницину, и он, отступая от Вязьмы, упорно защищался на каждом шагу. Первый приказ князя Кутузова был об отступлении по направлению на Гжатск. В нем объяснена была потребность присоединить идущие к армии подкрепления.

От Гжатска в арриергарде было несколько горячих ошибок с чувствительною с обеих сторон потерей, но генерал-лейтенант Коновницын доставлял армии несравненно более спокойствия, нежели прежде атаман Платов.

В Гжатск прибыли войска под командою генерала Милорадовича в числе 16-ти тысяч человек и разделены по полкам.

Князь Кутузов вознамерился дать сражение близ Колоцкого монастыря³⁷. Также производилось построение укреплений и также позиция оставлена. Она имела свои выгоды и не менее недостатков. Правый фланг, составляя важнейшие возвышения, господствовал местами на протяжении всей линии, но если бы невозможно было удержать его, отступление делалось затруднительным, тем более, что в тылу лежала тесная и заселенная долина. Здесь оставлен был арриергард, но в 12 верстах назад избрана для обеих армий позиция при селении Бородине, лежащем близ Москвы-реки. Знаменитость сего места требует некоторого описания.

Впереди правого фланга протекала в крутых берегах, местами неприступных, речка Колоча; самый фланг упирался в лес, где сделаны большие засеки; на обширном поле, прилежащем [к] лесу, устроены укрепления, охраняющие и конечность и тыл фланга. Поле, для действия кавалерии удобное, обнаруживало всякое движение. Недалеко от Бородина, по большой дороге, на высоте у селения Горки, находилась батарея; подошва высоты обнесена окопом под защитой пехоты. Впереди село Бородино, занятое передовыми войсками, соединялось с позицией мостом чрез реку Колочу. В центре позиции, пред линиями войск, лежала главнейшая высота, господствующая [над] окрестностию во всех направлениях, и занята была сильною батареею от 2-й армии. Здесь была конечность левого фланга 1-й армии. Пред батареею на картечный выстрел простиралось чистое поле, пресеченное широкою и глубокою долиною, совершенно от нас сокрытою; до спуска в сие углубление, с противоположной стороны, доходил весьма частый лес. В левую сторону от батареи незначительные возвышения оборонялись построенным твердым редутом ³⁸. Конечность левого крыла 2-й армии обращалась к обширному и весьма частому лесу, отделенному от редута тесною долиною, единственно для действия кавалерии на всем крыле. На малое расстояние в тылу войск протягивалась глубокая лощина, неудобная для сообщений. В версте от левого крыла проходила чрез лес старая почтовая на Можайск дорога, склоняясь в обход позиции.

Князь Кутузов, осматривая расположение войск, приказал отклонить левое крыло так, чтобы глубокая лощина пролежала пред его фронтом; конечность оною, в новом месте, приказал укрепить несколькими флешами. За сею переменою редут, оставаясь далее пушечного выстрела, сделался совершенно для нас бесполезным, и потому защищать и удерживать его не нужно было. В прямой линии устроения армии сделан перелом у самого центра позиции.

Августа 24-го числа арриергард, стремительно атакованный, долго защищаясь против собравшихся превосходных сил неприятеля, должен был наконец вступить рано в позицию. На левом крыле часть арриергарда, составленная из войск 2-й армии, отступала так поспешно и о движении своем не предвеляя армию, что преследующий неприятель появился на высотах прежде, нежели переменена была позиция по указанию князя Кутузова. Передвижение производилось пред лицом неприятеля, и как ни

быстро было совершено, дан был неприятелю повод к атаке. Бесполезный редут надлежало удерживать по необходимости, чтобы войскам дать время занять назначенную им линию, иначе мог неприятель препятствовать и даже привести войско в замешательство. По устройении их должно было тотчас оставить редут. Командующий 27-ю дивизиею генерал-майор Неверовский не смел сделать того без приказанья. Частный начальник генерал-лейтенант князь Горчаков не усмотрел пользы ее оставить. Продолжались атаки неприятеля на редут и лес, устойчиво нами защищаемые, и вскоре, превратясь в дело весьма упорное, заставили большую часть войск 2-й армии принять в нем участие, и оно продолжалось до глубокой ночи. Видно было решительное намерение неприятеля овладеть редутом, и не раз нами потерянный, был он возвращен штыками. Не раз взяты были у неприятеля орудия, но огонь сильнейших батарей исторгал их из рук, овладевших ими. Атака на батареи наших кирасир 2-й дивизии имела полный успех, и взято несколько пушек, но, обращаясь между лесом и высотами, сильно занятыми, дивизия подверглась чувствительному урону. Отчаянно оборонявшая редут пехота должна была наконец оставить его в руках неприятеля с малым числом орудий, и сражение прекратилось.

25-го августа армии в полном бездействии обозревали одна другую. В ночи взят у нас редут при селении Шевардине; из него видно левое наше крыло со всеми недостатками местности, недостроенными укреплениями³⁹, и не могло быть сомнения, что оно будет предметом атак, и уже в том направлении замечены генералом Беннингсеном главные силы неприятеля, хотя по превосходству повсюду было их достаточно. Исправляя должность начальника главного штаба всех действующих войск при князе Кутузове, он предложил как меру предосторожности сократить линию заблаговременно, оставя на правом крыле, в лесу и засеках, несколько егерских полков, два пехотные корпуса, бесполезно стоящие поблизости, передвинув к центру, дабы могли вспомоществовать 2-й армии; предложение не уважено!

Неприятель на левом фланге устраивал Италианскую армию в оборонительное положение; воздвигались окопы и батареи против довольно открытой местности, удобной для наступательного действия нашей конницы в большом количестве.

Рано утром князь Кутузов осматривал армию. Не всюду могли проходить

большие дрожки, в которых его возили. Немногие из генералов и малая свита его сопровождали; я ехал у колеса для принятия приказаний. Генерал Беннингсен⁴⁰ остановил его у возвышения, господствующего над окрестностью, на котором конечность крыла 2-й армии (правого) занимала только что начатое укрепление, вооруженное 12-ю батарейными и 6-ю легкими орудиями. Прикрытием служила пехотная дивизия корпуса генерала Раевского⁴¹. Возвышение это называл генерал Беннингсен ключом позиции, объясняя необходимость употребить возможные средства удерживать его, ибо потеря его может быть причиною гибельных последствий. Князь Кутузов ограничился тем, что, не изменяя положение 1-й армии, приказал левое ее крыло довольно далеко отклонить назад, отчего конечность избегала внезапных атак скрывающегося в лесу неприятеля и возможности быть обойденною. Но в то же время преломление линии, образуя исходящий угол, давало неприятелю выгоду продольных рикошетных выстрелов. Никаких более не сделавши распоряжений, князь Кутузов возвратился в квартиру. 26-го августа. Настал наконец желанный день! Скрывающееся в тумане солнце продолжило до шести утра обманчивое спокойствие. Первые лучи его осветили то место, где с полным самоотвержением готовы русские принять бестрепетно неравный бой!

Здесь, величественная Москва, участь твоя вверяется жребию. Еще несколько часов, и если твердою грудью русских не будет отвращена грозящая тебе опасность, развалины укажут место, где во времена благоденствия ты горделиво воздымалась!

Боевое устройство 1-й и 2-й наших армий.

На конечности правого крыла, в лесу, засеках и укреплении, три егерских полка, которые, не принимая прямого участия в действии, потеряли несколько человек с самых отдаленных батарей без цели сделанными выстрелами. От них по направлению к центру пехотные корпуса: II-й генерал-лейтенанта Багговута, IV-й генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого и VI-й генерала от инфантерии Дохтурова заключал протяжение 1-й армии. Далее по отклоненной назад линии войска 2-й армии: VII-корпус генерал-лейтенанта Раевского, VIII-й корпус генерал-лейтенанта Бороздина и, на оконечности левого крыла, под начальством генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го дивизии сводная

гренадерская генерал-майора графа Воронцова и 27-я пехотная генерал-майора Неверовского.

В состав общего резерва для армий назначены: вся вообще кавалерия; исключается небольшая ее часть при пехотных корпусах и гвардейская конница; III-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Тучкова 1-го; 2-я гренадерская дивизия принца Карла Мекленбургского; пехота V-го гвардейского корпуса великого князя Константина Павловича⁴² в команде генерал-лейтенанта Лаврова; гвардейский резервный кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Уварова и атаман Платов с полками Войска Донского на правом крыле 1-й армии. Московское ополчение в числе двадцати пяти тысяч человек, вооруженных пиками, прибывшее за два дня, разделено по корпусам для принятия раненых, не отвлекая для того людей от фронта⁴³.

В шесть часов утра замечено движение в неприятельских войсках против правого нашего крыла, и вскоре началась атака на село Бородино. Впереди его гвардейского егерского полка баталион, содержащий передовые посты, опрокинут, и менее, нежели в полчаса, весь полк в замешательстве отброшен до моста чрез речку Колочу, и по левому ее берегу рассыпали стрелки его во множестве. Стоявший против моста 1-й егерский полк стремительно бросился вперед, обратил неприятеля и пропустил гвардейских егерей, которые тотчас отосланы в свою дивизию⁴⁴. Опасно было положение 1-го егерского полка, отдаленного от прочих войск, почему приказано командиру оно⁴⁵, не занимая села Бородина, отойти за речку и сжечь мост. Стоявшая близ него рота легкой артиллерии отогнала стрелков, и тем ограничилось действие на этом пункте. Видно было, что не здесь ожидать надлежало важнейших предприятий.

Вдруг загорелся на левом нашем крыле пушечный и ружейный огонь. Двинулись страшные громады сил и, не взирая на сопротивление наше, в ужасающем виде, медленными подойдя шагами, овладели укреплениями нашими впереди села Семеновского. Недолго однако же могли удерживаться в них изгнанные, с беспримерным уроном отступили. Раздраженный неудачею неприятель собрал рассеянных, присоединил к ним свежие войска и возобновил нападение. Полки наступающие, разрушаемые губительным огнем наших батарей и пехоты, шли бестрепетно вперед. Дивизии графа Воронцова и Неверовского встретили

их штыками, и любимое оружие русского солдата одно могло продлить сопротивление. Из рук в руки переходили батареи: потеря с нашей стороны выше вероятия и граф Воронцов ранен. Командир сводной гренадерской бригады полковник князь Кантакузин, изгоняя неприятеля из захваченного им укрепления, убит. Распоряжающий сими войсками на оконечности левого крыла армии генерал-лейтенант князь Горчаков 2-й (Андрей Иванович) получил рану.

Главкомандующий князь Багратион, одушевляя войска, идущие вперед, своим присутствием, чувствует себя пораженным и, избегая вредного действия на дух боготворящих его войск, скрывает терзающую его боль, но, ослабевая от истекающей крови, в глазах их едва не упадает с лошади. В мгновение пронесся слух о его смерти, и войск невозможно удержать от замешательства. Никто не внемлет грозящей опасности, никто не брежет (не беспокоится. - Сост.) о собственной защите: одно общее чувство - отчаяние! Около полудня 2-я армия была в таком состоянии, что некоторые части ее не иначе, как отдаля на выстрел, возможно было привести в порядок.

Прибыл с донесением к князю Кутузову полковник князь Кудашев и обстоятельно представил положение 2-й армии.

Князь Кутузов дал повеление корпусу графа Остермана идти туда поспешнее и соединиться с корпусом Багговута, незадолго пред сим посланным; отправлены полки гвардейской пехотной дивизии. Генералу от инфантерии Дохтурову поручил начальство над войсками 2-й армии и всеми вообще находящимися на левом крыле. Мне приказал отправиться немедленно во 2-ю армию, снабдить артиллерию снарядами, в которых оказался недостаток. Удостоил меня доверенности представить ему замечания мои, если усмотрю средства полезные в местных обстоятельствах настоящего времени.

Известно мне было, что начальник главного штаба 2-й армии граф Сен-При ранен, и немногих весьма имея знакомых между заменившими прежних начальников, ожидал я встретить большие затруднения, и чтобы не появиться вполне бесполезным, предложил начальнику артиллерии 1-й армии графу Кутайсову назначить в распоряжение мое три конноартиллерийские роты с полковником Никитиным, известным отличной своей храбростию. Во весь карьер неслись роты из резерва, и Никитин уже

при мне за приказанием.

Между тем генерал Тучков, видя совершенное расстройство 2-й армии, потерявшей главного и важнейших частных начальников, и что невозможно рассчитывать на твердое сопротивление раздробленных частей ее⁴⁶, велел III-му его корпусу немедленно войти в бой, занял конечность левого крыла армии 1-ю гренадерскую дивизию и успел стать на Можайской старой почтовой дороге, где близ селения Утицы находились уже польские войска, предводимые князем Понятовским. Началась канонада против слабой нашей батареи, стоявшей на кургане, и остановлены быстрые шаги неприятеля к успехам. Допустить его утвердиться на этом пункте было для нас опасно. Генерал Тучков 1-й, лично указывая путь храбрым гренадерам 1-й дивизии под картечным огнем, удержал место, охранил укрепление, но тяжелая нанесенная ему рана не допустила подвига более прочного. При селении Утице 3-я пехотная дивизия, опрокинув стрелков, долго боролась с подкреплявшими их массами. Мужество генерала Коновницына явилось в сей день в полном его блеске. Под начальство его поступил III-й пехотный корпус. Генерал Багговут со II-м корпусом вышел на старую Можайскую дорогу.

Когда послан я был во 2-ю армию, граф Кутайсов желал непременно быть со мною. Дружески убеждал я его возвратиться к своему месту, напомнил ему замечание князя Кутузова, с негодованием выраженное, за то, что не бывает при нем, когда наиболее ему надобен⁴⁷: не принял он моего совета и остался со мною.

Приближаясь ко 2-й армии, увидел я правое крыло ее на возвышении, которое входило в корпус генерала Раевского. Оно было покрыто дымом и охранявшие его войска рассеянные. Многим из нас известно было и слишком очевидно, что важный пункт этот, по мнению генерала Беннингсена, невозможно оставить во власти неприятеля, не подвергаясь самым гибельным последствиям. Я немедленно туда обратился. Гибельна была потеря времени, и я приказал из ближайшего VI-го корпуса Уфимского пехотного полка 3-му батальону майора Демидова идти за мною развернутым фронтом, думая остановить отступающих.

Долго при неравных средствах слабое укрепление наше держалось против сосредоточенного огня сильных неприятельских батарей, но при находящихся в нем восемнадцати орудиях не было уже ни одного заряда,

и угасший огонь их облегчил приближение французов. По тесноте укрепления весьма мало пехоты помещалось в нем во внутренности его; стоявшая снаружи, истребляемая картечью, рассеяна. Недостаточны были способы для защиты местности, при всех усилиях известного неустрашимого генерал-майора Паскевича, командующего дивизиею. Позицию осматривал генерал Раевский, но лично не находился во время атаки, которая произведена совершенно внезапным образом.

Подойдя к небольшой углубленной долине, отделяющей занятое неприятелем возвышение, нашел я егерские полки 11-й, 19-й и 40-й, служившие резервом. Несмотря на крутизну восхода, приказал я егерским полкам и 3-му батальону Уфимского полка атаковать штыками, любимым оружием русского солдата. Бой яростный и ужасный не продолжался более получаса: сопротивление встречено отчаянное, возвышение отнято, орудия возвращены, и не было слышно ни одного ружейного выстрела.

Израненный штыками, можно сказать снятый со штыков неустрашимый бригадный генерал Бонами получил пощаду⁴⁸; пленных не было ни одного, из всей бригады спаслись бегством немногие⁴⁹. Признательность генерала за оказанное ему уважение была совершенна. Урон со стороны нашей весьма велик и далеко несоразмерный численности атаковавших батальонов⁵⁰. Три конноартиллерийские роты прибывшего со мною полковника Никитина много содействовали успеху. Расположенные по левую сторону от возвышения, долго обращали они на себя огонь неприятельских батарей сильнейшего калибра.

Граф Кутайсов расстался со мною при самом начале атаки возвышения, и я уже не видал его более. Не встретился со мною и генерал Паскевич, которого разбросанная дивизия по сторонам возвышения толпами нестройными погналась за спасающимися, и, как слышно было, их видели вместе среди толпы. По занятии возвышения я приказал бить сбор, и ко мне явился раненый полковник Савоини с малым числом офицеров и нижних чинов. Опасаясь, что опрокинутые толпы наши приведут за собою сильного неприятеля, и он лишит нас приобретенных успехов, послал я адъютантов моих и других офицеров, дабы поспешнее возвратить их и тем обнаружить лежащую впереди местность⁵¹. После жестокой схватки батальоны мои были малочисленны, при орудиях в укреплениях ни одного заряда, нападение угрожало очевидно. Всюду, где есть опасность,

находился главнокомандующий военный министр. Внимательно наблюдая за действиями, он видел положение мое, и не ожидая требования помощи, прислал немедленно батарейную роту и два полка пехоты, так что под руками у меня было все готово и все в изобилии. Сосредоточив достаточные силы, он предотвратил попытки Итальянской армии.

Ставши довольно твердою ногою и заменив свежими войсками утомленные, я отправил их в резерв; три конноартиллерийские роты с полковником Никитиным, понесшие урон в неравном бою, обратил в прежнее их место.

На левом нашем крыле прибыла из резерва 2-я гренадерская дивизия принца Карла Мекленбургского, служившая большою помощью, но вскоре он ранен.

Генерал Дохтуров повсюду среди опасности ободрял своим присутствием войска, свидетели его неустрашимости и твердости⁵², но заменить не мог князя Багратиона, его быстрой распорядительности, верования в него приверженных ему войск. По свойству местности, сражаясь частями, кирасирские полки и вообще конница наша быстротою атак имела очевидные выгоды на своей стороне, но лишалась их от многочисленности неприятеля и возобновляемых им свежими силами нападений. Преследуя опрокинутую, являлся он пред полками нашей гвардии. Измайловский и Литовский, устроенные в каре, стояли твердо, но не остановили его залпы, многие нашли смерть на штыках, и значительный урон мог один понудить удалиться. Тогда же полки - Преображенский подвергся действию артиллерии. Семеновский - несравненно с меньшею потерю. Финляндский рассыпан был в стрелках.

Облегчая действия 2-й армии, несколько прежде приказал князь Кутузов генерал-адъютанту Уварову с гвардейским резервным кавалерийским корпусом и атаману Платову со всеми казаками и их артиллериею действовать на левый фланг неприятеля. Внезапное появление произвело общее в лагере движение: стремительно собиралась пехота, выдвигалась артиллерия, со многих позиций направлены в помощь отряды. По всей линии действия неприятеля были менее настойчивы, и многим им казалось это время отдохновением. Командующий гвардейскою легкою кавалерийскою дивизиею генерал-адъютант граф Орлов-Денисов, следуя собственному соображению обстоятельств, не мог извлечь из них никакой

пользы; остановил полки, открыл батареи далекие и слабые, потерял время и потом, хотя под сильным огнем, отважно пошли полки за ручей Войну, протекающий в крутых берегах в речку Колочу. Итальянская армия была вся под ружьем, некоторые части ее устроены в каре, и в одном из них находился вице-король итальянский⁵³.

Атамана Платова совершенно одинаковы были соображения и более распорядительности. Войска наши не приобрели успеха, мало нанесли вреда и подверглись урону. Генералу Уварову приказано возвратиться. Атаман Платов за ним последовал⁵⁴.

Временно смягчившийся бой возгорелся с обеих сторон; гром более тысячи орудий артиллерии производил непрерывный рев; не слышны были ружейные выстрелы; повсюду, где возможно было, кавалерия заменяла пехоту. На старой Можайской дороге II-й корпус неустрашимого Багговута в борьбе с превосходным неприятелем удерживался с твердостью, но слабая наша батарея против селения Утицы была уже в его руках; чрезвычайная густота леса была единственным препятствием обойти его с тылу. Очевидно было, что не иначе мог он удержаться в расположении своем, разве при чрезвычайных пособиях. Недостаточны были средства наши, и князь Кутузов, пребывающий постоянно на батарее у селения Горки, не видя близко мест, где явно было, сколько сомнительно и опасно положение наше, допускал надежду на благоприятный оборот. Военный министр, все обозревая сам, давал направление действиям, и ни одно обстоятельство не укрывалось от его внимания.

В третьем часу пополудни, находясь на занятом мною возвышении, обеспеченный с избытком всеми средствами к обороне, я получил известие о смерти графа Кутайсова. Верховая лошадь его прибежала в лагерь, седло и чепрак на ней были обрызганы кровью и мозгом⁵⁵. Недолго после я получил рану и принужден удалиться⁵⁶. Но прежде из ближайшего VI-го корпуса вызвал я командующего дивизиею генерал-майора Лихачева⁵⁷, и он заступил мое место.

Престав быть действующим очевидцем, продолжаю я описание происшествий, заимствуя сведения от участвовавших в них лиц, мною собственно употребленных для наблюдений, которые сообщаемы мне были до конца сражения. Не одно со стороны моей любопытство могло быть побуждением, успех был невозможен; обстоятельства,

сопровождающие ход дела, указывали на неизбежность жертвований.

Пехота наша на левом фланге, предводимая Милорадовичем, Коновницыным и графом Остерманом - генералами испытанной неустрашимости - при чрезвычайных усилиях должна была оставить в руках неприятеля потерянные укрепления, и большие встречая затруднения в действии, не взирая на все то, успела твердостью своею оборону нашу сделать менее сомнительною. VII-й корпус генерал-лейтенанта Раевского при малочисленности своей удерживал свое место и сообщение обеих армий с примерною непоколебимостию. В четвертом часу пополудни почти повсюду прекратились атаки пехоты или ничего не обнаруживали решительного. Их заменили действия кавалерии. Местоположение не представляло пространства для больших масс. Частные атаки давали нам большое преимущество, которое могла преодолевать одна многочисленность и возможность заменять свежими войсками утомленные. Не могли французы сравниться с нами в стремительности атак легкой нашей кавалерии. Полки лейб-гвардии кавалергардский и конный, также прочие кирасирские полки действовали с особенным мужеством.

В пять часов пополудни, после жестокой борьбы неприятельской кавалерии с нашею, отрезанный от сообщения с прочими войсками люнет, который защищал генерал-майор Лихачев с слабою своею дивизиею, отовсюду окруженный большими силами, не мог долго противиться и впал во власть неприятеля. Генерал-майор Лихачев взят в плен и потеряно несколько пушек. Опасаясь со стороны нашей усилий возвратить люнет, неприятель не решился занять высоты артиллериею, которая могла нанести величайший вред, и потому только войска наши остались в прежнем расположении. II-й корпус генерал-лейтенанта Багговута употреблен был на оконечности левого нашего крыла, дабы не допустить неприятеля обойти нас старою почтовою дорогою. Много способствовало нам лесистое местоположение, ибо неприятель встречал затруднение употребить большие силы. В конце дня однако же II-й корпус потерял много расстояния и мог бы даже лишиться связи с прочими войсками, что по темноте ночи не тотчас было замечено.

Таким образом, прекратился бой Бородинский. Князь Кутузов приказал объявить войскам, что завтрашний день он возобновляет сражение⁵⁸.

Невозможно выразить более признательности к подвигам войск, как уверенностию в мужестве и твердости их во всяком случае! Начальники и подчиненные, вообще все, приняли объявление с восторгом!

Получивши обстоятельное донесение, что II-й корпус отброшен и левое наше крыло открыто совершенно, князь Кутузов отменил намерение, и приступлено к составлению диспозиции об отступлении. Резервная артиллерия, раненые и все тяжести отправлены немедленно, желая облегчить ожидаемые препятствия, ибо дороги от мест, занимаемых армиею, соединялись в одну, приближаясь к Можайску; при самом городе неудобный при крутизне спуск, не допускающий скорости движения, и потому еще ночь непродолжительная. Отступление произошло довольно порядочно.

В день битвы Бородинской российское воинство увенчало себя бессмертною славою! Огромное превосходство сил неприятельских по необходимости подчиняло действиям оборонительным, ему несвойственным. Потеря отличных начальников, во множестве товарищей, все казалось соединившимся против него, но конечно не было случая, в котором оказано более равнодушия к опасности, более терпения, твердости, решительного презрения к смерти. Успех долгое время сомнительный, но чаще клонящийся в сторону неприятеля, не только не ослабил дух войск, но воззвал к напряжениям, едва силы человеческие превосходящим. В этот день все испытано, до чего может возвыситься достоинство человека. Любовь к отечеству, преданность государю никогда не имели достойнейших жертв; беспредельное повиновение, строгость в соблюдении порядка, чувство гордости быть отечества защитником не имели славнейших примеров!

Неприятель одержал победу, не соответствующую его ожиданиям, и утомленный отчаянным сопротивлением, находил отдохновение необходимым, и когда прошло уже несколько часов дня, начал преследовать весьма медленно арриергард наш в команде атамана Платова, составленный из регулярных войск с артиллериею и всех полков Войска Донского⁵⁹.

В Можайске нашли мы всех раненых прошедшего дня и большие обозы 2-й армии, также множество повозок Московского ополчения, и с этого времени начались в армии разного рода, доселе неизвестные, беспорядки.

Нестройно двигались армии по одной дороге, с боков теснимые обозами.

Государю представлено донесение о совершенной победе. Князь Кутузов видел возможность спасти Москву; хитро приуговаривал к тому общее мнение; он высказывал, что потеря Смоленска была преддверием падения Москвы, не скрывая намерения набросить невыгодный свет на действия главнокомандующего военного министра, в котором и нелюбящие его уважали большую опытность, заботливость и отличную деятельность.

С прибытием к армиям князя Кутузова известны мне были неприятности, делаемые им Барклаю де Толли, который негодовал на беспорядок в делах, принявших необыкновенный ход. Сначала приказания князя отдавались начальникам главного штаба, мне и генерал-адъютанту графу Сен-При, чрез полковника Кайсарова, исправляющего при нем должность дежурного, чрез многих других, и даже чрез капитана Скобелева, нередко одни другим противоречащие, из которых происходили недоразумения, запутанности и неприятные объяснения. Случалось иногда, что приказания доставлялись непосредственно к корпусным и частным начальникам, которые, приступая к исполнению, извещали для доклада главнокомандующим, когда войска выступали из лагеря или возвращались. Приказания объявляемы были также генерал-квартирмейстером 2-й армии Толем⁶⁰, гвардии полковником князем Кудашевым⁶¹.

После сражения при Бородине осталось одно наименование 2-й армии: войска присоединены к 1-й армии, главные штабы составляли один; я остался в прежнем звании.

27-го числа августа армия имела ночлег недалеко от Можайска. Занявший город арриергард атамана Платова был из него вытеснен неприятелем, но в сей день он не преследовал далее.

28-го числа армия продолжала отступление, неприятель преследовал сильнее, и в арриергарде была схватка довольно горячая.

Князь Кутузов показывал намерение, не доходя до Москвы, собственно для спасения ее дать еще сражение. Частные начальники были о том предуведомлены. Генералу барону Беннингсену поручено избрать позицию; чины квартирмейстеров той части его сопровождали. Кто мог иметь сведения о средствах неприятеля, о нашей потере, конечно, не находил того возможным; многие однако же ожидали, и сам я верил несколько. Нескромны были обещания князя Кутузова:

"Скорее пасть при стенах Москвы, нежели предать ее в руки врагов". Не обманулся ими начальствующий в Москве генерал от инфантерии граф Раstopчин, который хотя делал известною переписку свою с князем Кутузовым, показывал вид спокойствия и безопасности, но всех менее тому верил. Москву старался приуготовить к такому состоянию, чтобы неприятель не мог извлечь из нее ничего для себя полезного.

Я позволил себе некоторые предположения, о которых не сообщил никому, в той уверенности, что по недостатку опытности в предмете, требующем обширных соображений, могли они подвергаться большим погрешностям. Я думал, что армия наша от Можайска могла взять направление на Калугу и оставить Москву. Неприятель не смел бы занять ее слабым отрядом, не решился бы отделить больших сил в присутствии нашей армии, за которой должен был следовать непременно. Конечно не обратился бы к Москве со всею армиею, оставя тыл ее и сообщение подверженными опасности.

Если бы неприятель, наблюдая движение наше на Москву, со всеми силами пошел по направлению на Калугу, нам предстояли другого рода неудобства. Из Калуги он доставал бы продовольствие, в большом количестве заготовленное. С армиею адмирала Чичагова и войсками под начальством генерала от кавалерии Тормасова сношения наши подвергались бы медленности. Богатейшие провинции, снабжающие армию потребностями, были бы отрезаны. Неприятель сохранил бы в полной безопасности прежние свои сообщения, отклонив их из Смоленска чрез Ельню по направлению к Калуге, местами, не опустошенными войною. Москва могла бы быть спасена таким образом, но армия наша поставлена в необходимость дать сражение, прежде нежели усилена была свежими подкреплениями и во множестве излечившимися ранеными. Сражение надобно было выиграть против мало еще расстроенной, сравнительно с нашею, по ее численности.

Наполеон, заняв Москву, вероятно думал поразить Россию ужасом и положить скорейший конец войне трудной и жестокой. Не знал он хорошо мужественного характера императора Александра, не знал свойств русского народа, твердого в опасности, в несчастии терпеливого, и Бог, мститель ненасытного властолюбия Наполеона, назначил Москву быть гробом его и славы!

Армия наша, теснимая неприятелем, имея арриергард в непрерывном огне, и все места, ею перейденные, не находя довольно твердыми позициями, ни на одной из них не остановясь, приблизилась к самым предместьям Москвы.

Место, на котором предположено было устроить армию, простиралось от урочища Фили, впереди селения того же имени, чрез речку Карповку и на Воробьевы горы. Позиция была осмотрена полковником Толем и им найдена довольно хорошою. Трудно предположить, чтобы князь Кутузов не видел ее слишком ощутительных недостатков; но желая уверить в решительном намерении своем дать сражение, он показывал вид согласия с мнением полковника Толя, и рассуждая, количество войск, несоразмерное обширности местоположения, вознаградить избытком артиллерии.

1-го сентября рано поутру вместе с прибывшими войсками к селению Фили приехал князь Кутузов и тотчас приказал строить на возвышении, называемом Поклонная гора, обширный редут и у самой большой дороги батареи, назначая их быть конечностью правого фланга; лежащий недалеко по правую сторону лес наполнить егерями, прочие войска расположить по их местам. В присутствии окружающих его генералов спросил он меня, какова мне кажется позиция? Почтительно отвечал я, что по одному взгляду невозможно судить положительно о месте, назначаемом для шестидесяти или более тысяч человек, но что весьма заметные в нем недостатки допускают мысль о невозможности на нем удержаться. Князь Кутузов взял меня за руку, ощупал пульс и сказал: "Здоров ли ты?" Подобный вопрос оправдывает сделанное с некоторой живостию возражение. Я сказал, что драться на нем он не будет, или будет разбит непременно. Ни один из генералов не сказал своего мнения, хотя немногие могли догадываться, что князь Кутузов никакой нужды в том не имеет, желая только показать решительное намерение защищать Москву, совершенно о том не помышляя.

Князь Кутузов, снисходительно выслушав замечание мое, с изъявлением ласки приказал мне осмотреть позицию и ему донести. Со мною отправились полковники Толь и генерального штаба Кроссар.

По тщательном обзрении я доложил князю вкратце следующие замечания: местоположение от правого фланга к центру имеет довольно

хорошую наклонность, частью для нас выгодную, частью под сильным огнем. Его разрезывает речка Карповка, крутоберегая к стороне Воробьевых гор; въезды на них неудобны, требуют время для исправления. Устроенные на речке мосты подвергаются неприятельским батареям; удаленные от них умедлят сообщения между войск. Левый фланг армии, занимая вершину Воробьевых гор, должен иметь весьма сильные укрепления, защищаемые главною частью войск, ибо на противоположной равнине может неприятель расположить тридцать и более тысяч человек, готовых к атаке. В тылу у нас Москва-река, единственное отступление фланговым движением к речке Карповке. Князь Кутузов, выслушав, приказал сделать вторичное обозрение, и по возвращении я доложил ему, что, расположив армию на Воробьевых горах, перехватя Калужскую дорогу впереди заставы, можно удерживать Серпуховскую дорогу и отступить на нее, проходя малую часть Замоскворечья. В заключение я сказал, что позиция чрезвычайно невыгодна, отступление очень опасно и трудно арриергарду удержаться столько времени, чтобы армия успела отдалиться. Отступление войск, защищающих Можайскую дорогу не иначе как через город, надобно согласовать с общим движением армии. Князь Кутузов, выслушавши мое объяснение, ничего не сказал, а войска продолжали устраиваться по прежнему его приказанию. IV-й корпус генерала Дохтурова направлен на Воробьевы горы, работа окопов продолжалась.

Я нашел у князя генерала графа Ростопчина, с которым он (как я узнал) долго очень объяснялся. Увидевши меня, граф отвел в сторону и спросил:

"Не понимаю, для чего усиливаетесь вы непременно защищать Москву, когда, овладев ею, неприятель не приобретет ничего полезного. Принадлежащие казне сокровища и все имущество вывезены; из церквей за исключением немногих, взяты драгоценности, богатые золотые и серебряные украшения. Спасены важнейшие государственные архивы. Многие владельцы частных домов укрыли лучшее свое имущество. В Москве останется до пятидесяти тысяч самого беднейшего народа, не имеющего другого приюта". Весьма замечательные последние его слова: "Если без боя оставите Москву, то вслед за собою увидите ее пылающую"⁶²!" Граф Ростопчин уехал, не получив решительного отзыва князя Кутузова. Ему по сердцу было предложение графа Ростопчина, но незадолго пред сим клялся он своими седыми волосами, что неприятелю нет другого пути

к Москве, как чрез его тело. Он не остановился бы оставить Москву, если бы не ему могла быть присвоена первая мысль о том. Данная им клятва его не удерживала, не у преддверия Москвы можно было помышлять о бое; не доставало времени сделать необходимые укрепления; едва ли достаточно было, чтобы порядочно расположить армию. 29-го числа августа им подписано повеление калужскому губернатору о направлении транспортов с продовольствием из Калуги на Рязанскую дорогу.

Князь Кутузов рассказал мне разговор его с графом Ростопчиным, и со всею простотою души своей и невинностью уверял меня, что до сего времени он не знал, что неприятель приобретением Москвы не снищет никаких существенных выгод, и что нет, конечно, причин удерживать ее с чувствительною потерей, и спросил, как я думаю о том? Избегая вторичного испытания моего пульса, я молчал; но когда приказал он мне говорить, подозревая готовность обойтись без драки, я отвечал, что прилично было бы арриергарду нашему в честь древней столицы оказать некоторое сопротивление.

День клонился к вечеру, и еще не было никаких особенных распоряжений. Военный министр призвал меня к себе, с отличным благоразумием, основательностию истолковал мне причины, по коим полагает он отступление необходимым, пошел к князю Кутузову, и мне приказал идти за собою. Никому лучше военного министра не могли быть известны способы для продолжения войны, и какими из них в настоящее время пользоваться возможно; чтобы употребить более благонадежные, надобно выиграть время, и для того оставить Москву необходимо.

Князь Кутузов, внимательно выслушав, не мог скрыть восхищения своего, что не ему присвоена будет мысль об отступлении, и желая сколько возможно отклонить от себя упрёки, приказал к восьми часам вечера созвать гг. генералов на совет⁶³.

В селении Фили, в своей квартире, принял князь Кутузов собравшихся генералов. Совет составили: главнокомандующий военный министр Барклай де Толли, генерал барон Беннингсен, генерал Дохтуров, генерал-адъютант Уваров, генерал-лейтенанты граф Остерман-Толстой, Коновницын и Раевский; последний, приехавший из арриергарда, бывшего уже не в далеком расстоянии от Москвы, почему генерал Милорадович не мог отлучиться от него. Военный министр начал объяснение настоящего

положения дел следующим образом:

"Позиция весьма невыгодна, дожидаться в ней неприятеля весьма опасно; превозмочь его, располагающего превосходными силами, более нежели сомнительно. Если бы после сражения могли мы удержать место, но такой же потерпели урон, как при Бородине, то не будем в состоянии защищать столько обширного города. Потеря Москвы будет чувствительною для государя, но не будет внезапным для него происшествием, к окончанию войны его не наклонит и решительная воля его продолжать ее с твердостью. Сохранив Москву, Россия не сохраняется от войны жестокой, разорительной; но сберегши армию, еще не уничтожаются надежды отечества, и война, единое средство к спасению, может продолжаться с удобством. Успеют присоединиться, в разных местах за Москвою приуготовляемые, войска; туда же [за]благовременно перемещены все рекрутские депо. В Казани учрежден вновь литейный завод; основан новый ружейный завод Киевский; в Туле оканчиваются ружья из остатков прежнего металла. Киевский арсенал вывезен; порох, изготовленный в заводах, переделан в артиллерийские снаряды и патроны и отправлен внутрь России". Военный министр предпочитал взять направление на город Владимир в намерении сохранить сообщение с Петербургом, где находилась царская фамилия. Князь Кутузов приказал мне, начиная с младшего в чине, по прежнему порядку, объявить мое мнение. Совершенно убежденный в основательности предложения военного министра, я осмелился заметить одно направление на Владимир, не согласующееся с обстоятельствами. Царская фамилия, оставя Петербург, могла назначить пребывание свое во многих местах, совершенно от опасности удобных⁶⁴, не порабощая армию невыгодному ей направлению, которое нарушало связь нашу с полуденными областями, изобилующими разными для армии потребностями, и чрезвычайно затрудняло сообщение с армиями генерала Тормасова и адмирала Чичагова. Не решился я, как офицер, не довольно еще известный, страшась обвинения соотечественников, дать согласие на оставление Москвы и, не защищая мнения моего, вполне не основательного, предложил атаковать неприятеля. Девятьсот верст непрерывного отступления не располагают его к ожиданию подобного со стороны нашей предприятия; что внезапность сия, при переходе войск его в оборонительное состояние, без сомнения произведет между ними

большое замешательство, которым его светлости как искусному полководцу предлежит воспользоваться, и что это может произвести большой оборот в наших делах. С неудовольствием князь Кутузов сказал мне, что такое мнение я даю потому, что не на мне лежит ответственность. Слишком поспешно изъявил он свое негодование, ибо не мог сомневаться, что многих мнения будут гораздо благоразумнейшие, на которые мог опираться. Генерал-лейтенант Уваров дал одним словом согласие на отступление. Генерал-лейтенант Коновницын был мнения атаковать. Оно принадлежало ему как офицеру предприимчивому и неустрашимому, но не была испытана способность его обнимать обширные и многосложные соображения. Генерал Дохтуров говорил, что хорошо бы идти навстречу неприятелю, но после потери в Бородинском сражении многих из частных начальников, на места которых поступившие другие, мало известные, будучи по необходимости исполнителями распоряжений, не представляют достаточного ручательства в успехе их, и потому предлагает отступить. Генерал барон Беннингсен, известный знанием военного искусства, более всех современников испытанный в войне против Наполеона, дал мнение атаковать, подтверждающее изложенное мною. Уверенный, что он основал его на вернейших расчетах правдоподобия в успехе, или по крайней мере на возможности не быть подавленными в сопротивлении, много я был ободрен им, но конечно были удивленные предложением. Генерал-лейтенант граф Остерман был согласен отступить, но, опровергая предложение действовать наступательно, спросил барона Беннингсена, может ли он удостоверить в успехе? С непоколебимою холодностию его, едва обратясь к нему, Беннингсен отвечал: "Если бы не подвергался сомнению предлагаемый суждению предмет, не было бы нужды сзывать совет, а еще менее надобно было бы его мнение". Приехавшему после всех генерал-лейтенанту Раевскому приказано мне было пересказать рассуждение военного министра и мнение каждого из членов совета. Он изъявил согласие на отступление. Всем одинакового мнения служило руководством предложение военного министра, без всякого со стороны их объяснения причин, и конечно не могло быть места более основательному рассуждению. Разделяя его вполне, князь Кутузов приказал сделать диспозицию к отступлению. С приличным достоинством и важностию, выслушивая мнения генералов, не мог он скрыть удовольствия, что оставление Москвы было требованием, не дающим места его воле, хотя по

наружности желал он казаться готовым принять сражение.

В десять часов вечера армия должна была выходить двумя колоннами. Одна под командою генерал-адъютанта Уварова чрез заставу и Дорогомиловский мост. При ней находился князь Кутузов. Другая колонна под начальством генерала Дохтурова проходила чрез Замоскворечье на Каменный мост. Обе колонны направлены чрез Рязанскую заставу. Переправы, тесные улицы, большие за армиею обозы, приближенные в ожидании сражения, резервная артиллерия и парки, и в то же время толпами спасающиеся жители Москвы до того затрудняли движение войск, что армия до самого полудня не могла выйти из города.

Князь Кутузов послал меня к генералу Милорадовичу, чтобы он сколько возможно удерживал неприятеля или бы условился с ним, дабы иметь время вывезти из города тяжести. У Дорогомиловского моста с частию войск арриергарда нашел я генерал-лейтенанта Раевского, которому сообщил я данное мне приказание для передачи его генералу Милорадовичу⁶⁵.

Арриергард наш был преследуем; генерал Милорадович скорее отступал, потому что неприятель, усиливаясь против отряда генерал-адъютанта барона Винценгероде, показывая намерение ворваться в город, мог прийти в тыл арриергарду. Он послал сказать неприятельскому генералу Себастиани, что если думает он преследовать в самых улицах города, то его ожидает жесточайшее сопротивление, и, защищаясь в каждом доме, прикажет он наконец зажечь город. В условленное время вступил неприятель без боя, и обозы армии, равно как и самих жителей, выходили беспрепятственно; все заставы заняты.

Я наблюдал, какое действие произведет над войсками оставление Москвы, и заметил с радостию, что солдат не терял духа, не допускал ропота. Начальников поражала потеря древней столицы⁶⁶. В Москве было уже мало жителей, и по большей части не имеющих пристанища в другом месте. Дома были пусты и заперты; обширные площади уподоблялись степям; в некоторых улицах не встречалось человека. В редкой из церквей не было молящихся жертв, остающихся на произвол врагов бесчеловечных. Душу мою раздирал стон раненых, оставляемых во власти неприятеля. В городе Гжатске князь Кутузов дал необдуманное повеление свозить отовсюду больных и раненых в Москву, которых она до того не

видала, и более двадцати тысяч их туда отправлено ⁶⁷. С негодованием смотрели на это войска. На поле сражения иногда видит солдат остающихся товарищей, не понимает другой причины, как недостаток средств к их сохранению. Но в Москве, где есть способы успокоить раненого воина, жизнь искупающего отечество, где богач в неге вкушает сладкий покой за твердою его грудью, где под облака возводятся гордые чертоги его, воин оmyвает кровию свои последние ступени его лестницы или последние истощает силы на каменном помосте двора его. Оскорбительное равнодушие столицы к бедственному состоянию солдат не охладило однако же усердия их, и все готовы были на ее защиту.

Итак, армия прошла наконец Москву. Недалеко за городом нашел я князя Кутузова и доложил ему о переданном мною повелении его генералу Милорадовичу. Вскоре затем слышны были в Москве два взрыва и обнаружился большой пожар. Я вспомнил слова графа Ростопчина, сказанные мне у накануне, и Москва стыд поругания скрыла в развалинах своих и пепле! Собственными нашими руками разнесен пожирающий ее пламень. Напрасно возлагать вину на неприятеля и оправдываться в том, что возвышает честь народа. Россиянин каждый частно, весь город вообще, великодушно жертвует общей пользе. В добровольном разрушении Москвы усматривают враги предзнаменование их бедствий. Все доселе народы, счастью Наполеона более пятнадцати лет покорствующие, не явили подобного примера. Судьба сберегла его для славы россиян! Пятнадцать лет побеждая все противоборствующие народы, в торжестве проходил Наполеон столицы их; чрез Москву назначен путь к падению славы его и могущества! В первый раз уstraшенная Европа осмелилась увидеть в нем человека!

Армия наша имела ночлег и растаг 3-го числа в 15 верстах от Москвы. Арриергард, пройдя спокойно чрез Рязанскую заставу и расположив передовые посты в трех верстах от города, ночевал поблизости.

Переправа армии чрез Москву-реку у Боровского перевоза, по множеству обозов спасающихся из Москвы жителей, совершилась с чрезвычайным затруднением и в неимоверном беспорядке. Слышны были пушечные выстрелы в арриергарде, но неприятель не теснил его. Здесь отменено было предложенное военным министром направление на Владимир и решено выйти на Тульскую дорогу⁶⁸. Мысль сия принадлежит

генералу барону Беннингсену, и он настаивал, чтобы скорее перейти на Калужскую дорогу. Смелое и решительное фланговое сие движение, по близости неприятеля небезопасное, совершенно беспрепятственно, и армия в самое ненастное время, гнусными проселочными дорогами была у города Подольска. Здесь без всякой надобности князь Кутузов пробыл двое суток, не переходя на Калужскую дорогу не от того, что уверен он не был, что неприятель не может предупредить его. За одну сию ошибку неприятель сделал две грубейшие. Удержанный в Москве грабежом, пьянством и распутством, он имел в виду одну отступающую нашу армию и ни о чем не заботился. По медленности движения нашего из Москвы он правым берегом Москвы-реки мог предупредить нас на переправе или по крайней мере отбросить нас на Рязань, преграждая все прочие пути. Сверх того, приняв за арриергард нашей армии небольшой казачий отряд в команде храброго полковника Ефремова, преследовал его к Бронницам и, поздно увидев себя обманутым, возвратился поспешно в Москву, но армия была уже на Калужской дороге у селения Красной Пахры.

Фланговое движение наше к Подольску прикрывал корпус генерал-лейтенанта Раевского; далее впереди его находился отряд генерал-майора Дорохова, от которого казаки под начальством полковника Иловайского 2-го (Тимофея), опрокинув часть французской конницы, вогнали ее в селение и атаковали с тылу, много истребили и взяли в плен. Первый удар встретила она, не допущенная устроиться в порядок.

Армия наша совершенно спокойно дошла до селения Красной Пахры, но, нашедши позицию неудобною, следовала далее на Вороново и далее до Тарутина. Арриергард расположился в с. Красной Пахре, наблюдаемый до того весьма слабым, ничего не предпринимавшим неприятелем, и потому довольно оплошно размещены были передовые наши посты. Не были высылаемы разъезды. Недалеко от лагеря, отделенного непроходимым оврагом, находился прекрасный господский дом с обширным садом, который посетивши генерал Милорадович, начальствующий арриергардом, едва не попал в плен⁶⁹.

Вскоре после в схватке с кавалериею лейб-гвардии драгунский полк совершенно разбил два эскадрона драгун гвардии Наполеона.

Близ селения Мочи арриергард был сильно тесним неприятелем; трудная позади переправа у селения Воронова была причиною большого в

войсках беспорядка, и правому флангу угрожала опасность быть отрезанным. До того странно было распределение войск арриергарда, что генерал-лейтенант Раевский, полагая иметь впереди себя всю кавалерию, не знал, что с целым корпусом пехоты и всею батарейною артиллериею проводил ночь, составляя собою передовые посты. Кавалерия, не завися от него, не почла нужным закрыть корпус собою, и если никаких от того не произошло последствий, то единственно потому, что арриергард должен был назавтра отойти назад.

21-го числа сентября армия прибыла в селение Тарутино. После упорного дела у деревни Чириково неприятель заставил арриергард наш отойти на последние возвышения в виду из Тарутина в расстоянии трех верст.

22-го числа в армии при селении Тарутино производились земляные работы для укрепления позиции. Неприятель с жестокостию возобновил атаки против нашего авангарда; генерал Милорадович отражал их мужественно. Невозможно было уступить одного шагу, ибо позади на большое пространство к стороне лагеря продолжающая покатость оканчивалась речкою, и неприятель, овладевши возвышениями, мог видеть всякое движение в нашем лагере, а по речке расположа передовые посты, препятствовать водопою. Во время сражения со стороны нашей сохранен был отличный порядок. Неприятель, переменив направление атак своих, всегда был предупреждаем силами соразмерными, которые, соединясь с чрезвычайною быстротою, не допустили воспользоваться малейшею выгодою; резервы не вступали в дело. Генерал-майор Шевич, с искусством распоряжаясь кавалериею на правом фланге, выиграл даже некоторое расстояние; французские кирасиры не могли сдержать стремительного нападения нескольких эскадронов гвардейских наших улан, которых пики притуплены были о их железную броню, 1-й егерский полк в команде полковника Карпенко открывал себе штыками путь к успехам; артиллерия была превосходна; две батарейные роты с подполковником Гулевичем, не будучи никак охраняемы, закрывали собою движение войск, и неприятель ничего не предпринял против них. Около вечера неприятель отступил на всех пунктах и неподалеку расположился лагерем. В продолжение войны обстоятельства, возлагая на нас горькую необходимость отступления, облегчали неприятелю достижение его намерений. Здесь в первый раз безвозмездны были его усилия!

По окончании сражения войска авангарда возвратились в соединение с армиею; на месте оставлена сильная кавалерия с несколькими конными батареями.

На другой день совершенное спокойствие в лагере неприятельском заставляло думать, что ожидается прибытие больших сил. Напротив, от сего дня, на некоторое время, без всякого условия, прервались действия, и не сделано ни одного выстрела. Гг. генералы и офицеры съезжались на передовых постах с изъявлением вежливости, что многим было поводом к заключению, что существует перемирие⁷⁰.

Лагерь при Тарутине был укреплен тщательно. Фронт прикрыт сильными батареями; на левом крыле лежащий близко лес прорезан засеками; на правом крыле, вне лагеря, открытое место, удобное для кавалерии. Ощутительны также были и невыгоды позиции; лагерь весьма тесный, внутри его перемещение войск затруднительно, по множеству земляных изб; к левому крылу прилежащие возвышения в пользу неприятеля; отделяющий их ручей, в крутых берегах, кавалерии нашей, в случае действия на той стороне, не представлял удобного отступления. Если бы неприятель атаковал позицию и был отбит повсюду, то, отступая под огнем батарей, расположенных им на возвышенном берегу речки, господствующем всею долиною, и не более как в трехстах саженях встречая нас картечью, мог остановить успехи наши. Мы, со стороны своей, впереди позиции, не имели места противопоставить наши батареи. Ничто не могло побуждать неприятеля атаковать сильно укрепленную позицию, а менее с правого крыла, как того многие ожидали. Довольно было неприятелю показать силы на Калужской дороге, которую мы слабо наблюдали, и мы оставили Тарутино.

По совершении армиею флангового движения, когда прибыла она в город Подольск, генерал барон Беннингсен предполагал расположиться у г. Боровска или в укрепленном при Малоярославце лагере. Нет сомнения, что сие беспокоило бы неприятеля и нам доставало выгоды, особенно когда его кавалерия истощалась от недостатка фуража, когда умножившиеся партизаны наши наносили ей вред и истребление. Не взирая на это, кажется не совсем бесполезно было уклониться от сего предложения, ибо неприятель пребывание наше у Тарутина сносил терпеливее, нежели у Малоярославца или паче у Боровска. Он не уважил

слабый отряд генерал-майора Дорохова, имея против него небольшую часть войск в г. Верее, дал нам время для отдохновения, возможность укомплектовать армии, поправить изнуренную конницу, учредить порядочное доставление всякого рода припасов. Словом, возродил в нас надежды, силы на противоборство и даже на преодоление потребные. Если бы с теми силами, которые имели мы под Москвою, не соединясь впоследствии с пришедшими подкреплениями, с двадцатью шестью полками прибывших с Дону казаков, в расстроенном состоянии конницы, с войсками, продолжительным отступлением утомленными, остановились мы в Боровске, тем скорее атаковал бы нас неприятель и был в необходимости то сделать, дабы отдалить нас от своих сообщений, и без того подверженных опасности от восстающих во многих местах поселян, раздраженных грабежом и неистовством.

Вскоре по оставлении Москвы докладывал я князю Кутузову, что артиллерии капитан Фигнер предлагал доставить сведение о состоянии французской армии в Москве и буде есть какие чрезвычайные приуготовления в войсках; князь дал полное соизволение. В штабе армии приказал я дать ему подорожную в Казань, не переставая признавать главную квартиру врагом всякой тайны.

Возвратившись из Москвы, он явился в Подольске к генерал-лейтенанту Раевскому, который в прошедшую с турками войну, зная Фигнера храбрым и предприимчивым офицером⁷¹, не усомнился в показании его, что ему приказано от меня, у первого из частных начальников, к которому найдет он возможность пройти, просить о назначении ему небольшого кавалерийского отряда для действия на коммуникациях неприятеля, и тотчас отправился на дорогу между Можайском и Москвою. Он прибыл к армии в Тарутино. Князь Кутузов был весьма доволен первыми успехами партизанских его действий, нашел полезным умножить число партизан, и вторым после Фигнера назначен гвардейской конной артиллерии капитан Сеславин, и после него вскоре гвардии полковник князь Кудашев. В короткое время ощутительна была принесенная ими польза. Пленные в большом количестве приводились ежедневно; не проходили транспорты и парки без сильного прикрытия; французы на фуражирование не иначе выходили, как с пехотою и пушками, никогда не возвращались без потери. На всех сообщениях являлись отряды партизанов; жители служили им верными проводниками, доставляли обстоятельные известия и наконец,

взяв сами оружие, большими присоединялись к ним толпами. Фигнеру первому справедливо можно приписать возбуждение поселян к войне, которая имела пагубные для неприятеля следствия.

В Москве скудные найдены французами припасы, и чрез короткое время войска даже половинной дачи продовольствия не получали, никаких особенных мер предпринимаемо не было, и совершенное во всем бездействие изобличало надежды Наполеона на мир, в котором мнил он начертать условия. Не знаю достоверно, в чем могли состоять оные, но легко понимали все, что присланный от Наполеона генерал Лористон, пред войною бывший послом при нашем дворе, конечно имел поручение объяснить желание прекратить войну. Москва, древняя столица, собственными руками превращенная в пепел, доказывала, что нет тяжелых жертвований для русского народа, и готовность его отметить войну несправедливую войною жестокою. Генерал Лористон приехал чрез несколько дней после прибытия армии в Тарутино. В самое это время между прочими и я находился в квартире Кутузова, но всем нам приказано выйти. После носилась молва, будто князь обещал довести о том до сведения государя положить конец войне, долженствующей возгореться с большим против прежнего ожесточением. Хитрый военачальник уловил доверчивость посланного, и он отправился в ожидании благоприятного отзыва. Таким образом дано время для отдохновения утомленным войскам, прибыли новонабранные и обучались ежедневно, кавалерия поправилась и усилена, артиллерия в полном комплекте.

В Тарутине генерал-лейтенант Коновницын назначен дежурным генералом при князе Кутузове. Справедливо приобрел он известность отлично храброго и твердого в опасности офицера, но многие обманулись, ожидавшие в нем соответствующих способностей и распорядительности. В царствование Екатерины II служил он полковником и командовал полком; долго потом, живши в отставке, возвратился он на службу; войны настоящего времени предоставили ему новую сцену, на которой при чрезмерном честолюбии и неукротимом желании возвыситься одной храбрости было уже недостаточно; он как человек очень умный и еще более хитрый ловко умел пользоваться слабостию князя, в чем способствовал ему полковник Толь, сильное имевший влияние, с которым вошел он в тесную связь⁷².

После производства князя Кутузова генерал-фельдмаршалом за

Бородинское сражение нашел он нужным иметь при себе дежурного генерала с намерением, как угадывать легко, не допускать близкого участия в делах (по новому положению о действующих армиях) генерала барона Беннингсена, к которому отношения его были очень неприязненные, но звание, последним носимое, необходимо к нему приближало.

Получено известие о кончине достойнейшего и незабвенного князя Багратиона. В память его осталось имя 2-й армии на некоторое время, но она уже не существовала.

22-го числа сентября военный министр генерал Барклай де Толли оставил армию и чрез Калугу отправился далее. Не стало терпения его: видел с досадою продолжающиеся беспорядки, негодовал за недоверчивое к нему расположение, невнимательность к его представлениям⁷³. Мне известно было намерение его удалиться, и потому незадолго пред отъездом его подал я рапорт, что, чувствуя себя к отправлению моей должности неспособным, прошу возвратить меня в армию. Представленный в подлиннике рапорт мой фельдмаршалом оставлен без ответа. Вместе с Барклаем де Толли уехал директор его собственной канцелярии флигель-адъютант гвардии полковник Закревский, офицер отлично благородных свойств, с которым был я в отношениях совершенно дружеских, разделяя и горести неудачной войны и приятные в ней минуты. Остался один близкий мне человек, исправляющий должность дежурного генерала флигель-адъютант полковник Кикин, почтенный благородными свойствами, искренно мною уважаемый. Едва ли кому мог я нравиться, бывши точным исполнителем воли взыскательного начальника, и я не видел доброжелательствующих мне, но завидующих многим. Генерал-лейтенант Коновницын в новой должности своей, встретившись с делами, совершенно ему незнакомыми, затрудняющими его, нашел облегчение в том, что препровождал их ко мне огромными кучами, чтобы на них надписывал я приличествующие решения. Некоторое время исполнял я это из уважения к нему, не взирая на чрезмерную ограниченность его способностей. Но когда самолюбие воспрещало ему разделять труды со мною, и он думал продолжать мои занятия, для него весьма выгодные, я объяснял ему, что не нахожу удовольствия изыскивать зависимости, когда могу ее избавиться. Не скрывал в то же время сожаления, что должности его обширной и многосложной он исправить не в состоянии.

Коновницын со врожденною ему хитростию, искусно придавая ей наружность простосердечия, говорил всем, что вопреки его желанию, сколько ни старался он уклониться от возложенной на него должности, не мог успеть в том. Напротив, он в восхищении был от назначения.

До сего доклады фельдмаршалу делал я, и приказания его мною отдаваемы были, но при новом вещей порядке одни только чрезвычайные случаи объяснял я ему лично и заметил, сколько много переменилось прежнее его особенное ко мне расположение⁷⁴. Пронырством не искал я обратить его к себе милости и воспользовался возможностью переехать к себе жить в ближайшую от главной квартиры маленькую деревню, к фельдмаршалу являлся не иначе, как по его приказанию; с Коновницъшым видался нередко, но чаще переписывался, отталкивая поручения его, которые я не имел обязанности исполнять, и в переписке со мною он конечно не выигрывал. Без ошибки могу предположить, что он вредил мне втайне и прочнее! Природа мало создает людей, у которых наружность всегда спокойная, неразгаданная. Коновницын имеет лицо на всякого рода впечатления одинаково составленное, на котором является изменническое равнодушие, улыбка уловляющей простоты, располагающая к откровенности. Одного не может он покорить - чувства завистливости: оно обнаруживается бледностию, покрывающею лицо его.

В таких отношениях был я с Коновницъшым, который охладил ко мне полковника Толя, в дружбе коего доселе не имел я причины сомневаться: обоим им надобно было полное на князя Кутузова влияние, и они вместе успели поселить вражду между ним и генералом Беннингсеном. Уменьшившиеся мои занятия заставили меня повторить рапорт мой об удалении от должности, но без успеха; итак, остался я принадлежать главной квартире, свидетелем чванства разных лиц, возникающей знатности, интриг, пронырства и происков.

По сведениям, доставленным партизанами, видно было, что неприятельский авангард, состоящий в команде неаполитанского короля Мюрата, до самой Москвы не имел никаких войск в подкрепление и потому не мог вовремя иметь помощи. Фельдмаршал решился атаковать его. Невозможно было устранить от составления диспозиции генерала Беннингсена, начальника главного штаба всех действующих армий; не хотелось допустить участия в успехе, в чем по превосходству сил наших не

было сомнения; он же сверх того предлагал вести сам войска, предназначенные к первой атаке. Положение места тщательно осмотрено, сделана диспозиция; первые войска, назначенные к действию, выступили из лагеря в ночи на 6-е число октября, все прочие 6-го числа пред рассветом переправились чрез речку Нару и были в готовности, 1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Меллер-Закомельского, впереди которого генерал-адъютант граф Орлов-Денисов со многими полками донских казаков должны были обходить левый фланг неприятеля и по возможности действовать в тыл; в то же самое время на оконечность фланга направлена была атака генерал-лейтенанта Багговута со II-м пехотным корпусом, вслед за которым шел VI-й корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого; резервом для них служил III-й корпус пехотный генерал-адъютанта графа Строганова; VI-й корпус генерала Дохтурова назначен в центр; левое крыло под начальством генерала Милорадовича составлено из VII-го корпуса генерал-лейтенанта Раевского и войск, бывших в авангарде. В резерве были вся гвардия и кирасирские полки; фельдмаршал при них находился.

Вскоре по рассвете услышаны были редкие пушечные выстрелы. Неприятель, расположенный спокойно, без всякой предосторожности, при внезапном ударе казаков пришел в замешательство и, не допущенный устроиться в порядок, защищался слабо, II-й корпус без затруднений вышел из лесу и ударил. Казаки с храбрым полковником Сысоевым бросились на пушки и взяли несколько орудий. При самом начале сражения из первых выстрелов убит ядром генерал-лейтенант Багговут⁷⁵. IV-й корпус генерал-лейтенанта графа Остермана, по недостатку распорядительности с его стороны, не прибыл вовремя к своему назначению и в деле почти не участвовал. Сражение могло кончиться несравненно с большею для нас выгодною, но вообще мало было связи в действии войск. Фельдмаршал, уверенный в успехе, оставался при гвардии, собственными глазами не видал; частные начальники распоряжались по произволу. Огромное количество кавалерии нашей близко к центру и на левом крыле казалось более собранным для парада, красуясь стройностию более, нежели быстротою движения. Можно было не допустить неприятеля соединить рассеянную по частям его пехоту, обойти и стать на пути его отступления, ибо между лагерем его и лесом было немалое пространство. Неприятелю дано время собрать войска, свезти с

разных сторон артиллерию, дойти беспрепятственно до лесу и пролегающею чрез него дорогою отступить чрез селение Вороново. Неприятель потерял 22 орудия, до 2000 пленных, весь обоз и экипажи Мюрата, короля неаполитанского. Богатые обозы были лакомою приманкою для наших казаков: они занялись грабежом, перепились и препятствовать неприятелю в отступлении не помышляли.

За день пред сим неприятель имел сведение о намерении нашем сделать нападение; войска были в готовности и строгая повсюду осторожность в продолжение всей ночи, но ожидание было напрасно. Нынешнюю ночь неприятелем сделано распоряжение об отступлении артиллерии и обозам дано было повеление; войска собраны на своих местах. Адъютант, присланный с приказанием к начальнику артиллерии, нашедши его спящим, не хотел разбудить его, не зная важности приказания и, подобно прошедшему дню, вместе с рассветом войска были распущены и отдыхали, и потому наши войска нашли их почти сонными, стражу оплошную, лошадей в кавалерии неоседланных.

Первое наступательное действие армии нашей в продолжение кампании весьма ободрило войска наши и противное влияние произвело на неприятеля, который наказан за дерзость стоять против нас с силами столько слабыми и в далеком расстоянии от прочих его войск.

С места сражения верхом у колеса дрожек фельдмаршала сопровождал я его до лагеря, и из слов его легко мог понять, в каком смысле готовился он сделать донесение государю⁷⁶. На другой день, не дожидая рапорта генерала Беннингсена, который по начертанному им плану предводил войска, назначенные к атаке, и начал сражение, не сказавши ему ничего, отправил донесение. С сего времени неприязнь между ними усилилась. Вероятно, не отдано ему должной справедливости и об нас, подчиненных его, не упоминается.

Генерал-майор Дорохов, с отрядом на левом крыле нашем находящийся, донес, что занял город Верею, взял штурмом устроенный в нем редут и защищающий его неприятельский гарнизон, и что поспешавший к нему на помощь отряд отступил.

Партизаны Сеславин и Фигнер, осмотревши неприятеля при селении Фоминском, обратились к генерал-майору Дорохову, прося его с отрядом подкрепить их атаку. Обнадеженные им, начали они перестрелку, но он,

прибывши один, был свидетелем их неудачи и по несоразмерности средств некоторой потери. Партизан Фигнер объяснил о сем поступке дежурному генералу Коновницыну, но генерал-майор Дорохов не только не подвергся замечанию, но, надеясь на позволение непосредственно по собственному распоряжению овладеть Фоминским, сделал следующее представление 9-го числа октября, что неприятель занимает село Фоминское, деревню Котово, и небольшая часть сил его расположена около города Боровска, что повсюду его не более восьми тысяч человек, и что он разобьет его, если к отряду его прибавлено будет два полка пехоты с артиллериею. По дружественному распоряжению генерал Коновницын, готовый исполнить его желание, доложил фельдмаршалу, но всегда осторожный, он рассудил за благо поручить исполнение генералу от инфантерии Дорохову. С ним назначен VI-й пехотный корпус, I-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта Меллер-Закомельского, рота конной артиллерии полковника Никитина и несколько казачьих полков. Мне приказано находиться при генерале Дохтурове ⁷⁷.

Партизаны Сеславин и Фигнер отправлены прежде осмотреть, нет ли неприятеля близко к селу Фоминскому, который мог бы прийти на помощь.

Войска выступили 10-го числа октября. Мелкий осенний дождь портил очевидно худую проселочную дорогу. Труден был переход, движение замедляла батарейная артиллерия, беспрестанно вытаскиваемая пехотою из грязи. Генерал согласился на предложение мое оставить ее под небольшим прикрытием впредь до назначения, куда ей следовать. Легкая артиллерия при войсках была в огромном количестве.

Присоединившийся с своим отрядом генерал-майор Дорохов донес, что неприятель в числе двух тысяч пехоты от города Боровска преследует Войска Донского подполковника Власова с тремя казачьими полками. Около деревни Котовой бивуак на четыре тысячи человек. Близ села Фоминского лагерь в лесу, почему невозможно определить сил; ночью видны огни, у моста чрез Нару стоит батарея.

Не доходя до селения Котова, войска расположились на ночлег так, чтобы на рассвете взявши его, атаковать тотчас село Фоминское. Всем войскам запрещено разводить огни, чтобы зарево не обнаружило близкое их пребывание, I-й кавалерийский корпус и все казачьи полки остановились впереди. Я был с генерал-адъютантом бароном Меллером.

Давно прошла полночь и сближалось время двинуть войска. Не было известия от партизанов, которые должны были отыскать меня. Вскоре услышан топот лошадей по грязной равнине. На оклик часового отозвался Сеславин. Совсем неожиданны были доставленные им известия, изменившие план всех вообще действий нашей армии.

В четырех верстах, не доходя села Фоминского, укрывшись в лесу близ дороги, Сеславин видел Наполеона с огромною его свитою, за ним его гвардию и другие многочисленные войска. Пропустивши их, схватил несколько пленных и расторопнейшего из них, гвардейского унтер-офицера, привез с собою, который показал следующее: "Уже четыре дня, как мы оставили Москву. Маршал Мортье с его отрядом, по взорвании кремлевских стен, присоединился к армии. Тяжелая артиллерия, кавалерия, потерявшая лошадей, и все излишние тяжести отправлены по Можайской дороге под прикрытием корпуса польских войск в команде генерала князя Понятовского. Завтра главная квартира императора в городе Боровске. Далее направление на Малоярославец".

Немедленно доложено о том генералу Дохтурову, и тогда же дежурный генерал штаб-офицер корпуса отправлен им с донесением к фельдмаршалу, спокойно пребывающему в Тарутине. Он не имел никаких известий от генерал-адъютанта барона Винценгероде, находящегося с отрядом в окрестностях Москвы.

Если бы партизан Сеславин не мог предупредить [за]благовременно, VI-й пехотный корпус и прочие с ним войска при атаке села Фоминского понесли бы неизбежно сильное поражение, и был бы Малоярославец беспрепятственно занят неприятелем.

Весьма благосклонно принял генерал Дохтуров мое представление: вместе с рассветом следовать обратно и, присоединив оставленную батарейную артиллерию, поспешить в Малоярославец. Согласился также, чтобы генерал-майор Меллер с I-м кавалерийским корпусом, конноартиллерийскою ротою полковника Никитина и казачьими полками произвел обозрение к стороне Боровска и потом возвратился к корпусу. Я отправился с ним.

Туманно было утро и не рано начали проясняться предметы. Мы увидели Боровск, окрестности его, занятые войсками и артиллериею в больших силах; часть пехоты, вышедшую из города по почтовой дороге; по

речке Протве во многих местах конные пикеты, которые тотчас сбиты, но подкрепленные скрытыми в лесу резервами, усилили перестрелку. Генерал барон Меллер ⁷⁸, хотя и не желал по краткости дня завязать дело, принужден был однако же послать часть войск и половину артиллерийской роты. Проскакавши с версту молодым березником, еще сохранившим лист, представилась нам невдалеке почтовая из Боровска дорога и на ней бивуак армии италианского вице-короля Евгения и французский корпус маршала Даву. Не теряя времени возвратились мы на левый берег речки Протвы. Войска Донского храброго Сысоева полка избранному расторопному офицеру приказал я с несколькими казаками неприятельским берегом доехать до Малоярославца, узнать, что происходит в городе, и ночью отыскать нас на возвратном пути к генералу Дохтурову. Гораздо за полночь догнал он нас и донес, что мост чрез речку Лужу у самого Малоярославца разобран жителями, с которыми он переговаривался чрез речку. От атамана Платова прислан в город разъезд казаков. У моста стоят три баталиона неприятельской пехоты. В девять часов утра городничий и другие гражданские чиновники были при своих местах, но вскоре потом удалились, и в городе большое смятение.

Проведши всю ночь, с краткими для отдохновения привалами, рано поутру соединились мы с VI корпусом. Он расположен был близ города на дороге в Калугу. С левого же фланга стоящей батарейной артиллерии действие направлено было на мост, который неприятель старался всячески исправить.

Первый полк, присланный генералом Дохтуровым, был 33-й егерский. Долго противился он, выгодно расположенный на вершине крутого от речки подъема, но часть города, прилежащая к мосту, оказывалась постоянно в руках неприятеля, и он успел по набросанным кладкам перевезти в город два орудия. Войска его умножались и начинали вступать в улицы. Противолежащий берег покрылся войсками вице-короля италианского.

В помощь 33-му егерскому присланы под командою полковника Вуича 6-й и 19-й егерские полки. Генерал Дохтуров войска, находящиеся в городе, поручил в мое распоряжение. Неустрашимо защищались они, но преодолеваемые превосходством, должны были отступить и, теснимые, с трудом вывезли мы нашу артиллерию, и наших уже не было в городе. Неприятель занимал крайнюю черту его при ограниченном числе

артиллерии.

В это время против правого фланга нашего лагеря появилась пехота, вероятно высланная для обозрения сил наших и расположения их, ибо в короткое время действием батарей наших вынуждена возвратиться в город. По приказанию генерала Дохтурова с неимоверною быстротою явились ко мне пехотные полки Либавский и Софийский. Каждый полк особенно приказал я построить в колонны, лично подтвердил нижним чинам не заряжать ружья и без крику ура ударить в штыки. Генерал-майору Талызину назначил вести Либавский полк, с Софийским послал полковника Халяпина. Вместе с ними пошли все егерские полки. Атаке их предшествовала весьма сильная канонада с нашей стороны. С большим уроном сбитый неприятель оставил нам довольно пространство города, в середине которого храбрый полковник Никитин⁷⁹ занял возвышенность, где было кладбище, и на ней поставил батарейные орудия. Долго неприятель не мог употребить против нас равного количества артиллерии, вероятно остерегаясь подвергнуться опасности по затруднению в случае отступления.

Прошло уже за половину дня. Большие массы войск французской армии приблизились к городу и расположились за речкою Лужею; умножилась артиллерия, и атаки сделались упорнее. Я приказал войти в город Вильманstrandскому пехотному и 2-му егерскому полкам, составлявшим резерв. Они способствовали нам удержаться, но уже не в прежнем выгодном расположении, и часть артиллерии я приказал вывезти из города.

Испросивши позволение генерала Дохтурова, я поручил генерал-адъютанту графу Орлову-Денисову от имени моего донести фельдмаршалу во всей подробности о положении дел наших и о необходимости ускорить движение армии, или город впадет во власть неприятеля. Армия стояла на реке Протве у села Спасского. Неприятным могло казаться объяснение мое фельдмаршалу, когда свидетелями были многие из генералов. Он отправил обратно графа Орлова-Денисова без всякого приказания.

Не с большою благосклонностью принят был вторично посланный от меня (также многие из генералов находились при фельдмаршале), и с настойчивостию объясненная потребность в скорейшем присутствии армии

могла иметь вид некоторого замечания или упрека. Он с негодованием плюнул так близко к стоявшему против него посланнику, что тот достал из кармана платок, и замечено, что лицо его имело более в том надобности.

Небесполезно однако же оказалась употребленная мною настойчивость, ибо к трем часам прибыли генерал-лейтенант Раевский с своим корпусом⁸⁰. Занявши с правого фланга довольно большую часть города и устроив свои резервы, он дал возможность войскам, прежде там бывшим, подвинуться вперед.

Прежде вечера прибыл фельдмаршал с армиею⁸¹, которая заняла позицию по обеим сторонам дороги, идущей в Калугу, по возвышенностям в двух верстах с половиною от города. Приказал генерал-лейтенанту Бороздину 1-му вступить с корпусом в город, сменив утомленные полки, с самого начала сражения защищавшие город, после чего и я не возвращался уже туда; приказал также на ближайший от черты города пушечный выстрел строить несколько редутов и тотчас приступить к работам.

С величайшим упорством дрались французы, и в особенности теснимый корпус генерала Бороздина не мог уже противостоять. Место его заняли свежие войска в значительных силах. Окончательно введены гренадерские полки, и почти до полуночи продолжалась жесточайшая борьба. Войсками распоряжался дежурный генерал Коновницын, с обыною его неустрашимостию, и из последних сил оставил город. Овладев им неприятель, в крайней черте его (в опушке) расположил артиллерию и в продолжение ночи ничего не предпринял!

13-го числа октября поутру армия занимала ту же позицию. Атаман генерал Платов, собравши на оконечности левого нашего крыла большое количество Донских войск, перешел речку Лужу и ударил на неприятельскую конницу. Внезапное нападение произвело большой беспорядок и смятение. Казаки взяли пленных, тридцать пушек и одно знамя. Отступили тогда, как большие массы войск обратились на них. При сем случае понес огромную потерю уланский полк польской армии.

Атаман Платов оставил несколько полков, приказавши им находиться и по возможности действовать в тылу неприятельской армии.

По приказанию фельдмаршала взятые пушки и знамя провезены по лагерю для показания войскам.

Призвавши меня, князь Кутузов сказал о намерении его отойти с армиею по направлению на Калугу. Стараясь убедить его остаться в позиции если не на весь день, по крайней мере несколько часов, я должен был войти в подробности и говорил, что с самого начала дня не умножена артиллерия на опушке города, ничто не обнаруживает приуготовлений к действиям наступательным. Не от Наполеона можно ожидать безрассудной решительности атаковать нашу армию в ее выгодной позиции, имея в виду город, в малом числе тесные улицы, повсюду неудобные к речке спуски, пагубные в случае отступления, мосты под нашими выстрелами. Армия наша превосходила в силах, особенно после отправления на Можайск польской армии и тяжелой артиллерии⁸². Кавалерия наша свежая и в хорошем состоянии; у неприятеля большой в ней недостаток. Можно было подозревать, что город занят одним авангардом, ибо главные массы обозрены были за речкою Лужею. Фельдмаршал настаивал доказать выгоду отступления армии. Меня спросил он, как я думаю. Я допускал движение армии, но только на малое расстояние по направлению на Медынь. "Как можно это в виду неприятеля?" Я отвечал, что Платов взял пушки на той стороне речки Лужи. "Я люблю говорить с тобою, ибо никогда обстоятельства не представляются тебе в худом виде". Таковыми конечно казались они всякому. Я уверен, что Кутузов не ожидал атаки со стороны Наполеона; не противоречил рассуждению моему, что недостаточно целого дня, чтобы подвинуть через весь город всю армию с артиллериею и необходимо иметь пространство, где бы расположить ее в каком-либо предварительном порядке. Со всем тем армия на один переход отошла по Калужской дороге, где уже находился Кутузов 14-го числа октября при самом начале дня. Оставлен арриергард под начальством генерала Милорадовича, составленный из II-го пехотного корпуса, бывшего генерала Багговута; IV-го пехотного корпуса графа Остермана; кавалерийского корпуса генерал-адъютанта барона Корфа и нескольких донских полков с генерал-майором Карповым.

14-го числа октября пред полуднем выслан из города небольшой отряд пехоты; бывшая при нем артиллерия перестреливалась с артиллериею передовых постов нашего арриергарда. Прочие войска не приняли в том участия, и день кончился без последствий⁸³.

Ночью уже возвратился я в главную квартиру, и отогреваясь в своей избе, не имел нужды быть у фельдмаршала. Вдруг неожиданно требует он

меня к себе. Первые слова его: "Милорадович доносит, что неприятелем оставлен Малоярославец и занят нашими войсками. Наполеон с армиею в пяти верстах за городом". С покорностию изъявил я ему, что без внимания оставлена просьба моя не отдалять армии к Калуге. Фельдмаршал продолжал: "Неприятеля наблюдают одни передовые казачьи посты. Милорадович приказал генерал-адъютанту барону Корфу с кавалерийским корпусом и донскими казаками генерала Карпова следовать за неприятелем по исправлении мостов через речку Лужу, в самом городе обоим пехотным корпусам не сделал назначения. Отправляйся теперь же к Милорадовичу, объяви на то мое повеление. Мне обо всем давай знать подробно. Впредь до особенного приказания оставайся у Милорадовича! Ты знаешь, голубчик, что в рапорте не все можно писать и потому уведомляй меня просто записками! Движение армии я буду согласовывать содействиями авангарда". Отправляясь, я доложил фельдмаршалу, что как уже объяснилось решительное отступление Наполеона, то полезно усилить авангард и выпросил генерал-майора Паскевича, известного храбростию, с командуемою им 26-ю пехотною дивизиею, и ему приказано тотчас следовать. Милорадовича нашел я в Малоярославце и за ужином у барона Корфа веселую беседу. Много оставалось еще ночи, и в расположении войск не было никакой перемены. На том же месте стоял лагерь Наполеона, вероятно давая время собраться разбросанным в разные стороны отрядам. Известия от окрестных жителей противоречили одни другим. Слышно было, что большие силы замечены к стороне Боровска и Вереи. Я объявил волю фельдмаршала, чтобы с рассветом II-й и IV-й пехотные корпуса выступили по направлению в город Медынь. С началом дня кавалерийский корпус, с ним генерал барон Корф и все донские полки были в виду неприятеля. Наполеон продолжал отступление, далеко в правой стороне оставляя город Верею, но точного направления нелегко было угадать. Не дошедши до Медыни, я получил сведения, что атаман Платов преследует неприятеля, взял уже фланг его, что посланный от него с частию казаков генерал-адъютант граф Орлов-Денисов нанес совершенное поражение выступившему из Медыни отряду польских войск.

Генерал Милорадович, ускорив движение свое, прошел чрез село Одоевское, село Кременское на речке Луже и село Георгиевское, местами спокойными, где жители не оставляли домов своих, и нам ни в чем не было недостатка.

Атаман Платов между тем близ Колоцкого монастыря на дороге от Можайска на Гжатск отнял двадцать пять орудий без больших усилий; во множестве пленные доставлялись ежедневно; всякого рода недостатки обнаруживали худое состояние поспешно отступающей французской армии. Преследуя до Гжатска, Платов сближался с авангардом Милорадовича, который доходил до села Никольского на дороге от Гжатска до Юхнова. Здесь установлено между нами сношение. Из села Георгиевского писал я фельдмаршалу, что армия может сократить путь прямо на Вязьму, будучи совершенно закрытою авангардом. Он взял предложенное мною направление, но ничего не отвечал, и мы знали только, что армия из лагеря при селе Дичине пошла на Медынь. По известиям атамана Платова и по показаниям пленных подтверждалось, что Наполеон, сопровождаемый своею гвардиею, идет впереди на целые сутки; три корпуса его армии вместе, но в величайшем беспорядке. Начальствующий ими Евгений, вице-король италийский, видя всегда одних казаков, не подозревает, чтобы на левом фланге его могла быть пехота наша в значительных силах, скрытно наблюдавшая его в близком расстоянии от большой дороги. Недостаток кавалерии у французов лишил их возможности обозревать окрестности.

Основательно заключал генерал Милорадович, что отрезав у неприятеля единственную дорогу, стать одним авангардом против всей армии было небезопасно: он решился идти к селению Царево-Займище, где хорошо известное нам местоположение представляло нам большие выгоды. На последнем переходе к селению особенно подтверждено было начальникам идущих в голове войск, чтобы место ночлега их скрыто было непременно; воспрещены были огни на бивуаке. Никогда не было более необходимо присутствие при них самого Милорадовича, но вот что произошло.

При Милорадовиче находился отлично способный и храбрый полковник Потемкин, нечто вроде начальника штаба. В этот день на переходе давал он обед Милорадовичу; восхваляем был искусный его повар; не без внимания смотрели на щеголеватый фургон, в котором хранился фарфоровый сервиз и во множестве разные лакомые припасы. Было место и для шампанского. Полки проходили с песнями и кричали ура! Короток был день и ночлег неблизок. Не доехавши еще до него, слышали мы ружейные выстрелы. Поспешно прискакавши, мы нашли сильную уже

перестрелку. Начальник 4-й дивизии принц Евгений Виртембергский вопреки распоряжению не только не старался скрыть пребывания своего, но так близко к дороге, по которой беспечно проходил неприятель, подвинул посты свои, что он должен был взять предосторожности, выслать стрелков и составленные с поспешностью массы в особенном устройстве. Безрассудное действие принца Евгения, любимого войсками, неустрашимого, но мало способного к соображениям, хотя несколько сложным, поставило в необходимость графа Остермана подкрепить его IV-м корпусом и всем прочим войскам приказал быть в готовности. Неприятель, пользуясь темнотою продолжительной ночи и не остановясь на ночлег, с поспешностью продолжал движение. Генерал Милорадович, человек при дворе ловкий, сообразив, что принц Евгений принадлежал царскому нашему дому, был к нему весьма снисходительным. Я, объяснив важность последствий неисполненного распоряжения, сообщил, что в звании моем я обязан донести обо всем фельдмаршалу, и уверен был, что принц почитал его несравненно превосходящим ловкостию генерала Милорадовича.

Если бы неприятель не был встревожен неожиданным нашим появлением, он расположился бы на ночлег и на другой день был атакован на марше. Авангард мог напасть на часть войск, соразмерную своим силам, и ее уничтожить.

Выступивши рано на другой день, мы нашли за селом Царево-Займище весьма длинное дефиле, состоящее из высокой насыпи, по которой пролегла вязкая дорога, обсаженная огромными тополями. Видно было, какие она представляла затруднения проходившему ночью неприятелю. Во многих местах оставлены в грязи тяжелые орудия, фуры с зарядами и обозы, или сброшены с дороги, чтобы не препятствовали последующим. Не менее двух часов употребили мы, чтобы авангард продвинуть чрез дефиле.

После записки моей фельдмаршалу, посланной из села Георгиевского, послал я другую, прося убедительно прийти с армиею к городу Вязьме 22-го октября. Теперь, как видно, я вполне оправдан самими обстоятельствами, и конечно не иначе можем мы встретить сопротивление, как приближаясь к Вязьме. От имени фельдмаршала получил я письмо полковника Толя, в котором чувствительно было

негодование за настойчивость моих представлений, и что князь конечно предупредил бы сам таковым распоряжением, если бы чаще извещаем был о действиях авангарда, и сообщил, что армия прибудет 21-го числа октября в окрестности города Вязьмы.

Генерал Милорадович получил повеление фельдмаршала: 26-ю пехотную дивизию с генерал-майором Паскевичем⁸⁴ и три кавалерийские полка отправить к войскам атамана Платова, действующим по большой дороге. Он желал⁸⁵, чтобы я был с ним, и 22-го числа я переехал к нему.

Неприятель во весь день отступал поспешно, слабо защищаясь, и атаман Платов имел ночлег в 27 верстах от города Вязьмы. Известно было от пленных, что неприятель немеревался удерживать город и что Наполеон впереди на расстоянии небольшого перехода. Милорадович и Платов, желая вознаградить потерянные труды четырех переходов верным успехом при селении Царево-Займище, не могли им воспользоваться и потому назавтра 22-го октября условились действовать всеми силами соединенно. Авангард, проселочною дорогою ускорив движение, должен быть в готовности атаковать правый фланг неприятеля, когда отступая придет он к селу Феодоровскому. Платов тот день начал преследовать позже обыкновенного, рассчитывая, что авангард не прежде одиннадцати часов может прийти к назначенному месту, отправил два отряда казаков с артиллериею и при них генерал-майоров Иловайского 5-го и Кутейникова. Из 26-й пехотной дивизии, бывшей еще в некотором отдалении, посадив на конь 300 человек 5-го егерского полка, приказал прибыть поспешнее, и сам выступил с ночлега в семь часов. Неприятель показал арриергард слабый. В девять часов слышна была с левой стороны канонада, предполагаемая против отрядов Иловайского и Кутейникова, но вскоре они присоединились и известили, что неприятель в больших силах удерживает движение авангарда. Прибыли посаженные на конь егеря и с чрезвычайною скоростью приближался генерал-майор Паскевич с дивизиею. Атаман Платов поручил в распоряжение мое регулярные войска, придав им несколько казачьих полков. Неприятель упорно защищал выгодную возвышенность, умножил на ней силы. Я подвинул прибывшие с полковником князем Вадбольским кавалерийские полки, и началась канонада. Курляндский драгунский полк ударил на приближавшуюся пехоту, и не взирая на картечный огонь рассеял с большим ее уроном, но полки наши не только оттеснены были, но и самой батарее было

угрожаемо. В это самое время прибежали полки 26-й пехотной дивизии, восстановили порядок и неприятеля весьма усилившегося отразили. Авангард Милорадовича, встречая менее сопротивления, подвинулся вперед. Донские полки с частью артиллерии посланы были обойти собравшуюся не в большой массе неприятельскую конницу с правого фланга. Она не допустила атаки нашей кавалерии, поддерживаемая будучи сильною пехотою. Одну из ее колонн храбро атаковал и опрокинул Каргопольский драгунский полк. Войска атамана Платова вошли в связь с войсками авангарда, по всей линии загорелась сильная канонада, и неприятель, упорно сопротивляясь, отступил во всех пунктах, направляясь на лежащую недалеко гораздо лучшую позицию, сосредоточив свои силы. Сократилась и наша линия. Происходили между частей войск удачные и не вполне успешные схватки. Казалось нам всем, что вспомоществуемый выгодой местоположения он удержится до ночи и займет город для удобнейшего отступления. Но совершенно удивлены мы были, увидев, что по мере приближения нашего неприятель оставлял позицию. Быстро преследовали войска наши, умножая на каждом шагу замешательство в полках неприятельских, и не останавливаясь на лежащей перед городом равнине, соединился весь авангард генерала Милорадовича. Сильно занята была опушка города, и некоторое время одна артиллерия была в действии. На оконечности правого нашего крыла Войска Донские с их артиллериею находились под личным предводительством атамана. Нам известно было, что фельдмаршал стоял с армиею в близком расстоянии, но с места не двигался. Но в продолжение канонады нашей прибыла кирасирская дивизия с гвардейскою конною артиллериею и открыла батареи свои с малым весьма вредом неприятелю, который приметно уменьшил принятые им вначале предосторожности, увидев одну только кавалерию. Командующий генерал-адъютант Уваров благоразумно избегал бесполезной потери в лучших полках армии кавалергардском и конной гвардии. Когда видел я генерала Беннингсена, который говорил мне, что армия наша недалеко, что он здесь любопытным зрителем происшествий. В то же время приезжал Коновницын, но в звании дежурного генерала ни во что не вмешивался. Становилось уже темно, и генерал Беннингсен, чувствуя холод, сказал, что отогреется чаем в главной квартире.

Замечено, что слабее охраняема опушка города, и решена общая атака по всей линии. Со стороны авангарда назначен г[енералом]

Милорадовичем начальник 11-й пехотной дивизии генерал-майор Чоглоков, и полки Перновский и Кексгольмский ударили в штыки и вошли в город. Встретившая их колонна гренадер итальянской армии поражена и преследована в городе. В то же самое время и в ближайшую улицу из войск, порученных атаманом в мое распоряжение, генерал-майор Паскевич с 26-ю дивизиею штыками открыл себе путь по телам противоставшего неприятеля, и минуты не остановясь, перешел реку, преследуя бегущих до крайней черты города. Сам атаман Платов с правой оконечности нашей вступил в город и, перейдя реку, занял большую часть одного. Мгновенно ворвались в город; состоявший при Милорадовиче адъютант мой поручик Граббе с командою стрелков и двумя орудиями конной артиллерии, а с противоположной стороны партизаны Сеславин и Фигнер. Повсюду уступал неприятель; поспешно удаляясь, зажег несколько домов, где была артиллерийская лаборатория, и пламя, распространяясь, охватило большой военный госпиталь, сделавшийся жертвою. Войска наши, занимая город, частью сил расположились по наружности. В этот день взято нами в плен: один генерал, много офицеров и нижних чинов более двух тысяч, два знамени и несколько пушек. Пленные показали, что их было три корпуса: вице-короля итальянского Евгения, маршалов Даву и Нея, всего сорок тысяч человек. Маршал Ней был уже в 17 верстах за городом, но, услышав канонаду, возвратился в помощь сражающимся. Говорят, но не утверждая, что и сам Наполеон был в городе, когда мы приближались к нему, но отправился к гвардии своей и войскам, продолжающим отступление к Смоленску.

Неприятель, оставивши город, занял ближайшее к нему кладбище и на нем учредил батарею. На главной площади города стояла наша пехота, большое число казаков при атамане Платове и я вместе с ним. Огни бивуака служили целью, и часто не без вреда упали ядра. В опушку города выслана рота артиллерии, но мы должны были оставить площадь⁸⁶.

Если бы стоявшая вблизи армия присоединилась к авангарду, на первой позиции был бы опрокинут неприятель; оставалось большое пространство для преследования; могли быть части войск совершенно уничтоженные, и гораздо прежде вечера город в руках наших.

С превосходством сил наших нетрудно было отбросить часть неприятеля на Духовщину и всегда предупреждать ее на худой дороге в

следовании к Смоленску.

В Вязьме в последний раз мы видели неприятельские войска, победами своими вселявшие ужас повсюду и в самих нас уважение. Еще видели мы искусство их генералов, повиновение подчиненных и последние усилия их.

На другой день не было войск, ни к чему не служила опытность и искусство генералов, исчезло повиновение солдат, отказались силы их, каждый из них более или менее был жертвою голода, истощения и жестокости погоды. В четырех верстах далее Вязьмы, на переправе через небольшой ручей, нашли мы несколько брошенных орудий. Поспешность в отступлении не происходила от того, чтобы авангардом нашим тесним был неприятель, всю ночь шедший беспрепятственно.

23-го числа октября авангард в прежнем его составе под начальством Милорадовича, при котором дано мне приказание находиться, преследовал неприятеля по большой дороге на Дорогобуж. Атаман с казаками и их конною артиллериею пошел в правую сторону от большой дороги. Фельдмаршал с армиею взял направление на город Ельню. Мороз был необыкновенный.

Авангард, не сделав выстрела до села Семлева, взял в плен более тысячи нижних чинов и несколько офицеров, совершенно изнуренных и больных. По всей дороге разбросаны были пушки, зарядные фуры и обозы без упряжи. Единственная пища людей была лошадиное мясо, но и того было мало, ибо чуть годных лошадей брали под артиллерию. Неприятель отступил поспешно: отдыхал немного днем, не достигаемый нашим авангардом; в ночи, тревожимый казаками, продолжал движение. Следы его означали разрушение спасающейся бегством армии.

Не дошедши восьми верст до города Дорогобужа, неприятель, переправясь за речку Осьму, расположился на ночлег; мост сохранен был для последних его войск. Передовые наши отряды, стремительно преследуя их, в такое привели замешательство, что они, стеснясь на мосту, бросили пушки в воду, и лагерь подвергся близкому действию наших орудий. Но сильная колонна неприятельской пехоты быстро кинулась чрез мост на нашу сторону, и немалая опасность угрожала нашим батареям.

Атаман Платов из Вязьмы отправился на Духовщину по известиям, что туда идет парк тяжелой артиллерии, высланной в Можайск пред

выступлением Наполеона из Москвы. Медленно было его движение по причине огромного количества повозок под канцеляриями различных штабов и экипажей множества чиновников (*non combattans*). Прикрытие состояло большею частью из войск армии вице-короля италийского и прочих союзников. Уклоняясь от большой дороги, они почитали себя в безопасности, не соблюдая порядка, ни малейшей осторожности. Внезапное появление тучи казаков с самим атаманом Платовым привело все в замешательство; никто не помышлял о защите, всякий искал спасения. Взяты в плен: один генерал, занимающий важное место в армии, все чиновники, много нижних чинов и многочисленная коллекция карт и планов ⁸⁷. Казакам при самой незначительной потере достались в руки шестьдесят три орудия и богатая весьма добыча.

Атаман Платов, пришедши на правый берег Днепра, остановился против предместия Смоленска, укрепленного французами. Наполеон с гвардиею и вся армия занимали город.

Из Дорогобужа предписано генералу Милорадовичу с авангардом следовать к армии, а мне приказание приехать в главную квартиру.

От реки Осьма до Дорогобужа генерал-майор Юрковский с двумя егерскими полками и легкою кавалериею преследовал неприятельский арриергард, который, слабо защищаясь, оставил несколько пушек. Далее, разбивши его у Соловьевой переправы, отнял много орудий и от Смоленска возвратился к своему месту в авангард.

Прежде прибытия армии нашей в город Ельню генерал-адъютант граф Орлов-Денисов послал с отрядом овладеть французскими рекрутскими депо, расположенными в разных местах окрестности, частью осмотренными уже партизанами Давыдовым, Фигнером и Сеславиным.

В Ельне находился генерал-майор князь Яшвиль (Владимир Михайлович), командовавший милициею Калужской губернии. Узнавши о движении генерала Ожеро, он оставил город, но настигнутый, должен был принять неравный бой против сильного рекрутского депо. Внезапно прибывший генерал граф Орлов-Денисов охранил милицию и, преследуя генерала Ожеро, атаковал его, упорно защищавшегося в занимаемом селении. Графу Орлову-Денисову содействовали трое наших партизанов. Огнем артиллерии нашей взорваны фуры с патронами, и генерал сдался. Взято пленными более полутора тысяч человек. Спешивший на помощь с

рекрутскую свою конницу генерал Шарпантье, потеряв часть ее, отброшенную в болото, удалился. В селении Клементине сожжены магазины с заготовлениями разного рода. Встреченный нашими партизанами с рекрутским пехотным депо генерал Бараге д'Илье, узнавши о сдаче генерала Ожеро, разменявшись несколькими ружейными выстрелами, поспешно отступил.

В движении от Смоленска до Москвы неприятельская армия для обеспечения сообщений располагала военные посты, достаточно укрепленные против внезапных нападений в церквях и отдельных строениях, где удобно могли храниться запасы продовольствия и другие снабжения для войск, идущих к армии. Но беззаботливость до такой простиралась степени, что нигде и никаких запасов заготовляемо не было.

Не прежде окрестные поселяне Москвы взялись за оружие, как по занятии ее Наполеоном. Быстрое движение его армии не давало времени тревожить деревни, лежащие по обеим сторонам большой дороги. Жители не покидали домов своих, производили сельские работы и ни в чем не терпели недостатка. Неприятелю могли служить чрезвычайно важным пособием находящиеся в тылу армии селения, если бы шедшие за нею нестройные толпы развратной союзной сволочи воздерживаемы были от бесчинств и разбоев. Между народом спокойным и не раздраженным рассыпанные ловким образом деньги в уплату за доставляемые припасы если бы и не могли предотвратить восстания, то конечно не сделалось бы оно общим и столько гибельным; но даже нет сомнения, что нашлись бы и готовые усердствовать.

Наполеон, видевши нашу армию в грозном порядке отступившую после ужасной битвы Бородинской, Москву, оставленную без защиты, обреченную произвольно на истребление пламенем, должен был убедиться, что продолжение войны неизбежно, и особенно когда, долго ожидая тщетно предложений о мире со стороны фельдмаршала, прислал он с объяснениями генерала Лористона⁸⁸ в главную его квартиру селение Тарутино.

Правдоподобно было, что он умножит армию идущими свежими войсками, призваны будут недалеко расположенные сильные во множестве резервы. Но каждый далек был от мысли, чтобы так скоро и в самое неблагоприятное время предпринял он отступление.

Главная квартира фельдмаршала была в городе Ельне; графу Остерману с IV-м пехотным корпусом приказано быть недалеко впереди для наблюдений. Доходили слухи, что в Смоленске собраны огромные запасы, и фельдмаршал допускал мысль, что Наполеон, давши отдых армии, восстановит в ней порядок; но конечно нелепыми казались ему толки главной квартиры, что если наша армия приблизится к Красному, тогда Наполеон пойдет из Смоленска чрез Мстиславль, и в городе Могилеве, присоединивши к себе польские войска генерала Домбровского, возьмет дальнейшее направление к Литве местами неопустошенными.

В Смоленске Наполеон не нашел никаких заготовлений, даже гвардии его не доставало полных рационов; направился на Красный, занял его своею гвардиею и слабым корпусом маршала Даву в ожидании главных своих сил, которые медленно двигались по большой дороге, каждый корпус особенно, без всякой между собой связи, без взаимной обороны, в совершенном расстройстве, со множеством людей, бессильных владеть оружием, до невероятности изнуренных голодом.

Фельдмаршалу докладывал я, что из собранных от окрестных поселян показаний, подтвержденных из Смоленска выходящими жителями, граф Остерман доносит, что тому более уже суток, как Наполеон выступил с своею гвардиею на Красный. Не могло быть более приятного известия фельдмаршалу, который полагал гвардию гораздо сильнейшую, составленную из приверженцев, готовых на всякое отчаянное жертвование. Выслушавши доклад мой, он предложил генералу Беннингсену завтракать с собою, и положивши на тарелку котлету, с обыкновенною приветливостию подал мне ее и вместе рюмку вина. С ними отправился я к окошку, ибо по тесноте негде было посадить меня. При сем случае барон Беннингсен представлял необходимость скорейшего движения армии на Красный. Он удивлен был грубою ошибкою Наполеона, который, если бы в Смоленске не потерял напрасно трое суток, успел бы по устроенному в местечке Дубровне мосту, перейти на правый берег Днепра, не только не преследуемый, ниже замеченный нашими армиями⁸⁹.

Приказано составить под начальством генерала Милорадовича авангард из корпусов 1-го и 2-го кавалерийских, II-го и IV-го пехотных, сильной артиллерии и нескольких казачьих полков. На меня возложена обязанность находиться в авангарде.

Испрашивая снисхождение к чувству некоторого самодовольства со стороны моей, я должен объяснить, что оно произведено лестным одобрением генерала Беннингсена, когда изложил я ему соображение мое насчет предстоящих действий. Я полагал, что Наполеону выгоднее было выступить из Смоленска правым берегом Днепра. Морозы, скрепившие болота, сделали пути столько же удобными, как почтовая дорога. Направление на Смоляны оставляло в стороне город Оршу и Дубровну, сокращало расстояние и ускоряло сближение с маршалом Удино. Наполеону не могло быть известно, что город Полоцк уже в руках наших, и что происходит с войсками, защищавшими его, и теми, которые содействовали гарнизону по сдаче города. Много было причин, побуждавших к поспешности.

Генерал-адъютант граф Орлов-Денисов доносил, что по болезни не в состоянии заниматься бывшим в его распоряжении отрядом, просил о передаче его. Не скрывая негодования своего, он принимал за оскорбление, что при разбитии рекрутского депо генерала Ожеро и рассеянии других его частей, признано содействие наших партизанов, а не одному ему приписан весь успех. В командование отрядом его вступил генерал-майор Бороздин. Составлен новый отряд из 19-го егерского полка, шести орудий артиллерии и достаточного количества казаков под начальством генерал-адъютанта графа Ожаровского. Приблизившись к Красному, не соблюл он должной осторожности, полагая, что отступающий неприятель ничего не предпримет. Ночью граф Ожаровский атакован стремительно гвардией Наполеона в больших силах. Велика была потеря в храбром егерском полку; особенным счастьем уцелела артиллерия, и при общем замешательстве темнота была спасительным покровом. Молве о случившейся неудаче старались дать желанное направление, что впрочем не препятствовало самым подробностям сделаться известными. Государю описано происшествие с выгоднейшим истолкованием, и все остались довольными! Неприятель сам торжествовал победу в своем лагере. Итак, прославленному вождю открыт путь к возобновлению подвигов!

Генералу Милорадовичу с авангардом приказано уже было идти к городу Красному.

Атаман Платов по занятии Вязьмы и блистательном набеге на Духовщину, где овладел огромным парком артиллерии и другими важными

предметами, явился пред укрепленным французами предместьем города Смоленска на правом берегу Днепра, когда Наполеон находился в городе. Следуя этим берегом, атаман полагал предупредить Наполеона в Дубровне или Орше и, затрудняя его при переправе, сколько возможно замедлить его движение, но узнав, что, спокойно перешедши Днепр, Наполеон находится в Орше. Не мог представить себе атаман Платов, чтобы армия наша, знавшая в подробности состояние неприятеля, с неимоверною поспешностью уходящего, не тронулась даже с места.

Ноября 3-го числа авангард генерала Милорадовича, не дойдя десяти верст до Красного, приблизился к идущей от Смоленска дороге. Место IV-го корпуса заступил VI-й корпус генерала Раевского. Часть кавалерии авангарда вступила в дело, неприятель скрылся в лес. Взяты пленные и в обозе богатая из Москвы добыча.

В этот день наша пехота мало была употреблена, и авангард отошел на ночлег в ближайшее, разоренное, селение, оставленное жителями. Передовые извещательные посты наблюдали дорогу.

Ноября 4-го числа вице-король итальянский, следовавший из Смоленска с остатками своей армии, к которой присоединено было несколько частей других войск, миновавши правую оконечность нашего авангарда, сошел с большой дороги и решительно атаковал VI-й пехотный корпус. Генерал Раевский со свойственною ему твердостью встретил неприятеля, которому картечный огонь нашей артиллерии, в количестве гораздо превосходном, наносил ужасный вред, но корпус Раевского потерпел значительный урон. Прежде прошедшая в Красный неприятельская колонна возвратилась на звуки выстрелов в тыл слабой части 4-й пехотной дивизии храброго принца Евгения Виртембергского, угрожая отличному Белозерскому полку. Горяча была схватка, но приспели полки I-го кавалерийского корпуса генерал-адъютанта барона Меллер-Закомельского, и колонна опрокинута в расстройстве.

В то время, когда атака вице-короля итальянского была отражена и он принужден был удалиться. Московский драгунский полк под командою неустрашимого полковника Давыдова (Николая Владимировича) врубился в отдалившуюся колонну пехоты из двух тысяч человек; но до того изнурены были лошади в полку, что из середины колонны не могли проникнуть до ее хвоста. В таковой же степени истощения и усталости

была неприятельская пехота, что не имела сил не только защищаться, но даже двигаться, бросила оружие и сдалась в плен. Взят орел, принадлежавший одному из знаменитых полков. Успех оружия нашего в действии нынешнего дня мог иметь важные последствия, но наступившая темнота заставила войска отойти на отдохновение, для всех необходимое, на прежний ночлег. Расположенные сторожевые казачьи посты известили, что вице-король прошел ночью в Красный.

Ноября 5-го числа на рассвете авангард, возвратясь к большой дороге, стал параллельно ей, но к Красному ближе прежнего. Войска наши в этот день были очень умножены: присоединились дивизии гренадерская и 3-я пехотная, полки гвардейской легкой кавалерии и кирасирские.

Главной квартире фельдмаршала служила прикрытием гвардия. Из полков ее два пешие с артиллерию, два полка кирасирские и казаки составляли отряд генерал-майора барона Розена (командира лейб-гвардии Преображенского полка). Под начальством его находились отряды генерал-адъютанта графа Ожаровского и генерал-майора Бороздина. Состав этого войска наименован авангардом, и ему назначено быть у селения Доброе, весьма близко от Красного.

Усмотренный вдали неприятель в продолжение большей части дня проходил отдельными толпами, из которых редкие были свыше двух тысяч человек, в совершенном расстройстве. Под огнем батарей наших оставляли они орудия, бросали обозы и рассеянные, с огромною потерей, спасались в леса. Некоторые отважно прошли далее, но пали под штыками дивизии гренадерской графа Строганова и 3-й пехотной. Одну из колонн атаковали полки лейб-гвардии драгунский, гусарский и уланский, и хотя нанесли ей чувствительный урон, но глубокий снег во рвах по бокам дороги не допустил истребить ее, и, прикрываясь ружейным огнем, не отклоняясь даже с дороги, она прошла в Красный.

Против генерала барона Розена, ближайшего к городу, высланы из него колонны. Недолго и нетвердо противлялись они, бросили пушки и удалились пораженные. Упорно дрались части наполеоновской молодой гвардии и корпуса маршала Даву, но не выдержали они стремительного удара и лейб-гвардии егерского полка; когда барон Розен ворвался в город, он взял оставленные орудия, все тяжести, экипажи маршалу Даву, секретную его переписку и его маршальский жезл. Войскам досталась

богатая добыча.

Подвигом этим заключилось 5-е число. Гвардия наша вошла в Красный. Армия, сосредоточенная, провела ночь у самого города. Барон Розен, имея подкрепление, мог следовать за неприятелем, наблюдая, по крайней мере, за его действиями, но ему приказано не выходить из города.

Ноября 6-го числа, с началом дня, замечен неприятель, идущий из Смоленска. Долго густой туман мешал определить его число, но схваченные пленные показали, что будет проходить маршал Ней с арриергардом, составленным из остальных людей всех вообще корпусов, довольно значительной артиллерии и конницы с девятьсот человек соединенных одиннадцати полков разных наций, всего до пятнадцати тысяч человек, из которых корпус самого маршала, весьма уже малолюдный, отличался примерным порядком.

Генерал Милорадович с VII-м пехотным и I-м кавалерийским корпусами занял позицию на самой дороге, пред Красным в четырех верстах. Позади его были резервы, фронт прикрывали сильные батареи, недалеко от спуска в долину, в которой переправа. Подходя к этому месту, маршал Ней поставил батарею на противоположной высоте, но недолго выдерживала действие нашей артиллерии. Тогда, выславши большое число стрелков, заставил наших стрелков отдалиться, исправил переправу и решил пробиваться. Долгое время расстилался густой туман по земле; скрываемые им три колонны подвигались под картечным огнем нашим с невероятною твердостью в глубоком молчании, ни одного не делая выстрела. Батареи наши были уже свезены, и оставалось пехоте преградить путь их. Храбрый генерал-майор Паскевич, командующий дивизиею VII-го пехотного корпуса, с двумя полками оной стремительно ударил на одну из колонн, нанес ей ужасное поражение и разметал слабые ее остатки. На другую колонну бросался Павловский гренадерский полк и с не меньшим уроном ее опрокинул и рассеял. При третьей колонне шли пять орудий. Быстра была атака лейб-гвардии уланского полка на колонну. Орудия остались, не сделав выстрела, но согласный поддержанный ружейный огонь пехоты ограничил гораздо меньшим числом удары конницы, и колонна избежала истребления. Маршал Ней, сам предводитель войска[ми], убедившись в невозможности соединиться с своею армиею, принужден был, в крайнем положении своем, укрываться в лесу. Еще были

у него войска, еще были артиллерия. Наполеон, хотя и недалеко был от Красного, ничего однако же не предпринял в помощь маршалу Нею. Ничто лучше не объясняло положения Наполеона, но армии нашей не возбудило деятельность. Непоколебим пребывал фельдмаршал, и занятием армии были одни остатки погибающего Нея.

В продолжение сражения генерал Милорадович для развлечения сил неприятеля приказал генерал-адъютанту барону Корфу⁹⁰ его кавалерийский корпус подвинуть вперед. Он представил, что охраняет правое крыло авангарда. Такое повеление другие войска исполнили без затруднения. Имея поручение наблюдать за действиями против скрывающегося в лесу Нея, лично мог я видеть, сколь неудобно было вдаваться в глубину леса по разбросанным тропинкам; приказал я, прекратив бесполезную перестрелку, действовать артиллериею в приличных случаях. Я донес Милорадовичу, что вышедшие из опушки леса неприятельские колонны, соединившись, взяли направление на нашу позицию, остановились недалеко от батарей наших и отправили от себя для переговоров офицера, который объявил, что число всех чинов, состоящих в колонне и сдающихся пленными, более шести тысяч человек; оружие у них далеко неравное числу людей, пушки ни одной.

Ужасен был вид на них близкого разрушения от города. Весьма немногих сохранить возможно было.

Фельдмаршал разрешил сделанное прежде генералом Розеном представление выступить с отрядом для наблюдения; в состав его назначены полки гвардейской пехоты, два полка кирасир и три казачьих полка Войска Донского. Не всем казалась чуждою всякого соображения мысль воспретить генералу Розену идти далее первой почтовой станции в селение Ляды.

Маршал Ней, после сдачи значительной части его войск, видя гибельное свое положение, решился на отчаянное предприятие: перейти Днепр как единственное средство спасения.

Генерал Милорадович, отделив часть войск для собрания в одно место разбросанного по лесам неприятеля, возвратился в Красный, и я сопровождал его.

Ноября 7-го числа сделал я представление фельдмаршалу: усилив отряд генерала Розена, приказать ему идти вперед, и просил поручить его

мне.

С особенною благосклонностию выслушав меня, изъявил соизволение, и немедленно сделана перемена в составе отряда. По собственному назначению его поступили лейб-гвардии егерский и Финляндский полки, кирасирские полки его и ее величеств, гвардейская пешая артиллерия и батарейная рота конной артиллерии. Присоединенные батальоны пехоты в числе 12-ти имели при себе полевые орудия.

Долго не имевши случая видеть никого из лиц, обладающих главнейшим влиянием на дела, слышал я, что генерал-квартирмейстер Толь с настойчивостию доказывал необходимость наблюдения к стороне Днепра и селения Сырокоренья, но дежурный генерал Коновницын, далеко не равных способностей для соображений дальновидных и сложных, отверг его предложение, и, конечно, ему обязан маршал Ней своим спасением. Беспрепятственно дошедши до селения Сырокоренья, решился он на отчаянное предприятие: перейти Днепр по льду. Недостаточно сильны были морозы, и лед гнулся под ногами. Оставив на берегу десять пушек, мало весьма тяжестей, Ней пустился, сопровождаемый до полуторы тысяч человек; за ним вели верховую, его единственную, лошадь.

Нерешительные и медленные действия армии при Красном фельдмаршал в донесении государю представил баталиями, данными в продолжение нескольких дней, тогда как сражения корпусов были отдельные, не всеми их силами в совокупности, не в одно время, не по общему соображению. Робким действиям надобно было дать благовидное окончание, и какое может быть лучше баталий? А они составлялись по произволу. Вместе с тем поставлены на вид потери и расстройство неприятельской армии, готовые поражения и даже не отвергалась мысль совершенного его уничтожения при переправе чрез реку Березину, куда адмирал Чичагов обращен со всеми его силами.

Отправляясь к порученному мне отряду, получил я наставление фельдмаршала в следующих выражениях:

"Голубчик, будь осторожен, избегай случаев, где ты можешь понести потерю в людях!" - "Видевши состояние неприятельских войск, - отвечал я ему, - которые гонит кто хочет, не входит в мой расчет отличиться подобно графу Ожаровскому". Светлейший воспретил переходить Днепр, но переслать часть пехоты, если атаман Платов найдет то необходимым.

Ручаясь за точность исполнения, я перекрестился, но должен признаться, что тогда же решился поступить иначе. Его желание было, чтобы Наполеона полагали недалеко, и что он готов преследовать его.

Атаман Платов намеревался затруднить неприятеля при переправе чрез Днепр в Дубровне или Орше, но уже прошел он беспрепятственно.

С возможною скоростию прибыл отряд мой в Дубровну, но посланный вперед генерал-майор Бороздин, не помыслив об исправлении моста, переправился за Днепр. Узнав, что мост устроен был под руководством французского офицера, жителем города, я заставил его исправить мост по возможности. Ему выданы цепи и канаты от артиллерии, от всех полковых обозов выданы веревки. Сваи до поверхности воды были тверды. В продолжение полутора суток на малое время отлучался я от работ, и все приуготовлено было.

Пехота переведена без остановки, также артиллерия, подвигаемая людьми по толстым доскам, посланным вдоль моста. Большое затруднение представляли ее лошади, несмотря на принятые меры осторожности, ибо мост был потрясаяем и грозил разрушением. Лошадей двух кирасирских полков не иначе переправили, как спутывая ноги каждой из них, и положивши на бок, протаскивали за хвост по доскам. Лошади казачьих полков перегнаны вплавь. Я поспешил соединиться с атаманом Платовым, который находился на том берегу и требовал пехоты. Средством сообщения служили нам две малые лодки. Он переслал мне захваченных значительных двух чиновников (*non combattans*), из которых одного отправил я при письме фельдмаршалу⁹¹. Усилившийся на Днепре лед разрушил мост, и остались на месте все вообще обозы, часть патронных ящиков и все провиантские фуры⁹².

Фельдмаршал приказал отрядам графа Ожаровского и Бороздина следовать для наблюдения к городу Могилеву, полагая, что там войска польские генерала Домбровского. Партизаны: Давыдов, переправясь за Днепр вплавь, схватил депо кирасир, Сеславин оставлен в распоряжение атамана Платова.

Армия в видах удобнейших средств продовольствия из Красного пошла в город Копыс.

Отряд мой недалеко за Днепром имел ночлег при хуторе, принадлежащем одному из монастырей города Орши. Атаман сообщил

мне, что удаляясь от Смоленска, когда Наполеон и его армия там еще находились, он с того времени не имел никаких известий и был чрезвычайно удивлен, когда захваченный пленный со всею подробностью рассказал ему, что маршал Ней с малым числом сопровождавших его, перейдя Днепр, с большою опасностью и слышав от поселян, что в окрестности появились казаки во множестве, скрывался в лесах недалеко от Дубровны, но высланные к нему из Орши полки, освободив его, дали возможность идти вперед с полною безопасностью. Я донес фельдмаршалу о переходе моем за Днепр и получил с нарочным приказание остановиться в местечке Толочне до прибытия авангарда Милорадовича. Это обнаруживало внушение окружающих его, дабы вместе с приходом авангарда могла быть допущена мысль, что и сама армия готова быть у реки Березины.

Здесь на первом ночлеге моем явился ко мне еврей с рапортом князю Кутузову графа Витгенштейна, что маршал Виктор стоит с корпусом в прежней позиции у местечка Черей, вероятно закрывая собою войска маршала Удино, и что кавалерия его много препятствует наблюдению за ним. Прочитав рапорт, я вложил в него записку с замечанием моим, что поставя часть войск пред графом Витгенштейном для сокрытия движения своего, мог неприятель дать войскам направление по внешней стороне озера Долгое, обращенной к реке Березине, и ускорить соединение с Наполеоном одним, по крайней мере, очень большим переходом⁹³.

Отряд мой заходил на короткое время в город Оршу, где незадолго пред тем был с частию конницы Мюрат король неаполитанский, и я поспешил соединиться с атаманом. Он согласился подтвердить донесение мое фельдмаршалу, что повеление его дожидаться авангарда в местечке Толочне я получил пройдя уже его (хотя я находился за один еще переход), и представил с своей стороны, что, вступая в огромные леса Минской губернии, ему необходима пехота, почему и предложил он мне следовать за собою или сколь можно ближе. Мы находили в разных местах оставленную артиллерию и даже сброшенную в воду с такою торопливостью, что недоставало времени скрыть ее от глаз! Потеря в людях несравненно превосходила все другие. Тысячи были умерших и замерзающих людей. Нигде не было пристанища; местечки и селения обращены в пепел, и умножавшиеся пленные, все больные и раненые, большое число чиновников (*non combattans*) должны были ожидать

неизбежной смерти. Ежеминутное зрелище страждущего человечества истощало сострадание и самое чувство сожаления притупляло. Каждый из сих несчастных, в глазах подобных ему, казалось, переставал быть человеком. Претерпеваемые страдания были общие, бедствие выше всякого воображения! Не имея средств подать помощь, мы видели в них жертвы, обреченные на смерть.

Атаману Платову сообщено к сведению данное мне приказание, содействуя ему, исполнять по возможности его требования.

Обращенный к городу Могилеву с отрядом граф Ожаровский занял Могилев, взял немногих оставшихся поляков и гошпитали. Генерал Бороздин с отрядом наблюдал дороги в окрестностях, где неприятеля уже не было⁹⁴! Назначением своим Бороздин обязан покровительству дежурного генерала Коновницына, которого не отказывал он человеку, имеющему способность льстить ему ловким образом. Дарованиям всякого другого имел он снисхождение способствовать не быть на видном месте.

Наполеон отступал с невероятною поспешностью, опасаясь быть настигнут нашею армиею прежде перехода за реку Березину. Но опасения его были напрасны, и хотя точные были сведения о неприятельской армии, фельдмаршал не трогался с места, правдоподобно, с тем расчетом, что далекий путь, усиливающаяся зима, свирепствующий голод и предстоящая борьба при Березине, без содействия главной армии, приведут французское войско в состояние, близкое к разрушению.

Если бы атаман Платов из главной квартиры имел вовремя извещение о выходе трех тысяч человек польских войск из Могилева, они были бы в руках наших, ибо вслед за ним шел весь отряд мой. Непонятно ему было равнодушие, с которым смотрели на важнейший тогда предмет соединения с армиею адмирала Чичагова и на необходимость усиления ее средств.

Поздно вечером, окончивши переход 15-го числа ноября, расположился я на ночлег у селения Лошницы, последней почтовой станции к городу Борисову. Здесь явился ко мне адъютант адмирала Чичагова поручик Лисаневич с предложением присоединиться к нему в городе Борисове с моим отрядом, о следовании которого узнал он от атамана Платова.

Адъютант рассказал мне подробно, что атаман, приблизившись к Борисову, имел впереди храброго партизана Сеславина, который, не замеченный в темноте, ворвался в город. Внезапность происшествия,

тысячи появившихся казаков произвели общее смятение. Слабая дивизия французской пехоты генерала Пертуно поспешно удалилась в надежде пройти к войскам, стоявшим у переправы, но пресекли ей путь войска графа Витгенштейна, и она, равно как два кавалерийские полка Рейнской Конфедерации, принуждена была сдаться пленными, и город остался во власти нашей, и восстановлено сообщение с противоположным берегом реки.

Отправив обратно адъютанта, я представил чрез него строевой рапорт адмиралу и просил доложить ему, что войска, только что сделавшие переход, готовы охотно совершить новый, что я, находя нужным дать время на сварение каши, поправление обуви и отдых всего не более четырех часов, выступлю непременно.

Быстро шли войска, желающие боя, и задолго пред полуднем вошли в Борисов, не сделав на марше привала, и тотчас приступили к работам при переправе.

На переходе моем от Лошницы в ночное время следовавшие позади кони трех казачьих моих полков частью захвачены были скрывшимся в лесу неприятелем, многие толпы которого в добровольной сдаче находили расчет не умереть с голоду.

Прибывши в Борисов пред полуднем, явился я к атаману, который сообщил мне желание адмирала, чтобы я поспешил присоединиться к нему и приступил немедленно к устройению переправы. Чрез реку Березину и ее протоки сделаны были временные на козлах мосты, постланы соломой, поливаемы водою, скрепляемою морозом. Без затруднения прошла пехота, артиллерия и зарядные ящики перевезены не без опасности. Особенная способность и ловкость казаков отвратили все прочие препятствия; отысканы броды, два кирасирские полка переправились без потери времени.

Доходившие до нас смутные и тревожные слухи объяснились по прибытии в Борисов. Город весьма недавно занят был адмиралом с значительными силами, выслан авангард по направлению на Лошницы под командою генерала графа Палена (родственника знаменитого Петра Петровича). Неприятель, пользуясь лесистым местоположением, кавалерию нашу, шедшую впереди, опрокинул с уроном; она смяла невдалеке подкреплявшую ее пехоту, и не предвзя о происшедшем,

авангард в величайшем расстройстве явился у Борисова, и за ним преследующий неприятель ворвался в город. Адмирал отступил с войском за мост, и по его приказанию он сожжен. Потеряны обозы с лошадьми, вместе экипажи адмирала со всем имуществом, дорогими вещами и серебряным сервизом на столе, готовым для обеда. Прервано наблюдение на левом берегу Березины.

При переходе Наполеона чрез местечко Бобр к нему присоединились: свежий корпус маршала Виктора, все войска маршала Удино, защищавшие Полоцк (исключая Баварского корпуса, с которым генерал князь Вреде прямо из Полоцка отправился в Литву), равно и войска польские генерала Домбровского.

В Борисове был генерал граф Витгенштейн с его главною квартирою. Главные силы сего корпуса были в близком расстоянии; при нем находилась часть их, не допускаемая до переправы арриергардом маршала Виктора, а с ним и войска все время на правом уже берегу реки Березины.

Граф Витгенштейн по давнему знакомству⁹⁵ принял меня с особенным вниманием, и я нашел те же свойства рыцаря и ни малейшей гордости, хотя легко она могла выказаться при рассказе о соображениях и планах, им исполненных, о многих выигранных генеральных сражениях, о мужестве войск, которым ничто противостать не может. Он говорил мне, что адмирал Чичагов, имея средства возбранить переправу или нанести армии Наполеона сильное поражение, но оставя слабый отряд генерала Чаплица, со всеми войсками отдалился на большое расстояние. Графу отвечал я, что мне известен сообщенный ему общий план действий, государем императором начертанный, который доставлен фельдмаршалу флигель-адъютантом полковником Чернышевым в селение Красная Пахра в шестой день по занятии Наполеоном Москвы, когда армия наша правым берегом Москвы-реки совершила достопамятное фланговое движение до Подольска и перешла на Калужскую дорогу. Никто предполагать не мог, что после кратковременного пребывания в Москве Наполеон найдет в необходимости предпринять отступление, и потому большую еще основательность имело соображение государя направить значительные силы на линию неприятельских коммуникаций, где находились склады огромных заготовлений, расположены рекрутские депо, проходили к армии

отряды и разного рода снабжения. Исполнение сего возлагал фельдмаршал на адмирала Чичагова, рассчитывая, что к тому приступил он не менее, как с шестьюдесятью тысячами человек. Предписание получено им, когда находился он против генерала князя Шварценберга, начальствующего австрийскими войсками, и корпуса саксонцев под командою французского генерала Ренье, ревностного исполнителя повелений Наполеона, требовавшего с настойчивостию от князя Шварценберга более решительных действий. Адмирал для удержания их, оставивши генерал-лейтенанта барона Остен-Сакена с двадцатью шестью тысячами человек, с прочими войсками взял направление чрез город Минск на Борисов, главную операционную линию неприятеля. В обязанности его было стараться войти в сношение с войсками под городом Полоцком, сопротивление которого не полагалось продолжительным, когда придут дружины С.-Петербургского и Новгородского ополчений, отряд генерал-адъютанта Кутузова и значительные подкрепления генерал-лейтенанта Штейнгеля, призванного из Финляндии. Итак, в тылу армии Наполеона, у которого нельзя было подозревать намерения скорого отступления, могли составиться силы, угрожающие гибельными последствиями. Графу Витгенштейну известно уже было, что причиною отдаления адмирала к городу Игумену был фельдмаршал, имевший неосновательные сведения, что Наполеон найдет там удобнейшую переправу. Сообщивши графу, что сего дня (16-го числа ноября) атаман Платов со всеми казаками и моим отрядом в течение ночи присоединится к армии адмирала, я с ним расстался⁹⁶.

В позднее время ночи на 17 число ноября атаман с войсками присоединился к армии адмирала. Здесь узнали мы, что в следовании своем чрез город Минск адмирал овладел огромными в нем складами провиантских запасов, комиссариатских, госпитальных и аптекарских вещей, для охранения которых оставлен небольшой отряд войск. Далее на пути авангард его [под] начальством храброго генерал-адъютанта графа Ламберта нашел перед городом Борисовом занятое неприятелем мостовое укрепление, нами прежде устроенное для прикрытия моста, длиною немного менее версты, чрез болота, прорезанные рекою Березиною и ее протоками.

Граф Ламберт дал приказание пехоте сомкнуться в колонны, немедленно атаковал укрепление и взял его штурмом. Упорна была

защита, велик неприятеля урон. Генерал Домбровский отступил за реку и в городе не остановился. Досталось победителям шесть пушек и до двух тысяч пленных⁹⁷. Адмирал пришел к реке Березине, имея менее тридцати тысяч человек, следовательно, не с половиною предполагаемого фельдмаршалом количества. Он не имел сведения о наших войсках; еще менее, где и с какими силами Наполеон. На левом берегу Березины, в городе Борисове, находился неприятель, где, по твердому сопротивлению и хорошему состоянию войск генерала Домбровского, заключил он, что и прочие части армии в равном устройстве.

Ноября 17-го числа с рассветом явился я к адмиралу. Благосклонно приняв меня, он говорил, что бывши извещен о появившейся неприятельской кавалерии на левом берегу реки Березины в 23 верстах ниже Борисова, он, оставивши с генералом Чаплицем отряд для прикрытия Зембинского дефила, прошел мимо Борисова и далее по направлению на Игумен, но возвратился с возможною поспешностью, извещенный, что в селение Вытча прибыл неприятель в больших силах, занял возвышенный левый берег Березины огромными батареями, обстреливающими противлежащую низменность, устроил мосты, и уже значительная часть пехоты перешла с пушками. Генерал-майор Чаплиц, не имея средств удержать их, принужден истребить мост чрез речку Гойну, открыть Зембинское дефиле и отступить в лес, которого за ним вслед большое пространство захватил неприятель. Атаману Платову предложено адмиралом послать отряд казаков вверх по речке Гойне для того, чтобы, перейдя чрез нее, разрушить мосты и гати в Зембинское дефиле. Я осмелился представить адмиралу мои мысли, что "если бы Наполеон встретил невозможность идти на местечко Зембин, ему оставалось единственное средство овладеть дорогою на Минск, где при изобильных всякого рода запасах (которыми снабжается армия наша и все прочие войска) доставить своей армии отдохновение, призвав из Литвы подкрепления и восстановить в ней порядок". Адмирал отвечал мне, что, защищая Зембинскую дорогу, он исполнял в точности повеление фельдмаршала.

"В звании моем начальника главного штаба 1-й армии мне известны предположения его светлости князя Кутузова. Вы теперь изволите видеть, сколько не сходятся с ними настоящие обстоятельства и сколько велика разность средств, состоящих в распоряжении вашем, когда с Наполеоном

соединились корпус маршала Виктора и войска маршала Удино, вышедшие из Полоцка. Из них были пленные, взятые еще вчерашний день, следовательно, граф Витгенштейн не воспрепятствовал им присоединиться" ⁹⁸.

Рано утром 17-го числа в лесу загорелась перестрелка и усиливалась чрезвычайно. Пехотой нашею, рассыпанною в стрелках, распоряжался храбрый и отличных способностей генерал-лейтенант Сабанеев, начальник главного штаба адмирала.

Не все еще собраны были войска армии. Составляющие резерв ее гренадерские отличные батальоны были на возвратном марше от Игумена. Кавалерия, в совершенном порядке сбереженная, по причине лесистого местоположения была бесполезною, и артиллерии часть ничтожная была употреблена, расположенная в в просеке леса на почтовой дороге: впереди легкие орудия в равном количестве с неприятельскими; сзади батарейные, стрелявшие навесно на столпившуюся в просеке пехоту. Войска моего отряда составляли резерв армии⁹⁹. Замечено было, что число неприятеля умножилось; он заменял утомленные войска свежими, теснил наши. Атаки возобновлялись часто и усиленные. Не было в лесу поляны, где бы небольшие отряды кирасир не расстраивали нашей пехоты, даже нанося урон. Причину ожесточенного боя объяснили нам схваченные пленные, известив, что Наполеон переправился через Березину и находится при войсках.

На левом берегу бывшая пехота переходила по мостам, оставались во множестве тяжелые орудия, военные обозы и частные экипажи, заграждавшие доступ к реке. Но прежде десяти часов утра появились передовые войска графа Витгенштейна и ограничились перестрелкою из орудий. В первом часу пополудни соединился весь его корпус; недолго противостоял неприятель губительным его батареям; разметав препятствия, занимали они возвышенности правого берега реки, производя ужасное поражение в отступающих войсках по низменности правого берега. Все пришло в отчаяние, смятение было общее. Все вдруг бросились на мосты, тысячи безоружных людей открывали себе путь, сбрасывая повозки в воду. Мосты, не выдержавши напора, обрушились.

В десять часов утра того же 17-го числа Наполеон вступил в Дембинское дефиле. Стремительно бросилась за ним пехота его, с большим уроном

изгоняемая из лесу войсками адмирала, и между пленными взяты многие чиновные офицеры ¹⁰⁰. Тогда уже замечен был большой беспорядок на мостах от опасения впасть в наши руки, когда берег занят будет нашими, овладевшими им, войсками.

Атаман Платов доложил адмиралу Чичагову о возвращении партии, посланной им для истребления мостов и гатей по дороге на Зембин. Надобно было перейти речку Гойну незамерзшую, хотя повсюду неглубокую, но невозможно было ближе тридцати и более саженьей подойти к ней по причине непроходимых болот, в которых увязают лошади на всем расстоянии до самого берега.

Итак, неприятельская армия в полном и решительном отступлении. Кончены на реке Березине все трудные и сложные соображения и расчеты!

Князь Кутузов имел точные сведения о гибельном положении неприятельской армии; со свойственной ему прозорливостию предусмотрел неотвратимые бедствия, непрерывно возрастающие и грозящие ей впоследствии. Ей предлежал далекий путь до границ наших, зима наставала лютая, и необходимость быстрого отступления, при совершенном изнурении от голода и стужи. Ощутительно было, судя по тысячам трупов, застилающих дорогу, что она не избегнет состояния, близкого к разрушению. Напротив, наша армия без жертвований будет, сколько возможно, сбережена!

Постоянна была мысль князя Кутузова о том, на что может решиться Наполеон в крайности, в отчаянных обстоятельствах, и что не существует опасного и отчаянного предприятия, на которые не вызвались бы приверженцы Наполеона, его гвардия и сама армия, когда он предводительствует ими, и единственное остается средство спасти его для славы Франции и надежда увидеть отечество!

Цель достигнута! Несколько тысяч пленных более и если бы даже некоторые из маршалов не увеличили бы славы и торжества русских!

Не могла слабая армия адмирала удержать Наполеона. Ему выгоднее было направление на Минск, но более необходим был кратчайший путь, ибо мог ли он полагать, что вся наша армия в близком расстоянии и, соединясь с армиею адмирала для преследования, могла его уничтожить? Оставивши немало пленных, всех вообще не имевших оружия и больных, Наполеон отправился на Зембин. За ним вскоре послан генерал-майор

Чаплиц, но как слаб был состав командуемого им авангарда, адмирал предложил мне подкрепить его моим отрядом. Я охотно исполнил приказание, предоставляя генералу Чаплицу, хотя младшему чином, полное распоряжение. Неприятель по возможности старался препятствовать скорости нашего движения, разрушал мосты на протоках и оврагах, сжигал селения. Не раз пушечные выстрелы наши разгоняли толпы их. Занявши местечко Молодечно, мы захватили офицерскую одежду, которую не успели взять с собою спасавшиеся бегством. Здесь адмирал позволил мне остановить отряд, дать людям отдых и далее идти по собственному усмотрению. Невдалеке за авангардом двигалась вся его армия.

Не позволяю себе оставить без описания о происходившем на реке Березине, когда мы оставили ее, и чего я был очевидный свидетель. На мостах, частями обрушившихся, бывшие пушки, разные тяжести упали в реку; толпы людей, сходявших на лед, между которыми немало количество было женщин с детьми и грудными ребятами. Никто не избег лютости мороза! Никогда не случится видеть столько ужасного зрелища! Счастливы окончившие бедствия свои вместе с жизнью. Они оставили завидующих их участи! Несчастнее сравнительно были сохранившие жизнь для того, чтобы лишиться ее от жестокости холода, в ужаснейших мучениях. Судьба, отмщевая за нас, представила нам все роды отчаяния, все виды смерти. Река покрыта была льдом прозрачным как стекло: под ним видно было во всю ширину реки множество погибших. Неприятель оставил огромное число артиллерии и обозов. Не перешли Березину богатства разграбленной Москвы! Неприятель понес срам бегства, и ограничен срок существования разрушающихся остатков его армии. Атаман Платов действовал отдельно, истребляя на пути неприятеля средства, которыми мог бы он воспользоваться.

Граф Витгенштейн не пошел вместе с адмиралом Чичаговым, который в качестве главнокомандующего армиею мог подчинить его своим распоряжениям; он отправился вправо, поставляя на вид намерение преследовать генерала Вреде, начальствующего баварскими войсками Рейнской Конфедерации. Вскоре по оставлении Полоцка они отошли в Литву и вероятно находятся уже далеко.

Свидетель происшествий при Березине, без малейшего в них участия,

беспристрастно излагаю я мои замечания.

Нет побуждающих причин говорить не в пользу графа Витгенштейна, известного рыцарскими свойствами, предприимчивого на все полезное! Не соответствующие этому случайности могли принадлежать постороннему внушению.

Адмирал Чичагов при первом разговоре со мною выказался превосходного ума, и я чувствую с негодованием, насколько бессильно оправдание мое возлагаемых на него обвинений.

Проходя с отрядом моим по большой дороге на Вильну, на ночлег приехал неожиданно князь Кутузов и расположился отдохнуть. Немедленно явился я к нему, и продолжительны были расспросы его о сражении при Березине. Я успел объяснить ему, что адмирал Чичагов не столько виноват, как многие представить его желают. Не извинил я сделанной ошибки движением к Игумену; не скрыл равномерно и графу Витгенштейну принадлежавших. Легко мог я заметить, до какой степени простиралось нерасположение его к адмиралу. Не понравилось ему, что я смел оправдывать его. Но в звании моем неловко было решительно пренебречь моими показаниями, и князь Кутузов не предпринял склонить меня понимать иначе то, что я видел собственными глазами. Он принял на себя вид чрезвычайно довольного тем, что узнал истину и уверял (хотя не уверил), что совсем другими глазами будет смотреть на адмирала, но что доселе готов был встретиться с ним неприятным образом. Он приказал мне представить после записку о действиях при Березине, но чтобы никто не знал о том.

Недалеко от уездного города Ошмян (49 верст от губернского города Вильны) атаман Платов обошел авангард армии адмирала и, не остановясь, продолжал движение в ночное время. Независимо от распоряжений его шел впереди отряд партизана Сеславина: проводником его был схваченный еврей, житель города, знавший о пребывании в нем самого Наполеона и ничего о том, какой дом он занимает. Еврей провел отряд чрез лежащие в стороне мельницы по тропинке, покрытой глубоким снегом, едва приметной. В городе было спокойно и в совершенно безопасности.

Сеславин обратился к дому, отличающемуся наружностью: на обширном дворе его были толпы людей. Внезапное появление казаков произвело

большое смятение, многие спасались бегством, и до того было слабо сопротивление, что казаки безнаказанно наносили поражение¹⁰¹. Отовсюду на призыв тревоги стекались пробужденные огромными толпами, и казаки вынуждены были удалиться. Дом, на который ударил Сеславин, по количеству при нем войск принят был за квартиру Наполеона, но в нем расположен был комендант города и отряды разных частей войск, поспешно отправляемые в Вильну. В отдаленном конце города была квартира Наполеона, и он с конвоем своей гвардии, не теряя минут, отправился в Вильну, где никем не видимый проехал за границу. Посланная из Вильны к отступающей французской армии дивизия из десяти тысяч людей свежей пехоты не могла служить ей подкреплением, когда в виду уже были авангард армии адмирала и атаман Платов со всеми казаками. Дивизия из резервных, вновь набранных конскриптов, не вынесла труда, и на расстоянии между городом Ошмянами и Вильною была жертвою лютости мороза; малое число спасшихся возвратилось в Вильну. Все большими толпами разбросанные по полю близко от дороги лежали замерзшие. Разметаны кости съеденных лошадей, оставлена новая артиллерия, не бывшая в употреблении, одежда отобранана имевшими силы идти далее.

Первый вошел с отрядом в Вильну партизан Сеславин, но должен был уступить превосходству неприятеля. Пришли атаман Платов и авангард генерала Чаплица, и неприятель с поспешностью оставил город. Не замедлила прибыть армия адмирала и за нею вскоре фельдмаршал светлейший князь Кутузов, Ноября 29-го числа (термометр означал 27 градусов) вступил я с моим отрядом в Вильну и тотчас явился к фельдмаршалу. Им дано мне приказание на всех въездах поставить караулы к провиантским магазинам, складам амуниционных вещей и разного рода запасов¹⁰².

В городе нашел я адмирала Чичагова, но армия его отправлена была к границам Пруссии, и в ней под ружьем было немного более пятнадцати тысяч человек, почему и приказано отдельным от нее частям поспешнее соединиться с нею.

Граф Витгенштейн, с корпусом начавший от реки Березины вымышленное им преследование войск короля баварского и не видевши их, дошел до местечка Неменчина недалеко от Вильны, откуда послал с

отрядом партизана Теттенборна, чтобы оказать содействие при занятии города, и он расположился в одном из предместий.

Пред проездом и, можно сказать, бегством Наполеона мимо Вильны бдительная французская полиция, скрывая поражения, распускала молву о его победах. Торжества были о взятии Риги и покорении Киева. Блистательно освещен город, выставлены великолепные картины, на площадях гремела музыка, хвалебные провозглашались хоры, произносились речи, изумляющие наглою дерзостью. 1805 года после сражения при Аустерлице генерал от инфантерии Кутузов назначен был литовским губернатором, и только два батальона внутренней стражи были в его распоряжении. Общество высшего разряда очаровано было его привлекательным и особенно вежливым обхождением. Женщины польские, обладающие даром пленять любезностью и ловкостью, играли при нем немаловажную роль.

Теперь светлейший князь Кутузов-Смоленский явился фельдмаршалом, победителем Наполеона, изгнанным из пределов отечества нашего¹⁰³.

У фельдмаршала нашел я адмирала Чичагова и графа Витгенштейна, который рассказывал ему о нескольких выигранных им генеральных сражениях и в таком тоне, что на долю главной армии оставлялись легкие, не весьма значительные, действия. Неуловимая тонкость князя Кутузова не могла однако же скрыть совершенно его негодования, и он давал чувствовать его, обращаясь с отличным вниманием к адмиралу, довольный соблюдаемою им почтительною наружностью. До отъезда его в армию взаимные их отношения были благовидны, что впрочем не препятствовало князю Кутузову делать вред адмиралу, многими замеченный впоследствии. Он относил насчет его намерение похитить славу заключения с Портою мира после знаменитой победы его над великим визирем при Рущуке.

Граф Витгенштейн часто, но всегда довольно неловко, давал чувствовать, что Петербург обязан ему спасением и путь в Литву проложен его победами. Служа в армии Кутузова во время славной ретирады из Баварии 1805 года генерал-майором, известен он был главнокомандующему блистательной храбрости шефом гусарского полка. Теперь находя его на первом плане действующих лиц, он признавал необходимым иметь основательное сведение о способности и познаниях,

требуемых от начальника, которому вверяется обширное и нередко трудное командование. Рассуждая о разных происшествиях, сопровождавших непредвиденный и скорый оборот обстоятельств, о предстоящих действиях по выступлении за границу, дал он повод графу Витгенштейну высказать его о том мнение. Проницательному князю Кутузову достаточно было четверти часа познать его совершенно¹⁰⁴.

Превозносимый похвалами несмысленных почитателей его спасителем Петербурга, я уверен, что он не был до той степени упоен лестью, чтобы мечтал сравнивать себя с князем Кутузовым, который не нашел в нем даже помощника.

Чрез несколько дней пришла в окрестности Вильны главная наша армия. Ей назначен нужный отдых.

Фельдмаршал покоился на пожатых лаврах, готовый продолжить бездействие. Собрались генералы в главную квартиру, где после многотрудной кампании приятно было найти удобства и удовольствия, устранив служебные занятия.

Доставлены фельдмаршалу по сделанным им представлениям назначенные награды за сражения, между прочими за битву Бородинскую. Медленно последовало утверждение их по той причине, что многие весьма из частных начальников 2-й западной армии были убиты и ранены, и временно заступившие места их присылали представления порознь, и надобно было, рассматривая достоинство оказанных отличий, соразмерять вознаграждения¹⁰⁵.

Неприятель продолжал оставлять пределы наши. Австрийский корпус генерала князя Шварценберга выходил из Гродненской губернии. Генерал Ренье с корпусом саксонским удалялся по направлению к реке Нареву, Войска польские Герцогства Варшавского отправились к Варшаве. Корпус маршала Макдональда и с ним прусские войска следовали из Курляндии к Тильзиту. Остатки большой наполеоновской армии (*la grande armee*) близкой к разрушению¹⁰⁶, и с нею отрывки войск прочих союзников направились в Пруссию. Итак, почти не было уже неприятеля на земле русской!

Расположение армий наших было следующее. Армия адмирала Чичагова была у местечка Ездна на реке Немане. Туда последовал отряженный от нее сильный корпус генерала барона Остен-Сакена,

возбранявший австрийским и саксонским войскам захватывать обширнейшее пространство всем изобилующей страны. 1-й пехотный корпус графа Витгенштейна, беспрепятственно достигая Немана в окрестности города Ковно, наблюдал отступающего маршала Макдональда.

Князь Кутузов наслаждался полным покоем. Ничто до слуха его допускаемо не было, кроме рабственных похвал льстецов, неперменных спутников могущества! О войне вспоминал нам один самовластно господствующий повсюду беспорядок, которого, как видно, не менее было у самих неприятелей наших.

В Вильне все удобные здания, самые реффектории (приемные покои. - Сост.) монастырей заняты были французскими гошпиталями. В некоторых из них, несмотря на жестокую зиму, не было для печей дров; несколько вязанок разбросанной соломы заменяли постели. Малому числу больных дана одежда, необходимой посуды никакой. Провожавший меня из старших медиков показал мне огромную больницу, дверь которой оттолкнувши ногою, мы были встречены удушливым смрадом. Он говорил мне, что есть больницы, совсем оставленные врачами, ибо не существует средств спасти больных, и сообщение с ними угрожало неизбежною заразою. По мнению его, надлежало в продолжение сильных морозов, не допускающих совершенного разложения тел, очистить город, вывезти трупы без всякой опасности. Многие тысячи трупов вывезены за город, часть их сожжена, прочие опущены в рвы и засыпаны известью. Фельдмаршал приказал привести это в исполнение.

В Вильне хранились огромные запасы всякого рода предметов собственно для продовольствия войск, по распоряжению фельдмаршала неприкосновенных до прибытия генерал-интенданта Канкрина. Столько же огромные склады амунических вещей, для гошпиталей одежды, белья, посуды, для аптек медикаментов дорогой цены и во множестве лучшие хирургические инструменты. Много бочек, наполненных хиною, камфарою и проч.

Великий князь Константин Павлович испросил соизволение выбрать из запасов амунических вещей необходимо нужные для нижних чинов гвардейского корпуса, и приказано гвардейской пехотной дивизии генерал-майору барону Розену по исполнении поручения представить

подробный обо всем отчет¹⁰⁷.

Распространился слух о прибытии государя. Надобно было заняться распоряжениями о приуготовлении встречи, и роскошный покой фельдмаршала прикрыт был наружностью необыкновенной деятельности.

В Вильне нашли также частных продавцов богатые магазины офицерских золотых и серебряных вещей, которые присвоены себе разными лицами¹⁰⁸.

Приехал государь, и в ознаменование признательности своей за великие услуги светлейшего князя Кутузова возложил на него орден Святого Георгия 1-го класса¹⁰⁹. Во множестве рассыпаны награды по его представлениям, не всегда беспристрастным, весьма часто без малейшего разбора. Вскоре составился двор и с ним неразлучные интриги; поле обширное, на котором известный хитростию Кутузов, всегда первенствующий, непреодолимый ратоборец!

Между важными событиями упомяну о недавнем происшествии, маловажном по себе, оригинальном по окончанию. Австрийский корпус, вышедший уже из границ наших, малым числом последних войск своих занимал еще город Гродно. Генерал-адъютант граф Ожаровский явился с отрядом, предложил о сдаче и получил отказ. С отрядом казаков гораздо слабейшим партизан Давыдов, без чванных речей придворного человека, не вдаваясь в политику, приблизился к передовой неприятельской страже, угрожая, если не будет сдан город, атаковать идущим за ним войском. Раздался звук стаканов между венгерскими гусарами, и при хвале отечественному напитку, рука в руку, в знак приязни. С начальником их сделано условие, и город наш¹¹⁰! В одно время дошли до фельдмаршала рапорты: графа Ожаровского, что австриец не сдает города, и партизана Давыдова, что город им занят!

Государь по прибытии своем изъявил намерение двинуть за границу армию.

Оказывая высокое уважение фельдмаршалу, из совещания с ним он заметил, что лета его, тяжелые чрезвычайно раны, труды и заботы последней кампании ослабили в нем способности. Государь, желая продолжить его успокоение, оставил при нем громкое наименование главнокомандующего и наружный блеск некоторой власти. В распоряжение армиями входил сам; о состоянии их, о средствах снабжения всеми

потребностями нужные сведения поручил собрать находившимся при его особе лицам, удостоенным особой доверенности.

Князю Кутузову полезно было представить главнейшими своими сотрудниками дежурного генерала Коновницына и генерал-квартирмейстера 1-й армии Толя, с особенными о них похвалами.

Пред началом войны государь 3-ю пехотную дивизию генерала Коновницына по устройству ее и знанию фронтовой части называл примерною, нижним чинам дана денежная награда набывалая! Государь принял его с особенною благосклонностию, благодарил его за усердие, во многих случаях оказанное мужество. Неизвестно, удовлетворил ли он его знанием военного дела, если в разговорах с ним испытывал мнение его относительно предстоящей кампании¹¹¹.

Генерал граф Аракчеев в сношениях с Коновницыным не получил от него обстоятельных объяснений на многие из предложенных предметов.

Не более пользы извлек генерал-адъютант князь Волконский из совещаний с Коновницыным, и в соображении удобнейших способов к соединению частей войск соответственно предначертанному плану руководствовался он непосредственно знанием и трудами генерала Толя, о чем докладывал государю, который, обратив на него внимание, заметил хорошие его способности.

Генерал Коновницын имел надобность по домашним обстоятельствам быть некоторое время в своем семействе. Государь с изъявлением лестного внимания предоставил ему отпуск в виде полезного после трудов, им понесенных, отдохновения. Отсутствие его из армии чувствуемо было, а вскоре даже не упоминаемо о нем.

Генерал-адъютант князь Волконский наименован начальником Главного штаба всех армий при фельдмаршале¹¹². С этого времени от самого государя исходили все распоряжения. Он наблюдал за исполнением их. При особе его величества состоял генерал барон Беннингсен, и к его изведанной опытности и познаниям обращался государь во всех случаях, когда важность обстоятельств могла требовать точнейших соображений.

Прежде прибытия государя представил я фельдмаршалу, по приказанию его, чтобы никому о том известно не было, записку о действиях адмирала Чичагова при реке Березине. Он говорил мне, что готов встретить его с

изъявлением приятных чувств. По мнению многих, вина Чичагова в отношении к князю Кутузову заключалась в том, что он умел постигнуть его совершенно!

Не мог фельдмаршал оставить без внимания записку мою (начальника главного штаба 1-й армии), в которой показывал я себя очевидным свидетелем, не участвовавшим в приобретенных успехах, и что даже пришедшие со мною войска, составляя резерв, не сделали почти выстрела¹¹³.

Адмирал Чичагов был на марше с армиею к границам, когда прибыл государь, и едва ли возможно усомниться, что князь Кутузов не объяснил ему действий Чичагова при Березине, но только защитил его от обвинений неосновательных. Неизвестно мне, видел ли его государь, но вскоре оставил он командование армиею и удалился. Не касалось это непосредственно выгод князя Кутузова, и понятно равнодушие его.

Выступление армии за границу определено 1-го числа января 1813 года. Общий план действий хранился втайне.

Предварительное расположение войск следующее.

Генерал Милорадович с авангардом в Гродне и к стороне Белостока. Адмирал Чичагов в местечке Ездне и к стороне Олиты. Отделенный от его армии корпус генерала барона Остен-Сакена, наблюдая отступление австрийских и саксонских войск, остановился на границе. Генерал Дохтуров с VI-м пехотным корпусом и другими отрядами расположен также у самой границы. Генерал Торماسов со всею гвардиею и ее кавалериею, 1-ю гренадерскою дивизиею и сильною артиллериею занимал местечко Мереч и окрестности. Здесь назначена главная квартира государя и фельдмаршала. Граф Витгенштейн с I-м пехотным корпусом недалеко от Ковно наблюдал отступление из Риги прусских войск¹¹⁴.

Атаман Платов с большею частию полков Войска Донского приближен был к местечку Мереч; прочие все готовы были к выступлению за границу.

Генерал-адъютанту барону Винценгероде предположено составить особенный отряд¹¹⁵.

По упразднении главного штаба 1-й армии я назначен начальником артиллерии всех действующих армий. Я обратился к фельдмаршалу, прося исходатайствовать отмену назначения моего, но он сказал, чтобы я

сам объяснил о том государю. Намерение его было, как тогда сделалось известным, место это доставить артиллерии генерал-майору Резвому.

После лестной должности, неожиданно и не по чину мне назначенной, когда в неблагоприятном положении дел наших государю неблагоугодно было предложить ее никому другому, мне дано приказание, и оставался долг повиновения!

Теперь новая должность моя объемлет часть обширную, но есть недостатки в ней, требующие скорого исправления, при средствах, деятельною кампаниею истощенных, в отдалении от удобнейших способов снабжения всеми потребностями. Более прежнего известный государю, я признался чистосердечно, что меня утруждают трудности и неотвратимые препятствия, чтобы поставить себя в готовность к скорейшему исполнению требований. До сего времени в каждой из армий были отдельные начальники артиллерии и у каждого свой взгляд на порядок управления делами. Теперь подчиняются они общему над ними начальнику. Государь, благосклонно выслушавши меня, изволил утвердить мое назначение.

В облегчение возложенных мною затруднений и ускоряя распоряжения Артиллерийского департамента, государь приказал мне, составляя ведомости о всех необходимо надобных предметах, доставлять их графу Аракчееву, который для немедленного удовлетворения требований будет объявлять волю его инспектору всей артиллерии барону Меллер-Закомельскому. Мера эта тем необходимее была, что на укомплектование назначенной за границу артиллерии взято большое число офицеров, нижних чинов и лошадей. Оставлены в Вильне и поблизости шестьсот орудий и готовые кадры для формирования пятидесяти конных и пеших рот, которые, по мере приведения в надлежащий состав, должны следовать за армиею. Ротам, не участвовавшим в действиях, предписано прийти в Вильну.

Государь прибыл в местечко Мереч; в то же время и фельдмаршал.

Первый день 1813 года ознаменован выступлением за границу всех наших армий.

Итак, в течение семи месяцев, потерявши не менее восьми губерний, впавших во власть неприятеля, лишившись древней столицы, обращенной в пепел, имея в сердце своем более пятисот тысяч враждебных полчищ, Россия восторжествовала! Император примером непоколебимой твердости

оживил в каждом надежду спасения отечества. Никто не пощадил жертвований, призваны в пособие все средства, все возможные усилия. Исполненные самоотвержения, двинулись храбрые ополчения России; ударил час освобождения, и Бог, поборник правых, низложил горделивые замыслы врагов, и уже нет их на земле любезного отечества нашего!

Изложив известные мне происшествия в продолжение Отечественной войны и в преследовании до границ наших спасающегося бегством неприятеля, прекращаю я описание.

¹ Дивизию составляли полки:.. 1 -я бригада: Преображенский, Семеновский (бригадный командир генерал-майор Розен. 2-я бригада: Измайловский, Литовский (бригадн[ый] командир флигель-адъютант Удом). 3-я бригада: Егерский, Финляндский (бригадный командир полковник Бистром).. К сей бригаде присоединен гвардейский Морской экипаж.

² В бумагах, взятых у неприятеля, найдено квартирное расписание войск, расположенных в Литве, список наших генералов и верное исчисление войск наших, которые довольствовались хлебом, собираемым взамен податных недоимок. Это могло казаться намерением не оставить в краю средств для неприятеля.

³ Надобно знать графа Палена, чтобы не казалось это чрезвычайным. При отличных способностях, пламенный и ледовитый по обстоятельствам, предприимчивый и осмотрительный, когда требуется.

⁴ Лагерь, требовавший продолжительного времени для работ, свидетельствует дальновидность предложившего оный. Но выбор направления, самого места для лагеря и образ укреплений, по мнению многих, не мог не быть соображением здравого ума. Господин Фуль может найти утешение в одобрении немалого числа наших генералов и пренебрегать мнением французов, которые назвали лагерь образцом невежества в науке укрепления мест. Мне не случилось слышать возражений против того.

⁵ Мысль устроить крепостцу принадлежит инженер-генерал-лейтенанту Опперману, и на него непосредственно возложено составление проекта и приведение его в исполнение. Не решаюсь думать, чтобы у инженеров новейшего времени нельзя было заимствовать чего-нибудь достойного подражания.

⁶ Многими отличными качествами приобрел он общее уважение, но в течение продолжительного служения его не представился случай, в котором мог бы он обнаружить особенные способности военного человека.

⁷ Не была предусматриваема необходимость отступления, но достоверное сведение об изумляющей многочисленности ополчений Наполеона определило отступление необходимым средством до некоторого времени.

⁸ В продолжение четырех дней в каждый день три тысячи человек нижних чинов, при полковнике и офицерах, снаряжаемы были для хлебопечения; причем соблюдался строгий порядок.

⁹ ...да удалится от двора тот, кто хочет быть благочестивым (лат.).

¹⁰ Под сильным картечным огнем генерала Раевского сопровождал сын его в самом юном возрасте.

¹¹ Государь, отъезжая из армии, между данными мне наставлениями приказал доводить до сведения его обо всех чрезвычайных случаях. Первое письмо мое его величеству было о сделанном главнокомандующему предложении. Оно послано с генерал-адъютантом Кутузовым (Павел Васильевич, генерал-майор).

¹² Эскадроны введены в лес, преследуя неприятельские аванпосты, внезапно атакованные опрокинуты, орудия захвачены, не снятые с передков.

¹³ В царствование Екатерины II командовал пехотным полком; в последнюю против поляков кампанию, действуя им отдельно, дал заметить себя отлично храбрым и предприимчивым офицером. Дивизия под начальством его обращала на себя внимание примерным порядком.

¹⁴ Надобно быть уверену, сказал я, что дозволит вам Наполеон дожить до вечера. Но для нас необходимо было выиграть время, чтобы не быть преследуемым по пятам большими силами неприятеля, чему легко подвергнуть замедление с нашей стороны.

¹⁵ Еще допускает судьба артиллерийскую экспедицию иметь его в числе ее членов, и едва ли может быть искуснейший для всех таинственных ее хозяйственных изворотов.

¹⁶ Генерал-провиантмейстер Лаба выслушал все, не смущаясь; во время отправления им должности происшествие сие, конечно, не первое, ему встретившееся. Искусное употребление провиантских регулов нередко утомляло преследующее правосудие и спасало преступника. Беззаконие, соделываемое компаниею, менее страшно. Комиссионер один никогда не погрешает.

¹⁷ Трудно лучше меня знать князя Багратиона - и сколько беспредельна преданность его к государю, для которого жизнь почитал он малою

жертвою; но со всем тем ничто не заставило бы его подчиниться Барклаю де Толли, в кампанию 1806 и 1807 годов служившему под его начальством. Война отечественная, в его понятии, не должна допускать расчетов честолюбия и находила его на все готовым.

¹⁸ Графиня Екатерина Павловна Скавронская (? - 1857). - Сост.

¹⁹ От великого князя Константина Павловича, генерал-инспектора кавалерии, ожидаемо было возражение, и без него не обошлось, но исполнение не остановлено.

²⁰ В случае даже соединения их он был гораздо сильнее. Потеря могла быть значительнее, но в успехе ни малейшего сомнения.

²¹ На случай могущих встретиться затруднения предлагал приличные меры, подкрепляемые дальновидным и весьма благоразумным соображением.

²² Великий князь Константин Павлович принял храброго полковника с особенным вниманием и сделал ему вспомоществование. Узнавши после, что с ним говорил родной брат императора, он удивлен был чрезвычайно деликатностью.

²³ О Барклае де Толли князь Багратион всегда спрашивал "Что делает твой Даву?"

²⁴ Дивизией начальствовал генерал-лейтенант принц Карл Мекленбургский. Накануне он, проводя вечер с приятелями, был пьян, проспался на другой день очень поздно и тогда только мог дать приказ о выступлении дивизии. После этого винный откуп святое дело, и принц достоин государственного напитка!

²⁵ Авангардом командовал генерал-адъютант Васильчиков, из числа отличных офицеров армии, недавно храбростию обративший на себя внимание, но мало имеющий опытности, не прежде как в чине генерал-майора начавши служить против неприятеля. До того - шеф блистательного Ахтырского гусарского полка, подвигаемый к почестям сильными связями.

²⁶ Полезных способностей, деятельности неутомимой, строгих правил чести, находился при образовании Главного штаба армии и введении нового порядка управления о больших действующих армиях.

²⁷ Князь Горчаков всякое поручение, при исполнении которого надобны храбрость и настойчивость, совершит наилучшим образом, и вид опасности его не устрашит, но с этими достойными уважения преимуществами не в равной степени может быть способность

распорядительная.

²⁸ Генерал-майору Тучкову представились совершенно неожиданные обстоятельства и опасность в высшей степени, но они нашли в нем соответственную им твердость. Неприятель был в силах и близко, он от армии отдален и скорой помощи ожидать не мог. Он решился удерживать место и тем уничтожил затруднения армии.

²⁹ Понятна опасность нашего положения, ибо приказание дал он на французском языке, чтобы не все разуметь могли подробности наставления, мне данного. Я готов был не найти ничего трудного, чтобы делать угодное начальнику, одушевлен бывши его примером заботливости и рвения.

³⁰ Медленно доставленные начальниками войск списки об отличившихся были причиною, что я не прежде мог представить реляцию, как 22 сентября № 501. Главнокомандующий, готовый к отъезду из армии, не мог заняться ею и приказал мне обратиться с нею к князю Кутузову, что и исполнено.

³¹ Быстрый ход по службе не допустил нужной опытности, не представились случаи обнаружить особенные способности военного человека. Из всех наилучших качеств, украшающих Строганова, военные не суть превосходнейшие. Никому не уступая в отважности, готовый встречать опасность, но не среди звука оружия может возгреть имя его.

³² Поставляя на вид одного из генералов войска Донского (Денисова), который, не будучи атаманом, имел графское достоинство. Я сделал то же. После сего всегда спрашивал он меня о получаемых повелениях императора и какие кому назначаемы были награды, при всей хитрости не умея скрыть нетерпеливых ожиданий.

³³ Неприятель захватывал все возможные дороги, желая огромные силы свои иметь на одной высоте и в теснейшей связи между собою. Это представляло ему удобство угрожать части войск наших быть обойденной и понуждало нас необходимо раздробляться.

³⁴ При отправлении раненых было целию обойти Москву; дальнейшее о них попечение и размещение в военные госпитали возложено было на распоряжение Военного министерства непосредственно. Раненые, которые могли возвратиться в скором времени, содержались в ближайших госпиталях.

³⁵ Всех тяготило бесконечное отступление, и общее было желание решительного боя. Казалось твердым намерение Кутузова, хотя люди

опытные усматривали неудобства местоположения.

³⁶ Сомнительно, чтобы главнокомандующий не имел известия о назначении князя Кутузова. Ускорение работ на занимаемой позиции обнаруживает намерение его дать сражение до его приезда. Как военный министр он знал, что армия никаких подкреплений иметь не будет, что Кутузов равными, как он, распоряжаясь способами, не большую может допускать надежду на успех; решился предупредить его в том, что конечно было поставлено на вид одним из важнейших предметов.. 1805 года Кутузов с малочисленной армией, посланною в помощь Австрии, совершил знаменитое отступление из Баварии среди сильных ополчений неприятельских, старавшихся отрезать ему пути. Командовал при Аустерлице, где понесенные несчастья не должны изгладиться из памяти русского, в коих хотя не имел участия, бывши не согласен с намерением атаковать, понес однако же неблаговоление государя, присутствовавшего при армии. Был военным губернатором в Литве, без уважения, в забвении. Впоследствии главнокомандующим против турок, которых при ужасном их поражении заставил желать мира, подписал прелиминарные его пункты и, отозванный в столицу, получил поручение приуготовить С.-Петербургское ополчение (Назначение конечно не весьма лестное.) В настоящее время возведение его в достоинство главнокомандующего армиями против сильного и опасного врага, проникшего в Россию, было следствием общего всех желания, и хвала государю, имевшему великодушие не воспротивиться ему.

³⁷ При селении Шевардине.

³⁸ В инженерных парках соединенных армий не было достаточно шанцевого инструмента, и все укрепления вообще производились ничтожными способами частных начальников, назначаемых для обороны их. Военный министр требовал из Москвы шанцевый инструмент, но он доставлен в самый день сражения. Бесполезный в настоящее время, обращен в состав запаса впоследствии.

³⁹ Главнокомандующий против Наполеона в 1806 и 1807 годах, до заключения мира в Тильзите. Из современных военачальников наших неоспоримо опытнейший, обладающий знанием военного ремесла, изученного на основании глубокой теории. Императрице Екатерине II он был известен с полковничьего чина не одною отличною храбростию.

⁴⁰ Поэтому называли укрепление батареею, иногда люнетом, Раевского.

⁴¹ Великий князь отправлен военным министром с донесением к

императору о состоянии армии, вероятно, по испрошенному предварительно соизволению. По взаимным отношениям нет сомнения, что военный министр не желал его присутствия в армии.

⁴² Раненые отправлялись в учрежденные прежде военные госпитали. Для отвоза их в губерниях, занятых неприятелем, сняты станции с почтовых трактов с исправными повозками, полным числом погонщиков и лошадей. Не менее шестисот троек находилось при главной квартире для разных потребностей.

⁴³ В батальоне на аванпостах до того была велика беспечность, что многие нижние чины спали, снявши мундиры. Прочих батальонов в равной степени была неосторожность, но немного менее беспорядков. Доселе храброму полку не было упрека.

⁴⁴ Полковник Карпенко неустрашимый, но умственные его способности ограничиваются понятием повеления: "Вперед!" Последнего не всегда выжидает.

⁴⁵ Если бы по настоянию генерала Беннингсена II-й и VI-й корпуса прежде сражения поставлены были ближе и в непосредственное сношение со 2-ю армию, при содействии их войска, их составляющие, не одни противостояли бы непрестанно возобновляемым с чрезвычайными усилиями атакам неприятеля. Армия не подверглась бы ужасному раздроблению. Не так далеки были соображения Кутузова, и то доказали последствия.

⁴⁶ Граф Кутайсов с самоотвержением наблюдал за действием батарей, давая им направление, находился повсюду, где присутствие начальника необходимо, преимущественно, где наиболее угрожала опасность.

⁴⁷ Я отправил его в Орел и просил отца моего иметь непрерывно особенное о нем попечение.

⁴⁸ Не раз случалось мне видеть, как бросаются подчиненные за идущим вперед начальником: так пошли и за мною войска, видя, что я приказываю самим их полковым командирам. Сверх того я имел в руке пук георгиевских лент со знаками отличия военного ордена, бросал вперед по несколько из них, и множество стремились за ними. Являлись примеры изумительной неустрашимости. Внезапность происшествия не дала места размышлению; совершившееся предприятие не допускало возврата. Неожиданно была моя встреча с егерскими полками. Предприятие перестало быть безрассудною дерзостью, и моему счастью немало было завистующих!

⁴⁹ Полки в действующих армиях состояли из двух батальонов, средний

второй батальон отделялся для составления резервной армии, формирующий собираемых по губерниям рекрут.

⁵⁰ Некоторые из адъютантов военного министра и служившие при нем, также и чиновники главного штаба, сделали мне честь находиться при мне, и заслуги их поистине выше похвалы.

⁵¹ Не в тех войсках, которые удивляли Европу славою нашего оружия, испытаны его способности; не под знаменами бессмертного Суворова, не на полях Италии, не среди теснин и пропастей Альпийских гор, пожинал он лавры!

⁵² Каре, служащее убежищем, и возводимые укрепления объясняют, что левое крыло французской армии признается пунктом, подверженным опасности.

⁵³ В тылу армии соединены были экипажи главной квартиры Наполеона, знатнейших особ, канцелярия министров, письменные дела штабов главных частных начальников, подвижные госпитали, артиллерийские парки, пекарни, огромные обозы с запасами разного рода. Заметно было смятение между ними. Платов, угрожая им, понудил бы, для охранения их, употребить значительное количество кавалерии.

⁵⁴ В лета цветущей молодости, среди блистательного служения, занимая важное место, пресеклась жизнь его. Не одним ближним горестна потеря его: одаренный полезными способностями мог он впоследствии оказать отечеству великие услуги. Мне предоставлено было судьбою познакомить его с первыми войны опасностями (1806). Вечным будет сожаление мое, что он не внял убеждениям моим возвратиться к своему месту, и если бы не желание непременно быть со мною, быть может, не пал [бы] он бесполезно жертвою. На другой день офицер, принявший его упавшего с лошади уже без дыхания, доставил мне ордена и саблю, которые отправил я к родному его брату.

⁵⁵ Картечь, поразившая насмерть унтер-офицера, прошед сквозь его ребра, пробила воротник моей шинели, разодрала воротник сюртука, но шелковый на шее платок смягчил удар контузии. Я упал, некоторое время был без чувств, шея была синего цвета, большая вокруг опухоль и сильно помятые на шее жилы. Меня снесли с возвышения, и отдых возвратил мне чувства.

⁵⁶ Командовал егерским полком на Кавказской линии под начальством знаменитого князя Цицианова. Офицер в равной степени неустрашимый и предприимчивый; ныне командующий дивизиею в VI-м пехотном корпусе.

⁵⁷ Адъютант мой артиллерии поручик Граббе был послан с сим объявлением. В нескольких полках приглашаем он был сойти с лошади, офицеры целовали за радостную весть, нижние чины приняли ее с удовольствием.

⁵⁸ Взятый на перестрелке пленный показал, что взятая ими возвышенность (которую защищал генерал Лихачев) была оставлена ночью, в том предположении, что русские овладеют ею. Казаки были на ней ночью, и о том донесено атаману Платову.

⁵⁹ Полковник Толь, офицер отличных способностей, пользовался особенным благоволением князя Кутузова, который, выказывая свою прозорливость, говорил, что, бывши главным директором кадетских корпусов, в самых молодых летах Толя предвидел в нем необыкновенные дарования военного начальника. Узнав его впоследствии, ничего не предвидел!

⁶⁰ Князь Кудашев, зять Кутузова, много теряющий тесною этою связью; ибо на счет ее относится по большей части то, что, по строгой справедливости, принадлежит его достоинствам.

⁶¹ Конечно, звание мое обратило внимание на меня; до того гордый вельможа не знал меня. Вежливо отвечал я: "В[аше] с[иятельство]во видите во мне исполнителя воли начальника, не допускающего свободы рассуждения". Он не скрыл от меня подозрения, что Кутузов далек от желания дать сражение.

⁶² Князь конечно не полагал, чтобы известно было суждение насчет его знаменитого Суворова, который говорил: "Его и Рибас не обманет". Впрочем в нынешнее время многие его угадывают.

⁶³ Великому князю Константину Павловичу доказывал я о совершенно безопасном пребывании в Петербурге, в опровержение слов его: "Сестра Екатерина Павловна не знает, где во время родов может быть покойна". Я осмелился предложить шутя заклад, и видно из происшествий, что могла она не оставлять Петербурга.

⁶⁴ Сойдя с лошадей, поговорили мы некоторое время; смотря на Москву, погрузились о ней. Впереди ничего не представлялось нам утешительное, и большой перемены в положении нашем предвидеть было невозможно. От князя Кутузова чего-то ожидали, но не с полною предавались доверенностию.

⁶⁵ Нижние чины Московского гарнизонного полка, известного некогда под именем Архаровского, пережившие, с семействами, занимавшиеся

торгом и ремеслами, совершенно подобные янычарам, выходили из Москвы в порядке, песельники впереди!

⁶⁶ Распоряжение, не соответствующее его прозорливости!

⁶⁷ Многие присвоили себе это соображение, но оно принадлежит собственно генералу Беннингсену, что мне известно со всеми, сопровождавшими мелочными, обстоятельствами. Князь Кутузов желал отнести это любимцу своему Толю.

⁶⁸ Милорадович, не довольствующийся избою, вздумал роскошествовать и занял под свою квартиру великолепный дом, пригласил к обеду многих из генералов, в полной уверенности весело отдохнуть от трудов. В это время эскадрон неприятельский, прошедши через сад, приблизился к дому; другой был в резерве. Стоявший на дворе конвой успел сесть на коня и отразил ближайший эскадрон, другой не пришел на помощь. Схваченные в плен показали, что эскадроны были прусские.

⁶⁹ Государь император был сим не доволен, и в письме к князю Кутузову собственноручно выразил, сколько неприличны подобные свидания между генералами, и в особенности приказал заметить генералу барону Беннингсену, что ему это более других непозволительно.. Генерал Милорадович не один раз имел свидание с Мюратом, королем неаполитанским. Из разговоров их легко было заметить, что в хвастовстве не всегда французам принадлежало первенство. Если бы можно было забыть о присутствии неприятеля, казалось бы свиданье их представлением на ярмарке или под качелями. Мюрат являлся то одетый по-гишпански, то в вымышленном преглупом наряде, с собольей шапкою, в глазетовых панталонах. Милорадович - на казачьей лошади, с плетью, с тремя шалями ярких цветов, не согласующихся между собою, которые, концами обернутые вокруг шеи, во всю длину развевались по воле ветра. Третьего подобного не было в армиях!

⁷⁰ При выходе из Москвы Фигнер достал себе французский билет как хлебопашец г. Вязьмы, возвращающийся на жительство. Переодетый в крестьянское платье, взят он в проводники небольшим отрядом, идущим от Можайска. Целый переход следует с ним, высматривает, что пехоту составляют выздоровевшие из госпиталей, сопровождающие шесть орудий италийской артиллерии, идущей из Павии. С ночлега Фигнер бежал, ибо в лесу, недалеко от дороги скрыт был отряд его, и он решился сделать нападение. Все взято было почти без сопротивления. В числе пленных был полковник, уроженец из Ганновера. Я был свидетелем свидания его с

генералом бароном Беннингсеном, знакомым его с самой юности, по связи семейств их.

⁷¹ Совсем другого человека видел я в Кутузове, которому удивлялся в знаменитое отступление его из Баварии. Лета, тяжелая рана и потерпленные оскорбления ощутительно ослабили душевные его силы. Прежняя предприимчивость, многократными опытами оправданная, дала место робкой осторожности. Легко неискусною лестию могли достигнуть его доверенности, столько же легко лишиться ее действием сторонних внушений! Люди приближенные, короче изучившие его характер, могут даже направлять его волю. Отчего нередко происходило, что предприятия при самом начале их или уже проводимые в исполнение уничтожались новыми распоряжениями. Между окружавшими его, не свидетельствующими собою строгой разборчивости Кутузова, были лица с весьма посредственными способностями, но хитростию и происками делались надобными и получали значение. Интриги были бесконечные; пролазы возвышались быстро; полного их падения не замечая было.

⁷² На другой день после Бородинского сражения главнокомандующий Барклай де Толли, самым лестным для меня образом одоблив действия мои в сражении, бывши ближайшим свидетелем их и говоря о многих других обстоятельствах, сказал мне: "Вчера я искал смерти, и не нашел ее". Имевши много случаев узнать твердый характер его и чрезвычайное терпение, я с удивлением увидел слезы на глазах его, которые он скрыть старался. Сильны должны быть огорчения!

⁷³ В главную квартиру при селении Красной Пахре прислан от государя генерал-адъютант князь Волконский собрать подробные сведения о состоянии армий. От него узнал я, что, отправляя из Петербурга Кутузова к армиям, государь отдал ему подлинные мои к нему письма, дабы мог он составить некоторое понятие о делах и обстоятельствах до прибытия его на место. Это истолковало мне совсем не прежнее расположение ко мне Кутузова, сколько впрочем ни было оно прикрыто благовидною со стороны его наружностью. Пред отъездом своим князь Волконский объявил мне, что государь, желая узнать, отчего Москва оставлена, без выстрела, сказал: "Спроси Ермолова, он должен это знать". По просьбе его я обещал ему записку, но с намерением уехал из главной квартиры.

⁷⁴ Известный блистательною храбростию и предприимчивостию, уважаемый за отлично благородные его свойства; фельдмаршал дал повеление дежурному генералу Коновницыну отправиться и, по обозрении,

что происходит, ему донести; мне также приказал ехать и остаться при действующих войсках. Мне встретились случаи, в которых нашел я нужным употребить имя фельдмаршала: видел, что делалось и что должно быть сделано. Генерал барон Беннингсен, назначив войскам правого крыла цель их действий, не взял на себя общих распоряжений, полагая, что ими озаботится сам фельдмаршал, которому подробно объяснил обстоятельства, лично находившись при атаковавших войсках и давши им направление.

⁷⁵ Разговор его со мною начинался выражением "голубчик", особенно когда намеревался он не высказать настоящей мысли своей, и только по различной степени, всегда, впрочем, смягчаемого звука голоса, можно было ожидать более или менее притворства. Было уже темно, сокрыта игра его физиономии, и он свободнее. "Какой дал Бог славный нам день! Неприятель потерял ужасно. Взято много пушек и, говорят, по лесам разбросано их много, а пленных - толпами их гонят! Надобно собрать точные сведения". Пушек всех и пленных я не видел. Неприятель не был тесним в отступлении и не был в положении бросать пушки. Выслушавши рассказ, я не обманусь, заключая, что донесение будет не без украшений.

⁷⁶ Фельдмаршал, призвавши меня, встретил обыкновенным, ничего не значащим приветствием "голубчик", говорил, что желает очень овладеть селом Фоминским, и заключил словами: "Ты пойдешь с Дохтуровым, я буду покоен, уведомляй чаще о том, что будет!"

⁷⁷ С бароном Меллер-Закомельским служили мы вместе в одних чинах прежде Отечественной войны в дивизии светлейшего князя Суворова, утонувшего в Рымнике, всегда хорошими приятелями, теперь действуем мы единодушно.

⁷⁸ Состоявшие в распоряжении его мои адъютанты: гвардии поручик Фон-Визин на передовых постах наблюдал за движениями неприятеля, артиллерии поручик Поздеев, сидя на ближайшей колокольне, направлял действия батареи на колонны, которые, закрываемы будучи рядами домов, подвигались в улицах.

⁷⁹ Давно уже был он близко к Малоярославцу, но корпус его не иначе мог выступить, как по собственному повелению фельдмаршала. Я видел его, как любопытного зрителя, приезжавшего прежде, и от него я знал, что корпус его не в дальнем расстоянии.

⁸⁰ Генерал Дохтуров, из доставленных известий партизаном Сеславиным усмотрев невозможность атаковать село Фоминское, 11-го числа октября

отправился обратно, чтобы поспешнее прибыть к Малоярославцу. Донесение о том получил фельдмаршал рано утром того же 11-го числа.. Если бы немедленно выступившей из Тарутина армии приказано было ускорить движение и не останавливаться в селе Спасском на реке Протве, она пришла бы к Малоярославцу по крайней мере три часа ранее, заняла бы ту же позицию на дороге в Калугу. Не надлежало приступить к устройению редутов, которые казались всем неуместными, и не только умножать в большом количестве свежие войска для удержания за собою города, напротив, полезно было вывести те, которых необходима была упорная защита до прибытия армии. Это сократило бы потерю не одной тысячи человек, и доказывается тем, что Наполеон, имевши во власти город, видевши удаление армии нашей, ничего предпринять не решился, и ясно видно было, что не существовало ни малейших приуготовлений к наступательным действиям.

⁸¹ Вскоре из показания пленных объяснилось, что князь Понятовский с польскою армиею и малым весьма числом кавалерии находился при Наполеоне, но что вся прочая вместе с французскою и всех Других союзников конницею отправлена спешенна из Москвы чрез Можайск.

⁸² Один из генералов, командующий дивизиею, давал обед корпусному своему командиру графу Остерману, где я находился также. На открытом месте воздух чрезвычайно свежий не противился некоторому умножению тостов. Не рано кончилась беседа, и я, севши в телегу, приказал везти себя шагом, чтобы отдохнуть и даже уснуть немного, и спокойно отправился в главную квартиру.

⁸³ Дивизия тогда находилась еще в следовании к авангарду.

⁸⁴ Я готов был сделать это по собственному побуждению, находя нужду в отдохновении от беспорядков, каких не видывал я в жизни моей, и с которыми Милорадович не мог разлучиться [ни] на одну минуту. В ежедневной дислокации войск авангарда назначалась его квартира, и ни одного раза он в ней не находился. Посылаемые за приказаниями офицеры, сталкиваясь по дорогам, его разыскивали. В квартире Милорадовича помещался граф Остерман, и я вместе с ним. Пробуждаясь нередко ранее их, в той же избе, под их глазами, писал Милорадовичу, сообщал распоряжения фельдмаршала, никаких от него не получая, и которые без сомнения присвоят себе его окружающие.

⁸⁵ Фельдмаршал, узнавши, что Наполеон оставил Малоярославец, занятый уже нашими войсками, медленно двинул армию, в двадцати

верстах стоящую при селении Дичине, и усматривая с известною своею прозорливостию, что огромное пространство, начинающееся жестокое время года, голод и всякого рода лишения уготовят гибель французской армии, не намеревался теснить ее. При Вязьме же находилась гвардейская кирасирская дивизия, и конечно, полагает государь, что могла быть в действии и вся армия! Тут всякий узнает Кутузова!

⁸⁶ Из числа их карту большей части Германии огромного размера, изящно во всех подробностях отделанную (рисованную и оттушеванную кистью), видел я и у князя Волконского, начальника главного штаба государя императора. Наше депо карт обогатилось такими съемками, которых тогда уже, конечно, не было во Франции.

⁸⁷ Бывшего при нашем дворе послом пред самую войною, всеми отлично уважаемого за вежливое и обязательное обращение.

⁸⁸ По окончании завтрака просил я генерала Беннингсена с настойчивостию объяснить необходимость предложенного им. "Если бы не знал я тебя, Ермолов, - отвечал он мне, - с самого ребячества твоего, впоследствии долгое время под начальством моим, я мог бы думать, что ты желаешь противного, ибо что предлагаю я, по мнению моему, полезное, по большей части оно приводится иначе в исполнение. Ты можешь не знать этого".

⁸⁹ Нередко, досадуя, слыхал я над бароном Корфом насмешки оскорбительные: будто в случае действий наступательных всегда находил он подлежащие ему пути трудными, неудобными, и те же самые пути казались ему весьма годными, когда неприятель делал движение вперед. Генерал барон Корф отличался вежливостью в обращении, постоянством в приятельных отношениях и пользовался большим уважением сослуживцев. Не подвергающийся сомнению в смелости генерал-лейтенант князь Долгоруков (Сергей Николаевич) вызвал заключение, что командиром корпуса мог он быть при князе Кутузове. Прозорливый царедворец не решится подозревать неспособности в человеке, имеющем у двора связи. Искусная классификация родов (фамилий) не бесполезным была для него соображением.

⁹⁰ Прося удостоить его полчаса разговора, ибо он имел точные сведения о состоянии армии Наполеона, бывши с нею в одно время в Смоленске. Впоследствии видел я сочинение в одном томе господина Puibusque, кавалера ордена Св. Анны второго класса, который получил, находясь при особе фельдмаршала (А. П. Ермолов имеет в виду мемуарные записки

виконта М. Пюибюска "Письма о войне с Россией в 1812 году; о городе Санкт-Петербурге, нравах и обычаях жителей России и Польши", вышедшие в Париже двумя изданиями - в 1816 и 1817 гг. - Puibusque M. L.G. Lettres sur la guerre de Russie en 1812, sur la ville de Saint-Petersbourg, les moeurs et les usages des habitants de la Russie et de la Pologne. Paris, 1816 et 1817. - Сост.)

⁹¹ Некоторые подробности о переправе допустил я потому единственно, что она совершена необыкновенным способом, и в доказательство, что возможно с несравненным русским солдатом.

⁹² В отсутствие мое из главной квартиры для особенных поручений фельдмаршала мне дано было приказание раскрывать посылаемые на имя его донесения, присоединяя к ним нужные сведения или подписывая просто: "Читал начальник Главного штаба такой-то".

⁹³ Задолго прежде вышла из Могилева дивизия польских войск генерала Домбровского равномерно, и последние от двух до трех тысяч человек разных частей войск выступили весьма недавно. Бороздин донесения свои отправлял непосредственно в главную квартиру. Если бы Бороздин не был прежде флигель-адъютантом, князь Кутузов, со всею проницательностью своею, затруднился бы найти назначение, в котором мог он быть на что-нибудь годным. Певец искусный и приятный!

⁹⁴ 1794 года состояли мы при генерал-аншефе князе Репнине, главнокомандующем армиею, расположенною в Литве. 1796 года в армию под начальством генерал-аншефа графа Зубова, действовавшую против Аги-Магмет-Шаха, прислан был курьером подполковник граф Витгенштейн с известием о кончине императрицы Екатерины II.

⁹⁵ В главной квартире в должности дежурного генерала нашел я артиллерии генерал-майора Бегичева (Ивана Матвеевича). При взятии Суворовым в 1794 году штурмом варшавского укрепления Праги он служил капитаном, старшим артиллерийским офицером в его армии и командовал артиллериею. Многие из нас в равном с ним чине имели в нем начальника строгого и взыскательного. На вопрос мой "что делаете вы здесь хорошего?" вот точный его ответ: "Ведем себя как ребяташки, которых надобно сечь розгами. Знаем, что авангард близко; первая и вторая линии ходят особенно каждая, и скоро ли придут, не знаем! Главные деятели у нас артиллерии и генерал-лейтенант князь Яшвиль и квартирмейстерской части генерал-майор барон Дибич". Я не мог их дожидаться, и мы расстались с генералом Бегичевым.

⁹⁶ Граф Ламберт получил тяжелую рану, и в армии адмирала не стало одного из отличнейших и распорядительного генерала.

⁹⁷ Расположенному в окрестностях города Мозыря генерал-лейтенанту Эртелю с отрядом из пятнадцати тысяч человек [за]благовременно предписано прибыть к армии адмирала; но в ожидании разрешений на бессмысленные свои вопросы, потеряв время, он остался на своем месте. Генерал Эртель отличался особенными расторопностью и ловкостью; низкою угодливостью в должности московского обер-полицеймейстера приобрел он известность. Дежурный генерал Коновницын, зная враждебное расположение князя Кутузова к адмиралу, изыскал способ генерала Эртеля избавить [от] ответственности за ослушание и тем не раздражил фельдмаршала!

⁹⁸ Появление гвардейских полков егерского и Финляндского, гвардейской артиллерии, лейб-кирасирских полков его и ее величеств произвело на дух войск адмирала полезное действие. Кто бы не подумал, что и фельдмаршал с армиею находится в близком расстоянии!

⁹⁹ Пленный французский офицер, старый, весьма израненный командир полка легкой пехоты, живший у меня до выступления нашего за границу, сказывал, что в сражении при переправе погибло не менее пятнадцати тысяч человек собственно военного звания и множество людей разных наций, состояний и ремесел.

¹⁰⁰ Сеславин не встретил препятствий. Арриергард французский (как показали взятые из него пленные) пошел против передовых войск армии адмирала и в главной квартире Наполеона не было о том известия, так что посланный офицер с повелениями не застал уже его, и взятый казаками представлен атаману. Он подтвердил, что Наполеон точно в Ошмянах.

¹⁰¹ В чрезвычайных размерах были заготовления всяких для армии потребностей. Ничто не упущено из виду и ничто не истреблено неприятелем. Ценность казенного имущества может восходить до огромного числа миллионов. Остались и частные богатые магазины.

¹⁰² Пред нынешнею войною австрийский генерал князь Шварценберг, бывши послом при российском дворе, имел при себе адъютантом Теттенборна, который, принят будучи в нашу службу, дал заметить себя как офицер отлично храбрый и столько же способный, оказывал в разных случаях достойные уважения заслуги.

¹⁰³ Несколько пред сим дней разговор князя Кутузова со мною в точных его выражениях: "Голубчик! Если бы кто два или три года назад сказал

мне, что меня изберет судьба низложить Наполеона, гиганта, страшившего всю Европу, я право плюнул бы тому в рожу!"

¹⁰⁴ Труд рассуждать не всегда принимал он на себя, часто предоставляя другим эту черную работу. Служащие при нем близко имеют сильное на него влияние, и весьма часто не принадлежа к числу людей достойных.

¹⁰⁵ Главнокомандующий военный министр Барклай де Толли, отъезжая из армии в сентябре месяце, поручил директору министерской своей канцелярии флигель-адъютанту полковнику Закревскому показать мне собственноручный рапорт его фельдмаршалу, которым просил представить меня к награде орденом Св. Георгия 2-го класса. Конечно, не приличествовало назначать мне награду, к которой представлен сам главнокомандующий, но сколько же несправедливо просить Анненскую ленту наравне с бригадными командирами и шефами полков, награду, получаемую за смотры войск и парады.

¹⁰⁶ Когда Наполеон с неимоверною скоростью поспешил к переправе чрез реку Березину, к нему присоединился при местечке Бобре свежий корпус маршала Виктора в отличном порядке, из которого одна только дивизия имела участие в сражении при Чашниках. Также и войска маршала Удино, защищавшие Полоцк, были довольно в хорошем состоянии. С ужасом смотрели они на бедственное положение армии и войск союзных Рейнской Конфедерации, не узнавали блистательной гвардии, которой видна была гибель неотвратимая!

¹⁰⁷ Я был свидетелем разговора, и мне легко было заметить, сколько приятно было фельдмаршалу, что его высочество с равною настойчивостию не коснулся никаких других предметов. Предполагать должно, что было в видах сбережения казенного интереса сколько возможно в большем размере.

¹⁰⁸ Не чуждыми главной квартире и без всякой осторожности. При сих обстоятельствах, многим известных, действия генералов Коновницына и Толя соответствующи достоинству звания.

¹⁰⁹ Орден этот уничтожен императором Павлом I, восстановлен императором Александром Павловичем, и в царствование его до настоящего времени князь Кутузов наименован первым кавалером сего ордена 1-го класса.

¹¹⁰ Штаб-офицеру предоставлено возвратиться к своим войскам. В городе и окрестностях водворены спокойствие и порядок. Отряд партизана Давыдова ожидает повелений!

¹¹¹ В царствование императрицы Екатерины II Коновницын был полковником, командовал пехотным полком. Отец его, значительный сановник, по важности занимаемых им должностей, в связи со многими могущественными особами, разными путями, с необыкновенною скоростью проводил сына в чины. При трудных в тогдaшнее время средствах образования молодых людей, если не поступали они в учебные заведения, родители принимали в дома иностранцев, которые сообщали детям познания поверхностные, без всякой системы (методы) в основании. Утративши в продолжительной отставке прежний, практически приобретенный навык, Коновницын возвратился в службу, и совершенно оказывались военные его знания. Блистательна была неустрашимость его, но не могла заменить недостатка их.

¹¹² Государю надобен был человек, давно к нему приближенный и совершенно им испытанный. Князь Волконский предан ему беспредельно, и, конечно, нелегко было бы заменить его другим.

¹¹³ Фельдмаршал не желал удержать при себе генерала Беннингсена, часто весьма противного с ним мнения. Генерал Толь ловким образом пользовался всяким случаем возжигать между ними несогласие, с верным расчетом упрочить влияние свое на слабого характером Кутузова.

¹¹⁴ Командующий прусскими войсками генерал Йорк есть один из отличнейших начальников. Он, прекратив военные действия, вошел в переговоры, согласно желаниям войск, особенно ему преданных. В крепостях Пруссии были французские гарнизоны, и король не мог одобрить явного нарушения союза с Наполеоном.

¹¹⁵ Наблюдательный его отряд находился недалеко от Москвы около села Всесвятского. Барон Винценгероде знал от жителей, что Наполеон вступил с армиею и в городе осталось очень мало войск. Схваченные пленные подтверждали, что оставленному с малочисленным отрядом маршалу Мортье приказано, взорвав кремлевские башни, оставить Москву и следовать за армиею. С малым конвоем и немногими из свиты своей генерал Винценгероде подъехал к заставе города, конечно, не для обозрения, но правдоподобнее, с намерением, устранив неприятеля готовностью к бою, склонить к сдаче Москвы. Сопровождавший его слабый конвой был опрокинут и, не предваря, по принятому всеми вообще порядку, не подавши знака, что прислан для переговоров (*en parlementaire*), хотя и настоятельно убеждал в том, что все против него были обстоятельства, и он взят под стражу. Слабый конвой жандармов

препровождая его пленного, дорогами отдаленными, и уже по ту сторону реки Березины внезапно освобожден он разъездом казаков из отряда флигель-адъютанта полковника Чернышева, который отправлен был из С.-Петербурга в главную квартиру фельдмаршала и далее с повелениями государя адмиралу Чичагову. Чернышев изумлен был появлением пред ним Винценгероде, ничего не зная о происшедшем с ним. Теперь объяснилось, что судьба лишила его славы быть освободителем древней столицы. Взаимна была горесть, и нет сомнения, что из двух этих знаменитостей каждая освобождение оставленной неприятелем Москвы охотно внесла бы в смету своих подвигов. Москва занята вскоре потом Войска Донского генерал-майором Иловайским 4-м. Примечательно описание Чернышева, нелепое и нагло хвастливое, трудно преодоленной им местности, переплываемых им рек и проч., хотя в то время реки скованы были морозами жестокой зимы. Винценгероде прежде всех знал о выступлении Наполеона из Москвы, но о том не известил фельдмаршала, вкушавшего невозмутимый покой в позиции при Тарутине после разбития и прогнания авангарда под командою неаполитанского короля Мюрата.